

**МОЛДАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДОКТОРСКАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НАУК**

Cu titlu de manuscris
C.Z.U.: 329.39:32.019.5(478)(043)

ТАЛМАЗАН ЛАРИСА

**НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА
КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**Специальность 561.01 - Теория, методология политологии;
политические институты и процессы**

Докторская диссертация
на соискание степени доктора политических наук

Научный руководитель:

Турко Татьяна,
доктор политических наук,
конференциар

Автор:

КИШИНЭУ, 2023

UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA
ȘCOALA DOCTORALĂ ȘTIINȚE SOCIALE ȘI ALE EDUCAȚIEI

Cu titlu de manuscris
C.Z.U.: 329.39:32.019.5(478)(043)

TALMAZAN LARISA

**ELITA POLITICĂ NAȚIONALĂ ȘI REGIONALĂ CA ACTOR
AL PROCESULUI POLITIC**

**Specialitatea 561.01 – Teoria, metodologia politologiei; instituții și procese
politice**

Teză de doctor în științe politice

Conducător științific:

Turco Tatiana,
doctor în științe politice,
conferențiar universitar

Autor:

CHIȘINĂU, 2023

©Талмазан Лариса, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Аннотации.....	5
Список аббревиатур.....	8
Введение.....	9
Глава 1. Историографические и теоретико – методологические аспекты проблемы политической элиты как актора политического процесса.....	20
1.1. Историография исследования национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса.....	20
1.2. Теоретико – методологические основы исследования национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса.....	34
1.3. Выводы к главе 1.	48
Глава 2. Взаимодействие национальной и региональной политической элиты: зарубежный опыт.....	50
2.1. Международный опыт взаимодействия национальной и региональной политической элиты в странах развитой демократии.....	50
2.2. Место и роль национальной и региональной политической элиты в демократическом и модернизационных процессах в странах Восточного Партнерства.....	69
2.3. Выводы к главе 2.....	86
Глава 3. Национальная и региональная политические элиты Республики Молдова на современном этапе.....	89
3.1. Национальная и региональная политические элиты Республики Молдова: проблемы формирования и развития.....	89
3.2. Эффективность взаимодействия правящих элит с региональной элитой АТО Гагаузии.....	106
3.3. Национальная и региональная элита Республика Молдова в зеркале общественного мнения.....	120
3.4. Выводы к главе 3.....	132
Общие выводы и рекомендации.....	135
Библиография.....	141
Приложения.....	167
Декларация об ответственности.....	177
CV автора.....	178

АННОТАЦИЯ

Талмазан Лариса, «Национальная и региональная политическая элита как актор политического процесса», диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, Кишинэу, 2023

Структура диссертации: Работа состоит из введения, трех глав, общих выводов и рекомендаций, библиографии из 315 источников, 8 приложений, 140 страницы основного текста, 6 таблиц, 2 диаграмм.

Ключевые слова: политическая элита, национальная элита, региональная элита, взаимодействие национальной и региональной политической элиты, актор, политический процесс, общественное мнение.

Цель исследования: провести комплексный анализ национальных и региональных политических элит как актора политического процесса.

Задачи исследования: анализ историографических и теоретико-методологических основ исследования национальных и региональных политических элит как актора политического процесса; обобщение опыта взаимодействия национальных и региональных политических элит в странах развитой демократии и в странах Восточного Партнерства и возможностью его применения во взаимоотношениях национальной элиты и региональной элиты АТО Гагаузии в РМ; исследование процесса формирования и взаимодействия национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова; выработка рекомендаций по повышению эффективности взаимодействия национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в РМ.

Научная новизна и оригинальность работы: проведен комплексный анализ взаимоотношений национальной и региональной элиты в Республике Молдова в период 1991-2021 гг.; сформулировано авторское определение понятия «национальная элита» и «региональная элита»; проанализирован зарубежный опыт взаимодействия национальных и региональных политических элит в странах развитой демократии и странах Восточного Партнерства; конкретизированы этапы развития национальной политической элиты и этапы сотрудничества между национальной элитой и региональной элитой АТО Гагаузия в РМ; продемонстрирована необходимость достижения консенсусного взаимодействия между национальной и региональной элитами в Республике Молдова.

Решённая научная проблема заключается в развитии концептуальной основы исследования национальной и региональной политической элиты как акторов политического процесса, что способствовало выработке практических рекомендаций по достижению консенсусного взаимодействия между национальной элитой и региональной элитой АТО Гагаузия в РМ, с целью их последующего использования государственными институтами, участвующими в реализации политических решений.

Теоретическая ценность: реализован авторский подход к исследованию категорий «национальная элита» и «региональная элита» в контексте их взаимодействия в политическом процессе; проведен комплексный анализ политических элит Республики Молдова на современном этапе, что может быть использовано для дальнейшего исследования молдавского политического процесса.

Прикладная ценность: Результаты исследования представляют интерес для ученых, исследователей, экспертов в области политологии, социологии, элитологии и других общественных науках, занимающихся изучением базовых вопросов, касающихся функционирования и взаимодействия элит национального и регионального уровня.

Внедрение результатов исследования. Результаты данного исследования нашли свое отражение в 9 научных статьях, которые были опубликованы в специализированных изданиях в Республике Молдова и за рубежом, представлены на 4 национальных и международных научных конференциях.

ADNOTARE

Talmazan Larisa, «Elita politică națională și regională ca actor al procesului politic», teza de doctor în științe politice, Chișinău, 2023

Structura tezei: Lucrarea constă din introducere, trei capitole, concluzii generale și recomandări, bibliografie din 315 titluri, 8 anexe, 140 de pagini de text de bază, 6 tabele, 2 diagrame.

Cuvinte-cheie: elită politică, elită națională, elită regională, interacțiunea elitei politice naționale și regionale, actor, proces politic, opinie publică.

Scopul cercetării: analiza complexă a elitei politice naționale și regionale ca actor al procesului politic.

Obiectivele cercetării: analiza bazelor istoriografice și teoretico-metodologice ale cercetării elitei politice naționale și regionale ca actor al procesului politic; sintetizarea experienței internaționale de interacțiune între elitele politice naționale și regionale în țările cu o democrație dezvoltată și în țările Parteneriatului Estic și posibilitatea aplicării acestora în procesul de interacțiune dintre elita națională și elita regională a UTA Găgăuzia din Republica Moldova; cercetarea procesului de formare și de dezvoltare a elitei politice naționale și a elitei politice regionale a UTA Gagauzia din Republica Moldova, relevarea particularităților de interacțiune a lor; formularea recomandărilor pentru ameliorarea eficienței interacțiunii dintre elita politică națională și elita politică regională a UTA Găgăuzia din Republica Moldova.

Noutatea științifică și originalitatea temei: au fost supuse unei analize complexe raporturile reciproce ale elitei naționale și regionale din Republica Moldova în perioada 1991-2020; a fost formulată de autor definiția noțiunii de «elită națională» și «elită regională»; a fost analizată experiența străină de interacțiune a elitei politice naționale și regionale în țările cu democrație dezvoltată și în țările Parteneriatului Estic; au fost precizate etapele de dezvoltare a elitei politice naționale și etapele de cooperare între elita națională și elita regională a UTA Gagauzia în RM; s-a demonstrat necesitatea atingerii unei interacțiuni consensuale dintre elita națională și regională în Republica Moldova.

Soluționarea problemei științifice constă în elaborarea bazei conceptuale de cercetare a elitei politice naționale și regionale ca actor al procesului politic, ceea ce a contribuit la elaborarea recomandărilor practice, pentru obținerea unei interacțiuni consensuale între elita națională și elita regională a UTA Gagauzia, cu scopul folosirii lor ulterioare de către institutele de stat, care participă la realizarea deciziilor politice la nivel național și regional.

Semnificația teoretică: a fost aplicată abordarea autorului în studiul categoriilor «elită națională» și «elită regională» în contextul interacțiunii lor în procesul politic; a fost efectuată o analiză complexă a elitei politice a Republicii Moldova la etapa contemporană ce poate fi aplicată pentru cercetarea ulterioară a procesului politic moldovenesc.

Valoarea aplicativă: Rezultatele cercetării prezintă un interes pentru savanți, cercetători, experți în domeniul politologiei, sociologiei, etnologiei și altor științe sociale, care se ocupă de studierea problemelor de bază, ce țin de funcționarea și interacțiunea elitei la nivel național și regional.

Implementarea rezultatelor științifice. Rezultatele cercetării date și-au găsit reflectare în 9 articole științifice, care au fost publicate în reviste specializate și culegeri de articole, publicate în Republica Moldova și peste hotare, au fost prezentate la 4 conferințe științifice naționale și internaționale.

ANNOTATION

Talmazan Larisa. «National and regional political elites as an actor of the political process», Thesis for the doctorate degree in Political Sciences, Chisinau, 2023

The structure of the dissertation: The work consists of an introduction, three chapters, general conclusions and recommendations; a bibliography comprising 315 sources, 8 appendixes, 140 pages of main text, 6 tables, 2 diagrams.

Keywords: political elite, national elite, regional elite, interaction of national and regional political elite, actor, political process, public opinion.

The purpose of the study: to conduct a comprehensive analysis of national and regional political elites as an actor of the political process.

Research objectives: analysis of the historiographic as well as theoretical and methodological foundations of the study of national and regional political elites as an actor of the political process; generalization of interaction experience of national and regional political elites in the countries of developed democracy as well as in the Eastern Partnership countries and the possibility of its application in the relationship between the national elite and the regional elite of the autonomous territorial entity of Gagauzia in the Republic of Moldova; study of the process of formation and interaction of national and regional political elites in the autonomous territorial entity of Gagauzia in the Republic of Moldova; development of recommendations on improving the effectiveness of interaction between national and regional political elites of the autonomous territorial entity of Gagauzia in the Republic of Moldova.

Scientific novelty and originality of the work: a comprehensive analysis of the relationship between the national and regional elite in the Republic of Moldova in the period 1991-2021 was carried out; the author's definition of the concept of "national elite" and "regional elite" was formulated; the foreign experience of interaction between national and regional political elites in developed democracies and the Eastern Partnership countries was analyzed; the stages of development of the national political elite and the stages of cooperation between the national elite and the regional elite of the autonomous territorial entity of Gagauzia in the Republic of Moldova are specified; the need to achieve consensus interaction between national and regional elites in the Republic of Moldova was demonstrated.

Resolved scientific problem consists in the development of a conceptual framework for the study of the national and regional political elite as actors of the political process, which contributed to the development of practical recommendations for achieving consensus interaction between the national and regional elites of the autonomous territorial entity of Gagauzia in the Republic of Moldova, with a view to their subsequent use by state institutions involved in the implementation of political decisions.

Theoretical value: the author's approach to the study of the categories "national elite" and "regional elite" in the context of their interaction in the political process is implemented; a comprehensive analysis of the political elites of the Republic of Moldova at the present stage is carried out, which can be used for further research of the Moldovan political process.

Applied value: The results of the study are of interest to scientists, researchers, experts in the field of political science, sociology, elitology and other social sciences engaged in the study of basic issues related to the functioning and interaction of elites at the national and regional levels.

Implementation of research results. The results of this study are reflected in 9 scientific articles, published in specialized journals in the Republic of Moldova and abroad, presented at 4 national and international scientific conferences.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

Аббревиатура	Полное название
АДПМ	Аграрно-демократическая партия Молдовы
АДР	Альянс за демократию и реформы
АТО Гагаузия	Автономное территориальное образование Гагаузия
БОМ	Барометр общественного мнения
ВВП	Внутренний валовый продукт
ВП	Восточное Партнерство
ДПМ	Демократическая партия Молдовы
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский Союз
ЛДПМ	Либерально-демократическая партия Молдовы
ЛП	Либеральная партия
НАТО	Североатлантический альянс
НФМ	Народный Фронт Молдовы
НПО	Неправительственная организация
НСГ	Народное Собрание Гагаузии
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ПДС	Партия «Действие и солидарность»
ПКРМ	Партия коммунистов Республики Молдова
ПСРМ	Партия социалистов Республики Молдова
РМ	Республика Молдова
СЛП	Социально-либеральная партия
ТС	Таможенный Союз
УВЗСТ	Углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли
ХДНП	Христианско-демократическая народная партия
ШНП	Шотландская национальная партия

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и значимость исследуемой темы. В условиях процессов демократизации и модернизации переходных обществ основным актором выступают национальные политические элиты. Актуальность их исследования связана с необходимостью анализа и определения состава и роли элит в системе политического управления. Социальная составляющая и экономическая направленность национальной и региональной политической элиты до сих пор вызывает споры в научной политической сфере. Основой научного спора остается вопрос деволюции властных полномочий региональной властной элите.

Взаимоотношения национальной и региональной элит – процесс достаточно сложный и противоречивый, который зачастую осложняется несовпадением их интересов и планов, а также недовольством полномочий, предоставленных региональным элитам. Деструктивное взаимоотношение элит, как показывает мировая практика, приводит как к открытым военным действиям, так и к «замораживанию» конфликтов на неограниченное время. Но для эффективного развития страны взаимоотношения национальных и региональных элит должны носить консенсусный характер и должны быть объединены одной целью – действовать на благо общества и государства.

События 1990-х годов столкнули многие государства постсоветского пространства, в том числе и Республику Молдова, с региональными вызовами. Усиливались процессы децентрализации власти, что потребовало от национальной политической элиты принятия решений в новых условиях. Общественно – политические трансформации привели к тому, что новые акторы в короткие сроки разработали собственные проекты общественного развития и приступили к их реализации. Исследование и анализ данных трансформационных процессов невозможно без учета регионального измерения, так как данный вектор позволяет выявить неоднозначность и многомерность изменений в политической, экономической и социальной сферах, произошедших в государстве. С возрастанием роли региональной политической элиты процесс принятия политических решений на национальном уровне стал более сложным.

Актуальность и важность данного исследования связана также с тем, что создание и функционирование в рамках унитарного государства Республики Молдова Автономного территориального образования Гагаузия (АТО Гагаузия) свидетельствует о наличии регионального политического пространства, которое обладает собственными ресурсами, органами власти автономии, региональной политической элитой как актором политического процесса, который характеризуется определенной спецификой. Несмотря на

наличие законодательной базы, которая регулирует отношения между органами власти центра и автономии [219], сама синтагма «региональная власть» в законодательстве Республики Молдова отсутствует. Однако в среде научного сообщества существует интерес к исследованию деятельности региональной власти и ее основного актора – региональной политической элите, а также ее взаимодействию с национальной политической элитой.

Кроме того, значимость научного исследования взаимоотношений национальной и региональной политических элит в Республике Молдова обусловлена тем, что развитие государства во многом зависит от внутренней политики, которую обуславливают позиции политических элит, их функционирование в системе властных отношений и влияние на политические процессы. За годы своей независимости Молдова испытала множество трудностей в формировании и становлении национальной политической элиты, а также столкнулась с рядом проблем во взаимоотношениях с региональной элитой АТО Гагаузия. Несмотря на смену элит на национальном и региональном уровнях, их представителям на протяжении трех десятилетий лет так и не удалось наладить конструктивный диалог. Исследование действий политических элит позволяет понять происходящие процессы, объяснить нынешний уровень отношений между ними и найти пути повышения эффективности взаимодействия национальных и региональных политических элит в Республике Молдова.

Во многом актуальность темы объясняется тем, что для понимания природы взаимодействия национальной и региональных политических элит необходимо применить комплексный подход, который подразумевает анализ внутреннего состава политических элит, особенностей и тенденций формирования, учета зарубежного опыта, накопленного в странах развитой демократии и в регионе Восточного Партнерства.

Тема диссертации актуальна также вследствие ее малоизученности, особенно в той части, что касается региональной элиты. Между тем назрела острая необходимость рассмотреть взаимоотношения национальной и региональной политических элит, как основных акторов современных политических процессов в условиях Республики Молдова, раскрыть консенсусный потенциал их взаимодействия.

Степень изученности темы. Проблема элит поднималась еще с древних времен и в различных измерениях не теряет своей актуальности до сих пор. Первопроходцами в исследовании феномена элиты были мыслители Конфуций, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, которые поделили общество на правящее меньшинство и управляемое большинство.

Основоположниками элитистского направления в политической науке являются итальянские ученые В. Парето [255] и Г. Моска [243], немецкий социолог Р. Михельс [239],

сформировавшие целостные концепции, посвященные правящему классу. Ж. Шумпетер [314] и К. Мангейм являются инициаторами пересмотра классической традиции анализа элиты как относительно монолитной группы, принимающей властно значимые решения.

Развитие элитистского направления привело к тому, что начиная со второй половины XX века, в американской политической науке сложилась элитоцентричная парадигма, рассматривающая политическую элиту как основного актора политических процессов. В этой связи можно выделить работы таких западных исследователей как Р. Даль [176], С. Келлер [83], Д. Рисмен [106], Дж. Сартори [273], Ф. Хантер [78], Дж. Домхофф [64], Дж. Мейзель [92], Д. Р. Патнэм [103].

В Республике Молдова первым исследователем в области элитологии стал П. Варзарь, который рассмотрел широкий спектр проблем, связанных с формированием и развитием политической элиты Республики Молдова, политической модернизацией и вызовами современной демократии [43-51]. Исследователи А. Маргаринт [16; 17], М. Черненку и И. Боцан [5] развили полученные результаты в исследовании национальных политических элит, выдвигая различные основания для периодизации процесса формирования национальной политической элиты в Молдове. Роль политической элиты рассматривали через призму отношений власти и оппозиции В. Мошняга [246; 247], Т. Турко [333], А. Колацки [6; 7], И. Русанду [35], И. Букатару и И. Николаева [21].

Феномен элиты является предметом научных исследований румынских ученых, которые в своих работах используют различные теоретические и методологические подходы к исследованию политических элит, в первую очередь, в рамках истории и социологии [25; 34]. Большой вклад в исследование новой политической элиты Румынии и ее роли в происходящих политических процессах внесли С. Брукан [4], А. Мунжиу [22], В. Б. Фичак [11], А. У. Габаньи [12], В. Пасти [26], Н. Петрович [27], И. Стэнеску [39], С. Тэнасе [41], М. Тудор, А. Гаврилеску [42].

Современная российская элитология получила свое развитие в работах Г. К. Ашина [135], М. Н. Афанасьева [134], Я. А. Пляйса [258], О. В. Крыштановской [220], В. Я. Гельмана [175], О. В. Гаман-Голутвиной [167-172] и др. Российские исследователи рассматривают элиты как функциональные группы, как особый социальный слой, как институты, но анализ элит как субъектов трансформационного процесса вызывает определенные сложности, так как до сих пор не сложилось единого представления ни о самой структуре элит, ни о формах и механизмах ее влияния на общественные изменения.

Обращаясь к исследованию регионального политического процесса, следует отметить, что тема регионализма является достаточно новой для Республики Молдова. Опираясь на концептуальные подходы к региональному политическому процессу, которые

были реализованы в исследованиях А. Магомедова [233], Р. Смищенко [275], А. Рудницкой и Ю. Глинник [267], К. Котой [9], И. Осояну [24], И. Мунтяну [23], в нашей работе был реализован региональный подход в изучении АТО Гагаузия как субъекта общенационального политического процесса в Республике Молдова.

Для Республики Молдова очень важен опыт посткоммунистических государств, которые в процессе демократизации и модернизации общества сталкиваются со схожими проблемами в процессе выстраивания отношений между национальной и региональной политическими элитами. Анализ стратегий взаимодействия национальной и региональной элит в странах Восточного партнерства, где существуют автономные образования, осуществлен в работах зарубежных исследователей У. О'Брохта [98], И. Убилава [298], З. Чиаберашвили, Г. Тевзадзе [59], Э. Меквабишвили [235] (Грузия), Э. Джафарли [181], Ф. Гулиева [73], А. Эргун [70] (Азербайджан) и др.

Создание автономного территориального образования Гагаузия предопределило формирование нового - субнационального / регионального - уровня политико-правовой власти, что нашло свое отражение в отечественной научной литературе. Взаимоотношения центральных властей и властей АТО Гагаузия рассматривали в своих работах О. Процик [101], Ф. Прина [104], И. Боцан [145; 147; 151], В. Сака [36], С. Миронова [18; 238], Н. Цвятков [308-310], Н. Путинэ [30-33], В. Бербека [2; 3], Е. Куйжуклу [222; 223] и др.

В последние десятилетия в научной среде возник большой интерес к исследованию региональных элит, выступающих основным политическим субъектом на региональном уровне. В этом отношении можно отметить работы таких зарубежных исследователей как У. Домхоффа [64], П. Хогвуда [77], К. Коллера [60; 61], А. Саламона [272], Дж. Паллавера [99], Ф. Тронкони [114], В. Лапиной, А. Чирковой [229; 230], А. Баранова [138], Н. Колесник [214] и др., которые, используя метод case-study, рассматривают специфику формирования субнациональных элит, особенности их взаимодействия с национальными политическими элитами.

В отечественной политической науке проблема региональной политической элиты практически не затрагивается, а большинство молдавских авторов отрицают саму постановку вопроса о ее существовании. Вместе с тем, термин «региональная политическая элита» используется в ряде работ молдавских ученых и к исследованию отдельных аспектов обращались И. Боцан [147], Н. Цвятков [308-310], Н. Путинэ [30-33]. Сложившаяся ситуация обусловила необходимость всестороннего и комплексного научного исследования взаимодействия между национальной и региональной политическими элитами в Республике Молдова как акторами современного политического процесса.

В качестве **объекта** исследования данной работы выступают национальная элита и региональная (АТО Гагаузия) политические элиты Республики Молдова, выступающие в качестве основных акторов республиканского и регионального политического процесса.

Предметом исследования является процесс взаимодействия национальной политической элитой и региональной элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова как акторами политического процесса, а также тенденции эволюции и перспективы достижения консенсуса между национальной и региональной политическими элитами в Республике Молдова.

Цель данного исследования состоит в проведении всестороннего и комплексного теоретико-методологического и эмпирического анализа национальной и региональной политических элит Республики Молдова как акторов политического процесса. Для реализации данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать историографию исследования национальной и региональной политических элит как актора политического процесса с целью аргументации и обеспечения объективности автора при формулировании основных тезисов данной научной работы;
- раскрыть теоретико-методологические основы исследования национальной и региональной политических элит как акторов политического процесса с определением основных категорий, которыми мы будем оперировать в данной работе;
- обобщить опыт взаимодействия национальной и региональной политических элит в странах развитой демократии и возможностью его применения во взаимоотношениях национальной элиты и региональной элиты АТО Гагаузии в контексте политического процесса в Республике Молдова;
- исследовать место и роль национальной и региональной политических элит в демократическом и модернизационном процессах в странах Восточного Партнерства, а также практики взаимоотношений национальных и региональных политических элит в условиях функционирования автономий в странах ВП, их имплементации в условиях Республики Молдова;
- проанализировать процесс формирования и развития национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова, а также проблемы и явления, сопровождающие этот процесс;
- выявить специфику взаимоотношений правящих элит Республики Молдова с региональной элитой АТО Гагаузия, а также проблемы и сложности, затрудняющие достижение консенсуса между национальной и региональной политическими элитами в Республике Молдова;

- на основе проведенных интервью проанализировать позиции представителей молдавской политической элиты национального и регионального уровня по проблеме взаимодействия национальной элиты и региональной элиты АТО Гагаузия, а также продемонстрировать отношение населения к деятельности национальной и региональной элитам через призму общественного мнения;

- на базе проведенного исследования выработать рекомендации по повышению эффективности взаимодействия национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Теоретико-методологический подход к исследованию национальной и региональной политических элит как основных акторов политического процесса требует применения совокупности междисциплинарных методов научного познания. Только синтез теоретических положений с опорой на международный практический опыт может обеспечить комплексный анализ специфики взаимодействия национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в условиях автономии в рамках унитарного государства Республики Молдова.

2. Как в странах развитой демократии, так и в странах, которые находятся в процессе трансформации, в частности страны Восточного Партнерства, национальные и региональные элиты являются важным актором политических процессов. Несмотря на то, что региональные элиты некоторых государств проявляют сепаратистские настроения, национальные элиты нацелены на сохранение единого государства, используя механизм распределения полномочий между центральными и региональными органами власти.

3. Взаимодействие национальной и региональной политических элит в странах Восточного Партнерства, где сложились субнациональные образования (Азербайджан, Грузия), определяется особенностями исторического, политического, социально-экономического и культурного развития. Опыт функционирования региональных элит этих стран представляется важным для взаимодействия национальной политической элиты и политической элиты АТО Гагаузия Республики Молдова, так как они не высказывают сепаратистских настроений, осуществляя свою деятельность в рамках унитарного государства. Для Республики Молдова процессы регионализации и формирования региональной элиты являются относительно новыми, поэтому вызывают исследовательский интерес для научной политики.

4. Формирование национальной политической элиты Республики Молдова – сложный процесс, обусловленный множеством позитивных и негативных факторов. Отсутствие опыта консолидации элиты, низкий уровень профессиональной подготовки в

сфере государственного управления отягощало взаимодействие с представителями гражданского общества. Характерной особенностью национальной элиты РМ является ее коалиционный характер, а также противоречивое деление по принципу «европейская модель – евразийский вектор».

5. Появление нового актора политического процесса после событий 1990-х годов – региональной политической элиты в лице АТО Гагаузии породило деструктивное взаимоотношение с национальной политической элитой, продолжающееся по настоящее время. Разногласия касаются отсутствия общих договоренностей в вопросе полномочий центра и автономии, внешнеполитических приоритетов, характера взаимодействия лидеров национальной и региональной элиты, носящий сопернический характер. Отсутствие конструктивного диалога между национальной политической элитой и политической элитой АТО Гагаузия сказывается на уровне доверия граждан к политическим институтам и политическим лидерам. Поэтому важно внедрить в жизнь ценности консенсуса на уровне элиты, что будет способствовать достижению консенсуса на уровне общества в целом.

Гипотеза исследования: национальная и региональная политическая элита выступают одними из основных акторов современного политического процесса Республики Молдова. Взаимоотношения между ними осложняются проблемами деструктивного характера, что затрудняет реализацию консенсусного потенциала их взаимодействия.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составляет совокупность политологических и общенаучных методов и подходов, использование которых позволило реализовать заявленные автором цели и задачи и осуществить всесторонний и комплексный теоретико-методологический и эмпирический анализ взаимодействия национальной и региональной политической элиты как акторов политических процессов.

В связи с тем, что данная работа представляет собой междисциплинарное исследование, это предполагает использование различных подходов и методов научного анализа. В работе были использованы альтиметрический, структурно-функциональный, десигнационный, системный, синергетический подходы. По нашему мнению, комплексное применение перечисленных подходов позволило отразить специфику взаимодействия национальной и региональной элиты как акторов политических процессов в Республике Молдова, сложности и проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе достижения консенсуса.

Предмет и объект исследования, цели и задачи, заявленные в диссертационной работе, определили выбор применяемых методов. С целью глубокого и всестороннего

анализа поставленной проблемы автор использовал институциональный, исторический, бихевиористский, сравнительный, социологический методы, метод case-study.

Для отражения специфики функционирования политической элиты как актора политического процесса, особенностей взаимодействия национальной и региональной политических элит в Республике Молдова в диссертационном исследовании наряду с вышеперечисленными методами применялись такие общенаучные методы, как логический, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Научная новизна и оригинальность работы. Данное диссертационное исследование является одним из первых, в котором ставится вопрос и проводится комплексный теоретико-методологический и эмпирический междисциплинарный анализ взаимоотношений национальной и региональной элиты как акторов политического процесса в Республике Молдова в период 1991-2021 гг.

По нашему мнению, новизна данной работы состоит в том, что на основе детального и глубокого анализа базовых категорий было сформулировано авторское определение понятия «национальная элита» и «региональная элита». В контексте темы исследования был проанализирован зарубежный опыт взаимодействия национальной и региональной политической элиты в странах развитой демократии, а также место и роль национальной и региональной политической элиты в демократическом и модернизационном процессах в странах Восточного партнерства, что позволит применить позитивные практики в Республике Молдова.

Наряду с этапами формирования и особенностями становления национальной политической элиты в работе проанализирован процесс формирования региональной элиты АТО Гагаузия, конкретизированы этапы развития национальной политической элиты и этапы сотрудничества между национальной и региональной элитами; исследованы проблемы, с которыми сталкиваются акторы политических процессов, продемонстрирована необходимость достижения консенсусного взаимодействия между ними.

Проведенные интервью с представителями национальной и региональной элиты, а также комплексный анализ результатов социологических опросов, проведенных на национальном и региональном уровнях, позволил через призму общественного мнения выявить отношение населения к представителям политических элит разного уровня.

На базе проведенного научного исследования сформулированы рекомендации органам государственной власти Республики Молдова и органам власти АТО Гагаузия по повышению эффективности взаимодействия в рамках внутренних и внешнеполитических процессов.

Полученные результаты, способствующие решению **важной научной проблемы**, заключаются в развитии концептуальной основы исследования национальной и региональной политической элиты как акторов политического процесса и ее прикладного аспекта, что позволило выявить особенности взаимоотношений национальной и региональной элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова. Это способствовало выработке практических рекомендаций по достижению консенсусного взаимодействия между национальной и региональной политической элитой в Республике Молдова, с целью их последующего использования государственными институтами, участвующими в процессе принятия и реализации политических решений на национальном и региональном уровнях.

Теоретическая ценность диссертации состоит в том, что полученные результаты послужили развитием уже имеющихся достижений в политической науке и восполнили определенный пробел в исследовании данной проблемы. В работе реализован авторский подход к исследованию категорий «национальная элита» и «региональная элита» в контексте их совместного участия и взаимодействия в политическом процессе.

В работе проведен всесторонний и комплексный теоретико-методологический и эмпирический междисциплинарный анализ политических элит Республики Молдова на современном этапе, что может быть использовано для совершенствования понятийного аппарата элитологии, а также для дальнейшего исследования молдавского политического процесса. Всестороннее исследование взаимодействия национальной и региональной элиты в Республике Молдова может представлять интерес как для специалистов постсоветского пространства, так и Центральной и Восточной Европы.

Положения и выводы, содержащиеся в диссертационной работе, могут послужить основой для дальнейшего исследования обозначенных проблем как в Республике Молдова, так и за рубежом.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут послужить развитием уже имеющихся достижений в политической науке. Результаты исследования представляют интерес для ученых, исследователей, экспертов в области политологии, социологии, элитологии и других общественных науках, занимающихся изучением базовых вопросов, касающихся функционирования и взаимодействия элит национального и регионального уровня.

Основные положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе для преподавания специальных курсов по проблемам элитологии, а также использоваться представителями национальной и региональной политической элиты при выработке и реализации принимаемых политических решений. Выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, могут быть использованы при разработке

рекомендаций, способствующих консенсусному взаимодействию национальной и региональной политической элитой.

Апробация результатов исследования. Результаты данного исследования нашли свое отражение в 9 научных статьях, которые были опубликованы в специализированных журналах и сборниках статей, изданных в Республике Молдова и за рубежом. Основные идеи диссертации были представлены на 4 национальных и международных научных конференциях.

Структура диссертационного исследования обусловлена целью, задачами и логикой изложения материала. Работа включает аннотации на румынском, русском и английском языках, введение, три главы, выводы и рекомендации, библиографию и приложения. Объем работы составляет 142 страницы основного текста. Библиография включает 315 источников.

Во **введении** содержится актуальность и значимость исследуемой проблемы, степень исследованности темы, цели и задачи работы, определяются объект, предмет и методологическая база исследования, новизна полученных результатов, теоретическая и практическая значимость работы, а также апробация результатов исследования.

В первой главе **«Историографические и теоретико-методологические аспекты проблемы политической элиты как актора политического процесса»** подробно анализируется историография исследования национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса, были определены базовые концепты исследования, а также раскрыта их сущность, классификация, функции. Большое внимание уделяется рассмотрению особенностей генезиса классических и современных теорий элит, выработке методологических подходов к изучению национальной и региональной политических элит как актора политического процесса.

Вторая глава **«Взаимодействие национальной и региональной политической элиты: международный опыт»** посвящена изучению зарубежного опыта взаимодействия национальной и региональной политической элиты стран развитой демократии в контексте сепарационных процессов. Такие процессы наблюдаются как в странах развитой демократии, так и в государствах, которые только идут по пути демократических и модернизационных преобразований, в частности, страны Восточного партнерства. Так как процессы регионализма являются для Молдовы относительно новыми, то опыт взаимодействия национальных и региональных политических элит этих стран представляет большой интерес в контексте взаимодействия между национальной политической элитой и политической элитой АТО Гагаузия в условиях унитарности Республики Молдова.

В третьей главе «*Национальные и региональные политические элиты Республики Молдова на современном этапе*» проводится детальный анализ этапов формирования национальной и региональной политической элиты Республики Молдова. Анализируются проблемы взаимоотношения правящей элиты с региональной элитой АТО Гагаузии, отражаются результаты интервью с представителями национальной и региональной элиты Республики Молдова, а также опросов общественного мнения о деятельности национальных и региональных политических элит в нашей стране.

Заключительная часть работы содержит **выводы**, полученные в результате анализа национальных и региональных политических элиты как акторов политического процесса, и **рекомендации** по повышению эффективности взаимодействия национальной и региональной элиты Республики Молдова в рамках современных политических процессов.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК АКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Одним из ключевых акторов современных политических процессов выступают политические элиты, деятельность которых оказывает существенное влияние на развитие общества. Именно она разрабатывает стратегию развития государства, обеспечивает благосостояние и стабильность общества, принимает решения, которые касаются каждого человека и общества в целом. Поэтому представляется важным и необходимым комплексное исследование политических элит как важного элемента политической системы Республики Молдова с точки зрения теоретических и практических аспектов.

В данной главе представлен комплексный анализ историографических и теоретико-методологических аспектов проблемы политической элиты как актора политического процесса. Большое внимание уделяется рассмотрению особенностей генезиса классических и современных теорий элит, выработке методологических подходов к изучению национальной и региональной политических элит как актора политического процесса.

1.1. Историография исследования национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса

Развитие любого общества доказывает, что одним из наиболее важных акторов, определяющих динамику и направленность политических процессов, являются политические элиты. Интерес исследователей к происходящим трансформациям в высших эшелонах власти остается неизменным, потому что именно там определяются перспективы развития государства, принимаются властные решения, имеющие значение для всего общества. Исходя из того, что базовой категорией диссертационного исследования выступает «политическая элита», важной задачей автора стало изучение специализированной литературы с целью комплексного и всестороннего анализа национальных и региональных политических элит как актора политического процесса.

Термин «элита» получил широкое распространение от французского «*elite*» (лучший, отборный, избранный) и первоначально использовался для обозначения товаров высшего качества. Начиная с XVIII века, термин стал использоваться для обозначения «избранных людей», прежде всего высшей знати, позже - для наименования высших социальных групп в системе социальной иерархии [136, с. 229].

В то же время как один из главных акторов политического процесса элиты известны еще с глубокой древности. Мыслители Конфуций, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли

[232] рассматривали вопросы, касающиеся деления общества на правящих и управляемых, выделяли качества, которыми должны обладать представители правящего класса. Исследуя генезис политической мысли до XVIII века, можно отметить, что все мыслители в той или иной степени подчеркивали необходимость существования политической элиты, делая различия лишь в количестве и качестве тех, кто входил в «элитную» категорию. В период Нового времени демократическая интерпретация общественного договора изменила отношение к народу только как объекту управления элиты, и он стал рассматриваться как субъект социально-политического процесса [136, с. 79].

Собственно элитология начинается с трудов итальянских социологов В. Парето [255] и Г. Моска [243], а также немецкого социолога Р. Михельса [239], которые создали первые концепции, посвященные правящему меньшинству. Одним из первых теоретиков, четко определившим понятие и содержание термина «элита» стал В. Парето, который в конце XIX века впервые ввел его в научный оборот. В «Трактате о всеобщей социологии» итальянский социолог определил, что к элите или избранному классу относятся люди, обладающие высшими показателями в своей области деятельности [133, с. 61], и выделял политическую, религиозную, военную, коммерческую элиту, но в то же время отмечал, что существует и элита разбойников.

Для нашего исследования важной является мысль В. Парето о том, что элита делится на правящую, осуществляющую власть, и неправящую (контрэлиту), которая не имеет доступа к управлению и сплачивает вокруг себя оппозиционные силы. Между элитой и контрэлитой происходит постоянная конкурентная борьба [255, с. 276], в результате которой при определенных обстоятельствах контрэлита может занять место правящей элиты.

Своеобразным конкурентом В. Парето в плане первенства в исследовании элит стал Г. Моска, который в своей работе «Элементы политической науки» сформулировал концепцию правящего класса как субъекта политического процесса. Также как и В. Парето, Г. Моска делил общество на господствующее меньшинство и зависимое большинство [243, с. 187], выделяя три типа элит: военную, финансовую и церковную. Понятию «элита» Моска предпочитал термины «правлящий класс», «политический класс», «высший класс», «организованное меньшинство», употребляя их как тождественные понятия. Впоследствии он вынужден был внести коррективы, отметив, что политический класс является базой для правящего класса.

Большой вклад в исследование элитизма и развитие социологии политических партий внес немецко-итальянский социолог и политолог Р. Михельс. В его знаменитом труде «Политические партии. Очерк об олигархических тенденциях демократии» можно

встретить положения о том, что общество не может существовать без господствующего или политического класса, элементы которого постоянно должны обновляться [91]. Он сформулировал знаменитый «железный закон об олигархических тенденциях» и пришел к выводу, что демократия в строгом смысле слова невозможна.

Общий вывод, который можно сделать на основе системного анализа классических концепций о правящем классе Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса, состоит в следующем: в любом обществе есть разделение на правящее меньшинство и управляемое большинство; представители элиты обладают специфическими качествами, обуславливающие ее положение в обществе; элита всегда стремится сохранить свой социальный статус; на смену правящей элиты приходит контрэлита; рекрутирование элит должно быть обязательным.

Следует отметить, что теории элит постоянно развивались, дополнялись и обновлялись, отвечая на вызовы времени, что способствовало появлению многочисленных дискуссий о месте и роли политической элиты в современном обществе. Еще до второй мировой войны начинается пересмотр классической традиции анализа элиты как относительно монолитной группы, принимающей властно значимые решения. С начала второй половины XX века дальнейшее развитие элитистских теорий происходило в условиях распространения в политической науке концепции модернизации и демократизации, что соответствовало новым историческим, экономическим и социально-политическим условиям, сложившимся в мире. Произошло перемещение центра элитологических исследований из Западной Европы в США, где были образованы несколько школ элитистской и неоэлитистской направленности, в дальнейшем оказавших влияние на развитие элитистского направления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 90-е гг. XX века.

В американской политической науке следует выделить несколько основных направлений исследования элит, сложившихся в указанный период: «макиавеллистское» (Дж. Бернхейм) [56], ценностное (Х. Ортега-и-Гассет) [253], либеральное (Г. Лассуэлл) [88; 89] и леворадикальное (Ч. Миллс) [237]. Дж. Бернхейм и Г. Лассуэлл осуществили своеобразную конвергенцию принципов элитизма и демократии, нашедшую свое отражение в концепции демократического элитизма. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, любое общество – это динамическое сочетание меньшинств (элиты) и массы, которые основаны на согласии и добровольном подчинении управляемых и авторитете меньшинства.

Сторонник структурно-функционального подхода в исследовании элит Г. Лассуэлл считал, что в обществе существует множество элит, однако политическая элита составляет верхушку, «высший правящий класс». [89, с. 14]. В рамках нашего диссертационного исследования важным является его определение правящей элиты, к которой он относил: «а)

лиц, занимающих важные посты во властных структурах; б) лиц, ранее занимавших эти посты и оставшихся после отставки лояльными существующему режиму; в) лиц, не входящих в формальные институты власти, но имеющих большое влияние на принятие решений в этих институтах; г) членов оппозиции, обладающих большим политическим весом, с которыми вынуждена считаться власть; д) членов семей властей предержащих» [89, с. 15]. По его мнению, причастность к власти определяется реальным или потенциальным влиянием на процесс принятия решений.

В целом можно отметить, что со второй половины XX века американской политической науке сложилась элитоцентричная парадигма. Рассматривая политическую элиту как актора политического процесса, хотелось бы обратить внимание на доктрину неозелизма, появившуюся в 70-90-е годы XX века и ставшую одной из теоретических основ данной работы. В этой связи можно выделить работы таких зарубежных исследователей как Ф. Хантер [78], Дж. Домхофф [64], Д. Мейзель [92], Р. Патнэм [103], С. Келлер [83], У. Хоффманн-Ланге [307], Дж. Сартори [273] и др., в которых элита представляется главным актором, принимающим политические решения или влияющим на этот процесс. Влияние масс на элиту посредством выборов и других демократических институтов весьма ограничено. Между членами элиты могут существовать разногласия, но сама элита является консенсусно объединенной [92, с. 340].

В контексте данного диссертационного исследования интересной представляется работа американского ученого А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах». Для нас в этом научном труде важны два момента: во-первых, идея автора о том, что сотрудничество политических элит является первой и основной отличительной чертой общественной демократии. В многосоставных (полиэтнических) обществах сотрудничество элит может осуществляться в таких формах как формирование «больших коалиций», взаимное вето, выступающее как дополнительная гарантия жизненно важных интересов меньшинства, пропорциональное политическое представительство, автономия каждого сегмента общества в осуществлении своих внутренних дел [231, с. 60]. Во-вторых, концепция многосоставных обществ создала инструментальный анализ территориально расколотых систем, что позволяет осмыслить региональный уровень политического процесса [231, с. 124] и функционирование региональных политических элит.

Учитывая, что в ходе исследования мы будем рассматривать взаимоотношения правящих и региональных элит и их роль как субъектов выработки консенсуса, хотелось бы обратить внимание на идею представителя неозелистского направления Дж. Хигли о консенсусно объединенных элитах [304, с. 23]. Ученый отмечает, что у членов разьединённой элиты отсутствует принципиальное согласие по поводу норм и институтов,

а также единых принципов политического поведения. Объединенные элиты могут быть двух типов: идеологически объединенная элита и консенсусно объединенная элита. Члены консенсусно объединенной элиты пришли к негласному консенсусу по поводу норм и правил политического поведения. Со временем эти нормы встраиваются в политические институты и, более широко, в политическую культуру [304, с. 26]. Поддерживая рассмотренные выше идеи, в контексте данного исследования мы обратимся к анализу взаимодействий национальной и региональной политической элиты Республики Молдова в условиях процессов демократизации и модернизации конца XX-начала XXI вв.

В Республике Молдова первым исследователем молдавской политической элиты является П. Варзарь, который в своих работах рассмотрел широкий спектр проблем, связанных с формированием и развитием политической элиты Республики Молдова, политической модернизацией и вызовами современной демократии [43-51]. В своей монографии «Политическая элита и бюрократия в контексте реализации демократических реформ (на примере Республики Молдова)», используя различные теоретико-методологические подходы, автор подробно проанализировал генезис классических и современных концепций элит, рассматривает проблему взаимосвязи элиты и бюрократии как замкнутой группы интересов [45]. Рассматривая процесс формирования и развития национальной политической элиты, П. Варзарь выделяет два критерия: становление и консолидация суверенного и независимого государства и демократический переход к управлению на основе демократических выборов и функциональности правящих коалиций. К проблеме формирования национальной политической элиты обращались и такие молдавские исследователи как А. Маргаринт [16; 17], М. Черненку и И. Боцан [5], выдвигая различные основания для периодизации данного процесса. Тенденции развития политической элиты Республики Молдова и повышение ее функциональной способности рассматривали В. Кужбэ и А. Маргаринт [17].

Состояние национальной элиты в период кризиса (2009–2012 гг.) рассмотрела А. Колацки в работе «Политический кризис и консолидация демократии в Республике Молдова», оценив его как нестабильное, так как не до конца была определена иерархия полномочий президента и премьер-министра [7]. Роль политической элиты рассматривается через призму отношений власти и оппозиции в работах В. Мошняги [247], Т. Турко [248; 296], А. Колацки [6], И. Букатару [21], И. Русанду [35]. Являясь необходимым элементом демократической политической системы, оппозиция выступает эффективным инструментом цивилизованного решения противоречий между большими группами людей, представленными политическими партиями. В Республике Молдова правящие и оппозиционные элиты не разделяют консенсусные интересы и ценности, что

определяет характер их отношений в условиях демократических системных трансформаций.

Феномен элиты является предметом научных исследований румынских ученых, которые в своих работах используют различные теоретические и методологические подходы к исследованию политических элит, в первую очередь, в рамках истории и социологии [25; 34]. Большой вклад в исследование новой политической элиты Румынии и ее роли в происходящих политических процессах внесли С. Брукан [4], А. Мунжиу [22], Б. Фичак [11], А. У. Габаньи [12], М. С. Рэдулеску [34], В. Пасти [26], Н. Петрович [27], И. Стэнеску [39], С. Тэнасе [41], М. Тудор и А. Гаврилеску [42]. Исследования данной группы авторов были направлены на выявление и анализ основных истоков и этапов формирования современной румынской элиты, партийное строительство, а также на выявление особенностей взаимодействия элиты с гражданским обществом и существующих в данном контексте проблем.

Рассматривая процесс формирования новой румынской элиты, А. У. Габаньи сделала вывод, что большая часть бывшей номенклатуры удачно вписалась в новые властные и экономические структуры. К источникам рекрутирования новой элиты, помимо номенклатуры, она относилась так называемую «директократию», к которой относились «красные директора», управляющие крупных государственных компаний, новые собственники и руководители частных предприятий, и молодые технократы 1980-х годов [12]. Н. Петрович указывает на тот факт, что в начале 1990-х годов бюрократии удалось сохранить главенствующую роль во властных структурах, а в руководстве партий было много лиц, которые при социализме занимали руководящие должности [27, с. 121]. Формирование новой политической элиты Румынии происходило быстрыми темпами, и к середине 90-х годов XX века этот процесс в целом был завершен. По мнению В. Пасти, «руководители всех партий начали постепенно понимать, что независимо от партийной принадлежности они представляют политическую элиту страны» [26, с. 161].

Российские исследования в области элитологии начались в годы демократического транзита России в последние два десятилетия XX века [134, с. 17, 22]. В работах Г. К. Ашина [136], М. Н. Афанасьева [134], Я. Пляйса [258], О. В. Крыштановской [220], В. Я. Гельмана [174; 175], О. В. Гаман-Голутвиной [170], Т. И. Заславской [200; 201], Е. Мелешкиной [236] и др. исследовался процесс формирования российской элиты, механизмы ее рекрутирования, особенности трансформации советской номенклатуры в постсоветскую элиту, взаимоотношения элиты и общества. Следует отметить, что исследование элит в российской науке развивалось в ином русле в отличие от западной общественной мысли, где в качестве «несущей конструкции» выступала взаимосвязь

структур гражданского общества и государства, традиции демократических институтов, наличие различных центров политической активности. В России отсутствуют развитые традиции гражданского общества, цементирующую роль в обществе всегда играло государство, а политическое управление доминировало над экономическим [250, с. 205].

Анализ публикаций российских авторов позволяет выделить работы, посвященные историческим, теоретическим и методологическим аспектам проблемы политических элит. В этом отношении важной стала дискуссия по содержанию концепта «элиты» и возможности его использования в методологическом и прикладном аспектах; соотношение ценностного и структурно-функционального подходов к исследованию проблемы. Содержание понятия «элита» и возможности его использования в методологическом и прикладном аспектах раскрывают в своих работах Г. К. Ашин [136], О. В. Гаман-Голутвина [172] и В. Мохов [244; 245]. Разрабатывая институциональный подход в политико-социологическом анализе властных элит, А. Дука показал, что элиты могут рассматриваться как функциональные группы, как особый социальный слой, как институты [182; 183]. Работы ряда исследователей (В. Н. Титов, Е. В. Охотский, А. В. Понеделков и др.) ориентированы на выявление воздействия российской элиты на трансформацию общества. Однако, по мнению исследователей, анализ элит как субъектов трансформационного процесса вызывает определенные сложности, так как среди исследователей до сих пор не сложилось единого представления ни о самой структуре элит, ни о формах и механизмах ее влияния на общественные изменения. Кроме того, достаточно проблемным остается вопрос о заинтересованности современных российских элит в модернизационном рывке [250, с. 206].

Определяя национальную и региональную политические элиты как основных акторов политического процесса, одной из важных задач автора является всесторонний анализ научных источников по проблеме политического процесса. В специальной политологической литературе можно найти различные подходы к категории «политический процесс», связанные как с его комплексным характером, так и с его динамичностью, что определяет многообразие его определений и интерпретаций.

Огромный вклад в обоснование теории политического процесса внесли западные ученые, которые в рамках конкурирующих научных подходов (институционализма, бихевиорализма, структурно-функционального подхода, системного анализа, теорий политических изменений) высказывают различные точки зрения относительно данной научной категории, что во многом отражает эволюцию мировой политической науки. Классики западной политической мысли XX века, (Г. Алмонд, С. Верба, Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, Д. Истон, Д. Растоу, С. Липсет, С. Хантингтон и др.), рассматривают вопросы

мировых преобразований, модернизации и демократизации общества, позволяя сочетать статические и динамические модели политических процессов.

Анализ политических процессов в посткоммунистических государствах, включая Республику Молдова, чаще всего основывается на теориях демократического транзита. Зарубежные и отечественные исследователи обращались в своих научных трудах к вопросам, связанным с формированием новых демократий, факторов, влияющих на процесс демократизации посткоммунистических государств. В связи с этим хотелось бы отметить работы Т. Кузио [86], К. Нойкирха [95; 96], О. Процика [100-102] и др. Комплексный анализ процессов модернизации и демократизации во внутривнутриполитическом пространстве Республики Молдова был предпринят в работах В. Мошняги [246], В. Саки [36; 38; 271], В. Жука [14; 186], К. Соломона [19] и др. В своих работах авторы отмечают, что необходимо сконцентрировать усилия на построении открытой демократической политической системы, в рамках которой общество имеет возможность контролировать власть. Политический плюрализм, возведенный в ранг конституционной нормы, определяет институциональный плюрализм, основанный на балансе сил.

Новизна, представленная темой регионализма для Республики Молдова, накладывает ряд концептуальных разграничений для адекватного понимания предмета исследования, а также для формулирования выводов и рекомендаций. Опираясь на концептуальные подходы к региональному политическому процессу, которые были реализованы в исследованиях А. Бьюкенен [154], К. Котой [9], И. Осояну [24], И. Мунтяну [23], А. Магомедова [233], Р. Смищенко [275], Н. Ереминой [184], А. Рудницкой и Ю. Глинник [267], в представленной работе был реализован региональный подход в изучении АТО Гагаузия как субъекта общенационального политического процесса в Республике Молдова.

В контексте регионализма, считающегося «проекцией» политической науки на региональный уровень, выделяют два основных направления анализа: 1) отношения между центром и регионом, политика государства в отношении регионов и 2) изучение политической среды на уровне регионов [297, с. 114]. Учитывая специфику работы, объект данного исследования будет связан с первым направлением, так как представляется важным определить аспекты, связанные с развитием регионального политического процесса как совокупности последовательных политических изменений на региональном уровне, включая институциональные перемены, циркуляцию элит, а также взаимодействие региональной и национальной политических элит Республики Молдова с позиции достижения консенсуса между ними.

В связи с этим для данного диссертационного исследования представляется важным изучение опыта взаимоотношений региональной политической элиты автономии Южный Тироль и центральных органов власти Италии, на который часто ссылаются в связи с АТО Гагаузия. В связи с этим хотелось бы отметить работы Г. Паллавер [99] и Е. Албер [52], которые отмечают, что успешный опыт в решении проблемы этнических меньшинств основан на двух принципах: на принципе диссоциативного разрешения конфликтов, что означает максимально возможное разделение языковых групп между собой, и на принципе консоциативной демократии, поощряющей сотрудничество этнических элит [99, с. 301].

Как отмечает Г. Паллавер, основными элементами консоциальной модели Южного Тироля являются идентификация в отношениях между элитами немецкой (и ладинской) и итальянской языковыми группами, а также в отношениях между Италией как унитарным государством и Южным Тиролем. Консенсус между национальной и региональной элитами существует как по общей процедуре, так и по конкретным вопросам автономии, каждая из политических элит имеет право вето [99, с. 301, 328]. По мнению Е. Албер, в контексте итальянского регионализма большое значение имеет система разделения властей Южного Тироля, которая позволяет ему эффективно выстраивать свои отношения путем разделения полномочий по горизонтали (между языковыми группами в самом Южном Тироле и как автономной провинции в рамках особого региона Трентино-Южный Тироль), и по вертикали (между Южным Тиролем и центральными властями в Риме) [52, с. 171, 199].

Показательным является опыт автономии Аландских островов в составе Финляндии [75]. Аландские острова - единственная провинция, которая в соответствии с Законом об автономии (1921 г.) наделена значительными законодательными и исполнительными полномочиями. Взаимоотношения между национальной и региональной политической элитами минимальны, даже на съездах представители партий присутствуют как иностранные гости. Финские партии не участвуют в выборах на островах, что привело к вертикальному разрыву связей между политическими элитами Финляндии и Аландских островов [75].

Для Республики Молдова очень важен опыт посткоммунистических государств, которые в процессе демократизации и модернизации общества сталкиваются со схожими проблемами в процессе выстраивания отношений между национальной и региональной политическими элитами. Участие Молдовы в программе ЕС «Восточное партнерство» позволяет выявить позитивные практики, которые Молдова может использовать для повышения эффективности взаимодействия национальной и региональной элит. Следует отметить, что количество исследований по данному аспекту проблемы незначительно, и в основном они рассматривают влияние Европейского Союза на национальные элиты

стран-участниц Восточного партнерства. Молдавский исследователь Н. Стеркул обращает внимание на то, что общность подходов к странам Восточного партнерства не дает ощутимых результатов и требует новых мер со стороны европейских партнеров. Поэтому в последнее время ЕС старался «подходить к решению проблем, возникающих на пути модернизации государств в индивидуальном порядке» [282, с. 201].

Процесс имплементации программы Восточного партнерства в странах-участницах анализируется в коллективном научном труде «Восточное партнерство: Цели – опыты – вызовы». Опыт европейской интеграции Молдовы, получение безвизового режима с ЕС и проведение в стране необходимых модернизационных и демократических реформ рассматривается в сборнике статей молдавских исследователей «Детерминанты и перспективы политики европейской интеграции Республики Молдова» [179].

Роль национальной и региональной политической элиты в процессах модернизации и демократизации в странах Восточного партнерства рассматривается в работах зарубежных исследователей М. Фенгер [71], Х. Мазепус и А. Димитровой [90], Э. Широковой [128], Ю. Сокирки [127], Т. Балуты [137], С. Рыбалки Г. [268; 269], Кернеса [210], Э. Кулиева [224], Н. Гегелашвили [173], А. Кухианидзе [226]. Используя метод case-study, У. О'Брохта [98], З. Чиаберашвили и Г. Тевзадзе [59], Б. Чедия [58; 311], Э. Джафарли [181], Ф. Гулиев [73], А. Эргун [70], С. Дацюк [178], В. Романова [126; 266], Д. Коваленко [211] и др. анализируют стратегии взаимодействия национальных и региональных элит в тех странах, где существуют автономные образования – Нахичеванская автономная республика в Азербайджане и Аджарская автономная республика в Грузии. Основываясь на принципе функционализма, к региональной элите указанных автономных образований исследователи относят руководителей, занимающих посты в региональных органах власти, а также лидеров региональных партий. Украинские исследователи, используя административно-территориальный критерий, к региональным элитам относят областные элиты, что свидетельствует о неоднозначности данного определения.

Создание автономного территориального образования Гагаузия предопределило формирование нового - субнационального / регионального - уровня политико-правовой власти, несмотря на правовые нормы, которые рассматривают существование этого образования через двойные стандарты: автономная область с особым статусом и административно-территориальная единица второго уровня, без разграничения на местные и региональные органы власти [32, с. 4].

Согласно законодательной и нормативно-правовой базе, в Республике Молдова выделяют центральный и местный уровень государственной власти. Важно отметить, что, несмотря на то, что de-jure и de-facto зафиксировано создание гагаузского региона, в

законодательных актах Республики Молдова отсутствует положение о региональной власти. В Законе о региональном развитии РМ зафиксировано понятие «регион развития», но он представляет собой функционально-территориальную, а не административно-территориальную единицу [194]. Порядок организации и функционирования центральных органов законодательной и исполнительной власти Республики Молдова регулируется Конституцией РМ [219], Кодексом о выборах РМ [212], Законом о Правительстве [193], Регламентом Парламента [218], Законом о статусе депутата Парламента [195]. Порядок организации и функционирования органов местного публичного управления регулируется Законом о местном публичном управлении [188], а в Гагаузии как автономно-территориальной единице с особым правовым статусом - на основании положений, закрепленных в Конституции, Законе об административной децентрализации [189], Законе об особом правовом статусе Гагаузии [190] и Законе о местном публичном управлении [188].

Правовыми основами функционирования АТО Гагаузия являются Конституция РМ, Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери), Уложение Гагаузии (Гагауз-Ери) [299], Закон АТО Гагаузия об Исполнительном Комитете Гагаузии [197], Регламентом о Народном Собрании Гагаузии [198], Закон АТО Гагаузия о выборах главы (Башкана) Гагаузии [199]. Имеющаяся правовая база обеспечивает функционирование автономии, не нарушая унитарного характера Республики Молдова. Наличие законодательных и исполнительных органов власти автономии предполагает функционирование региональной политической элиты как основного актора регионального политического процесса. Исходя из этого, одной из задач данного исследования стал анализ деятельности региональной политической элиты, ее взаимодействия с национальной элитой и влиянием на общенациональный политический процесс.

Изучение специализированных источников, опубликованных в нашей стране и за рубежом, позволяет отметить, что научный интерес к гагаузской автономии в наибольшей степени был отражен в исследованиях, появившихся сразу после конфликта, когда велись дискуссии о необходимости и правомерности предоставления гагаузскому этническому меньшинству особого статуса автономии со стороны молдавского правительства. Данную проблему рассматривали в своих работах зарубежные и отечественные ученые Т. Бенедиктер [55], Р. Лапидо [87], О. Процик [100-102], Ф. Прина [104], П. Йарве [80], М. Косиенковский [85], П. Колсто [84], И. Боцан [144;145], В. Сака [36-38], Н. Цвятков [308-310], С. Миронова [18; 20; 238], Н. Путинэ [30-33], В. Бербека [2; 3], Е. Куйжуклу [222; 223].

По мнению Н. Путинэ, автономный статус Гагаузии иллюстрирует некоторые из ключевых проблем в разработке и реализации положений об автономии в контексте переходной демократии [32, с. 20]. Ряд отечественных авторов достаточно критично подходят к правовому аспекту статуса автономии, указывая, что ряд правовых положений, противоречит определенным конституционным нормам Республики Молдова [10; 227].

Исследуя гагаузскую автономию, О. Процик приходит к выводу, что она была предоставлена Гагаузии под существенным (внутренним и внешним) давлением для разрешения растущей напряженности в регионе. Это произошло в то время, когда молдавское государство находилось в слабой, политически неопределенной позиции, на начальном этапе становления независимого государства. Когда центральная власть стала сильнее, гагаузская автономия была скорее ослаблена, чем институционализирована [101, с. 236]. Правовые положения о распределении полномочий между центром и автономией оставались расплывчатыми и допускали различные, противоречивые толкования. Центральные власти приняли множество законодательных актов, которые не полностью соответствуют статусу автономии или не рассматриваются для специальных случаев, предусмотренных законом для Гагаузии [104, с. 258].

Указывая на сокращение автономии Гагаузии, Ф. Прина отмечает, что, несмотря на юридическое закрепление в Молдове региональной автономии и этнического разнообразия, неформальные практики частично совпадают с формальными нормами. Сильные центробежные импульсы отклоняют правовые положения либо непостоянной интерпретацией (часто неясных) правовых положений, либо их прямым нарушением. Правовые гарантии были недостаточными в защите территориальных механизмов в Гагаузии, которые остаются вторичными по отношению к политическим приоритетам в Кишиневе, что повлияло на бесперебойное функционирование механизмов автономии [104, с. 258].

Эту позицию разделяет и О. Процик, считая, что предоставление автономии Гагаузии часто рассматривается как редкий случай успешной трансформации конфликтов на постсоветском пространстве, однако условия соглашения об автономии, достигнутые между центром и регионом, не выполнялись должным образом. К факторам, которые влияют на выбор стратегий, автор относит экономическую уязвимость автономии, распространенность неопатримониальной политической практики и слабость традиции верховенства права в Молдове. Две последние характеристики отличают Гагаузию от территориальных автономий в странах развитых западных демократий [101].

На основе анализа теоретических основ автономии и практического опыта ее реализации в странах Западной Европы отечественные авторы С. Миронова [238],

Е. Куйжуклу [222; 223], В. Бербека [2; 3] в своих работах исследуют проблемы, связанные с реализацией автономии Гагаузии, что находит свое выражение во взаимоотношениях национальной и региональной элит. В. Бербек отмечает, что отношения последних лет между Комратом и Кишиневом остаются напряженными. Это касается и деятельности рабочей группы по рассмотрению вопросов, касающихся особого статуса региона, и негативного отношения Гагаузии к процессу европейской интеграции, который проводится правящей элитой [3].

Так как процессы регионализации стали частым явлением не только в федеративных государствах, но и в унитарных, в последние десятилетия в научной среде возник большой интерес к исследованию региональных элит, выступающих основным политическим субъектом на региональном уровне. В этом отношении можно отметить работы таких зарубежных исследователей как У. Домхоффа [64], К. Коллера [60; 61], А. Саламона [272], Дж. Паллавера [109], Ф. Тронкони [124], В. Лапиной и А. Чириковой [228; 229; 230], В. Мохова [245], А. Баранова [138] и др., которые, используя метод case-study, рассматривают специфику формирования субнациональных элит, особенности их взаимодействия с национальными политическими элитами.

По-разному оценивая региональную политическую элиту, большинство исследователей сходятся во мнении относительно ее небольшой численности, статусной и символической обособленности; в качестве ключевого критерия региональной политической элиты выделяют способность влиять на социальные, экономические и политические процессы в рамках региона, но, как правило, не всей страны.

Изучая американский высший класс, У. Домхофф отмечает, что, несмотря на некоторое растущее разнообразие, среди региональных политиков есть некоторые общие черты [64]. К аналогичному выводу пришел в своей работе «Политические элиты в федеративных странах: пример Испании (1980-2005)» К. Коллер, проанализировавший структуру и систему рекрутирования региональных политических элит Испании за период 1980-2005 гг. [61]. Пример этой страны интересен для Молдовы тем, что по Конституции 1978 года Испания является децентрализованным государством, состоящим из 17 сообществ и двух автономных городов, отражающих культурное и языковое многообразие страны.

Сформировавшаяся региональная политическая элита Испании в количественном отношении почти вдвое превышает национальную, но, с точки зрения значимости, перевес на стороне национальной элиты. В то же время региональные элиты обладают большей властью в плане влияния на сообщества [61, с. 4]. По мнению П. Онате, процесс интенсивной и быстрой политической децентрализации, происходящий в Испании

с 1980 года, породил высокопрофессиональную региональную парламентскую политическую элиту. Проанализировав региональную парламентскую элиту по социально-демографическим и политическим переменным, ученый указывает, что она имеет свои специфические черты и характеристики, дифференцирована от того общества, которое она представляет, и в чем-то от национальной парламентской элиты [97, с. 30]. Более того, региональные элиты превратились во влиятельные политические силы, которые дополняют или противодействуют национальной власти, их деятельность и отношение к региональным и национальным политическим институтам гарантировали значительную функциональную автономию.

В контексте формирования субнациональных политических элит в унитарных государствах интересной представляется точка зрения, согласно которой возникновение регионального политического класса, отличного от национального, является результатом двух различных процессов - социальной и территориальной дифференциации [112, с. 84]. Первый процесс в основном относится к созданию профессионального политического класса на региональном уровне. Второй процесс связан с существованием регионального политического класса, отличного от национального. Рассматривая соотношение национального и регионального, итальянский исследователь Ф. Тронкони задается вопросом: является ли региональный уровень ступенью к общенациональной позиции? Если ответ положительный, то региональные политики выступают как часть национальной политической элиты. Если ответ отрицательный, можно говорить о региональном политическом классе, когда политические посты в основном занимают профессиональные политики, а региональные институты представляют собой средоточие их политической карьеры [114].

В отечественной политической науке проблема региональной политической элиты практически не затрагивается, а большинство молдавских авторов отрицают саму постановку вопроса о существовании региональной элиты. Вместе с тем, термин «региональная политическая элита» используется в ряде работ молдавских ученых. Так, П. Варзарь указывал на разделение молдавской элиты в начале 1990-х годов на национальную и региональную (приднестровскую и гагаузскую) [46, с. 129]. Детальный анализ онтологических, структурных и функциональных аспектов региональной политической элиты АТО Гагаузия предприняла Н. Путинэ [32]. Анализируя расклад политических сил в Гагаузии 2012-2015 гг., Н. Цвятков пишет о представителях политической элиты региона, сопоставимых по своему электоральному весу, накануне выборов главы автономии [309, с. 21, 40]. Рассматривая специфику национальных и региональных избирательных циклов в АТО Гагаузия, И. Боцан указывает, что выборы

красноречиво демонстрируют специфические характеристики гагаузской автономии. Это объясняется рядом факторов, одним из которых является деятельность политической элиты автономии [147, с. 50]. Обращаясь к вопросу создания региональных партий, политический аналитик считает, что необоснованно поддерживать высокие барьеры для регистрации региональных партий, а также необходимо создание соответствующих рамок их деятельности [151].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно подвести некоторые итоги. Анализ историографии исследования национальной и региональной политических элит как актора политических процессов свидетельствует о существовании устойчивого интереса со стороны научного сообщества к данной проблеме. Многочисленные научные труды зарубежных и отечественных исследователей посвящены историческим, теоретическим и методологическим аспектам проблемы политических элит. Регионализация политических процессов не только в федеративных, но и в унитарных государствах привела к появлению наряду с национальной региональной элиты, обладающей своими особенностями и интересами.

Для Республики Молдова контекст регионализма является достаточно новым, поэтому если в отечественной науке тема национальной политической элиты разработана и изучена достаточно полно, то тема региональной элиты не находит должного отражения в научной литературе. Для восполнения данного пробела важной научно-исследовательской задачей выступает всесторонний и комплексный анализ взаимодействия между национальной и региональной политическими элитами в Республике Молдова как акторами современного политического процесса.

1.2. Теоретико-методологические основы исследования национальной и региональной политической элиты как акторов политического процесса

Изучение и анализ проблемы национальной и региональной политической элиты как акторов политического процесса носит комплексный характер и охватывает разнообразные аспекты. Междисциплинарный характер диссертационного исследования обусловил обращение к различным видам источников, которые обеспечили достоверность и логичность проведенного научного исследования, аргументированность выводов и рекомендаций.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды отечественных и зарубежных авторов, занимающихся изучением национальной и региональной политической элиты как основных акторов политических процессов. Мы

считаем, что в первую очередь разработка теоретических основ диссертационного исследования предполагает необходимость определения основных категорий, которыми мы будем оперировать в данной работе. Исходя из поставленных цели и задач исследования, нам необходимо определить такие понятия как политическая элита, национальная элита, региональная элита, правящая элита, актор, политический процесс.

Ключевой категорией данного исследования является «политическая элита». Сразу следует отметить, что единого определения этого понятия не существует, и в научной литературе отражается все разнообразие подходов к определению этого термина. Но, несмотря на различия в определении элиты, все теоретики согласны в одном: для элиты характерно властное положение небольшой группы лиц или нескольких групп, которые формируют либо влияют на решения, имеющие национальное значение. Таким образом, все акторы, которые «в силу своего институционального положения обладают высоким потенциалом влияния на формирование национальной политики» [93, с. 674] считаются членами элиты.

Говоря о властвующей элите, Ч. Миллс отмечает, что она состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. «Властвующая элита не состоит из людей, правящих в одиночку. Их наиболее важные идеи и решения - это зачастую идеи и решения, подсказанные советниками и консультантами, трибунами и творцами общественного мнения» [237, с. 3].

Определения элиты как вершины «пирамиды власти» придерживались Р. Патнэм [103, с. 14], О. Крыштановская [220, с. 32], О. Гаман-Голутвина [169; 171], выделяя в ней три уровня: высший уровень (правящая элита); средний уровень (политические группы, осуществляющие «трансляцию» решений, принимаемых на высшем уровне) и основание пирамиды (население, выступающее в роли объекта управления) [170]. Следует подчеркнуть, что в трансформирующихся обществах «пирамида власти» подвержена динамическим изменениям, поскольку на вершине пирамиды появляются новые игроки, меняется расстановка политических сил, связанная с формированием и распадом внутриэлитных коалиций.

По мнению Г. Ашина, **«политическая элита** - высокоинтегрированная социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества, группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения. Это группа, как правило, сплоченная, связанная взаимными интересами по сохранению общественно-политической системы, которая обеспечивает

ей привилегированное положение в обществе» [136, с. 254]. Мы разделяем эту точку зрения и в данном исследовании будем опираться на приведенную дефиницию политической элиты.

Следует отметить, что элита представляет сложное многомерное формирование, в структуре которой можно выделить высшую, среднюю и административную элиту. Высшая элита включает в себя руководителей, занимающих стратегические позиции в системе принятия решений (президент и его окружение, руководители правительства, высших судебных органов власти, спикер парламента, лидеры наиболее влиятельных политических партий, главы крупнейших парламентских фракций). Средняя элита включает тех, кто занимает посты в выборных органах власти (депутаты, представители региональных элит). Административную элиту составляют члены правительства, а также высший слой государственных служащих.

Важное методологическое значение имеет выявление соотношения между политической элитой и политическим классом. Еще Г. Моска выделял по объему власти политический класс и класс правящий. В правящий класс входит не только политическая элита, но и экономическая, военная, культурная и другие элиты. В свою очередь, политический класс включает в себя не только властвующую группу, но и оппозицию. Рассматривая соотношение политического класса и элиты, О. Крыштановская указывает, что элита – это правящая группа, являющаяся верхней стратой политического класса, имеющая непосредственное отношение к принятию решений и несущая ответственность за эти решения. Эту узкую группу окружает политический класс, внутренне неоднородный, дифференцированный, готовый к выполнению организационных и управленческих функций и желающий попасть в элиту [185, с. 166].

Таким образом, можно сказать, что политический класс, правящий класс и политическая элита являются взаимопересекающимися понятиями. Политический класс представляет собой сообщество лиц, профессионально работающих в сфере политики. В центре разнородного политического класса находится политическая элита, являющаяся главным актором в процессе принятия решений. Правящий класс объединяет людей, владеющих крупной собственностью, экономическими и финансовыми ресурсами, которые оказывают значительное влияние на деятельность политической элиты.

Любые социальные взаимодействия не существуют в отрыве от их акторов. Анализ таких связей предполагает необходимость выявить и классифицировать этих участников прежде всего, с точки зрения их субъектности. В рамках данного диссертационного исследования важное значение имеет классификация элит по критерию уровня компетенций на национальную, региональную и местную. Большинство исследователей

сходятся во мнении, что основными акторами внутриполитического пространства являются именно национальные политические элиты.

Предпринятый анализ научных источников показал, что термин «национальная элита» используется крайне редко. К этому понятию обращаются Дж. Хигли и М. Бартон, которые определяют национальные элиты «как людей, которые в силу своего стратегического положения в крупных организациях и различного рода движениях способны регулярно и существенно оказывать постоянное и значительное влияние на национальные политические результаты» [76, с. 18].

Исходя из поставленных целей и задач работы, автором было сформулировано собственное определение национальной политической элиты. Следует отметить: национальную элиту мы рассматриваем не в этническом смысле, а с точки зрения ориентации элитных решений на национальные интересы государства. **Национальная политическая элита** – это немногочисленная социальная группа, которая занимает стратегические посты в системе принятия решений, осуществляет либо оказывает влияние на процесс управления, отстаивает независимость, суверенитет, благосостояние государства и всего народа.

По нашему мнению, национальная элита должна обладать следующими характеристиками: способностью к управлению; моральными качествами, в первую очередь, чувством ответственности перед своим народом; умением прогнозировать; стремлением консолидироваться для решения значимых проблем. Стремление создавать и укреплять экономическое, демографическое, духовное благосостояние нации, обеспечивать военную безопасность и защищенность граждан должны быть главными целями национальной элиты. Однако довольно часто интересы национальной элиты идут вразрез с интересами большей части общества.

В зависимости от того, какое место элита занимает в политической системе, она делится на правящую и оппозиционную. Правящая элита - это узкая, малочисленная, замкнутая группа людей, занимающих высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества. Именно такая группа обладает высокой организованностью вследствие уровня компетентности своих членов, и ее авторитет признается большинством [185, с. 167]. Эта группа обладает как формальными, так и неформальными средствами воздействия на политические процессы. В силу этого в правящую элиту, помимо политической элиты, входит экономическая элита, обладающая материальными и финансовыми ресурсами, информационная, научная, культурная элиты [136, с. 255]. Контрэлиты включают лиц, способных систематически и существенно влиять

на принимаемые решения, имеющих организационную возможность создать серьезные политические проблемы, если их вовремя не остановить [76, с. 19].

Наряду с делением политической элиты на правящую элиту и контрэлиту, существует также внутренняя оппозиционность правящей элиты. Необходимость введения данного термина обусловлена тем, что в большинстве моделей правящая элита либо представляется как гомогенное образование, что не соответствует действительности, либо не указывается специфика оппозиционности внутри правящей элиты. Дихотомия «правящая элита – оппозиция» не указывает прямо на наличие оппозиции внутри правящей элиты, а тем более не демонстрируют специфику подобной оппозиции.

Для точного определения правящей элиты и ее границ целесообразно предложить несколько критериев: постоянное пребывание во властной сфере, а не одномоментное «прикосновение» к политике; относительная обособленность и сплоченность группы при возможном наличии противоположных ценностей, интересов; стратегическое, прямое либо опосредованное, воздействие на политику.

Современная трансформация национальных государств привела к возросшему значению внутригосударственных территориальных образований - регионов. Термин «регион» пришел из географии и сегодня имеет различные трактовки в зависимости от области исследования. Европейская хартия регионализма, принятая в 1988 году, определила регион как территорию, которая с географической точки зрения является ясно очерченным логическим объектом, а население его обладает определенными общими характерными чертами и выражает желание сохранять свою особую идентичность, развивать ее с целью содействия культурному, социальному и экономическому развитию [62]. При этом под определенными общими характерными чертами населения региона понимаются культурная, языковая общность, исторические традиции, экономические интересы.

Для разграничения процессов, происходящих на региональном уровне, ученые различают два понятия - регионализм и регионализация. «Регионализм» рассматривается как восходящее движение, при котором регион воспринимается населяющими его людьми как однородная территория, представляет собой осознание общих интересов и их стремление участвовать в управлении этими интересами. Как стратегия региональных элит, регионализм направлен на перераспределение полномочий от центра к регионам, на расширение своих прав, и может быть обозначен «как последовательность сделок между элитами национального и регионального уровня» [267, с. 97-98]. В этом смысле он соответствует стремлению региональных властей нести ответственность за решение проблем, которые их непосредственно касаются. В целом в основе регионализма лежит

консенсус внутри региона, а главной целью является создание в регионе более сильных и эффективных политических и административных политических структур для его ускоренного развития.

Регионализация предполагает подход «сверху вниз» и представляет собой процесс перераспределения полномочий от центра к региону, который направлен на создание взаимосвязанной политико-экономической системы, обеспечивающей особый статус региональных образований в политической системе государства, участие регионов в реализации государственной власти, их относительную экономическую и фискальную самостоятельность в условиях унитарного государства.

Общие причины регионализации заключаются, во-первых, в стремлении регионов к самоуправлению, распределению ответственности за принимаемые решения между центральными и региональными органами; во-вторых, попытка предоставления регионам возможности для самостоятельного развития; в-третьих, усложнение проблем в сферах экономики и экологии, а также в социальной области, решение которых требует нового подхода к распределению государственных полномочий; в-четвертых, культурно-исторические проблемы [267, с. 97]. Преимуществами регионализации являются существенный объем полномочий региональных образований, а также сокращение дистанции между региональной политической элитой и рядовыми гражданами, дающее им дополнительные каналы для участия в политической жизни.

В случае Молдовы можно согласиться с мнением, что речь больше идет о регионализме, укладывающемся в культурно-самобытные и геополитические закономерности, чем о регионализации [32, с. 40]. Несмотря на то, что регионализм не имеет традиций в Республике Молдова, территория страны отличается природным, экономическим, этнокультурным разнообразием.

Возвращаясь к определению ключевых категорий данного исследования, хотелось бы отметить, что чаще к исследованию региональных элит обращаются в рамках изучения проблемы федерализма, используя дихотомию «федеральная – региональная» элита. Однако процессы регионализации в унитарных государствах свидетельствуют о формировании региональной элиты, которая стремится к самостоятельности в принятии решений по вопросам, имеющим определяющее значение для региона. В состав региональной элиты включаются глава региона и его заместители; члены региональных законодательных органов; руководители органов исполнительной и судебной власти; лидеры ведущих политических партий, которые не являются общенациональными; крупные предприниматели; руководство средств массовой информации и неправительственных организаций, которые могут влиять на ход политического процесса в

регионе. В широком смысле региональная политическая элита – это слой региональных политиков, занимающих позицию между национальной и местной элитами. В узком смысле – это политическая элита конкретного региона [244, с. 86].

Определяя региональную элиту, как правило, исследователи в качестве ее основных характеристик выделяют объем прав и полномочий в выработке и принятии решений, согласование интересов субъектов политического процесса на региональном уровне, а также взаимодействие с национальной элитой [204; 244]. Представляется важным отметить, что положение региональных элит характеризуется дуализмом статуса. С одной стороны, они политически зависят от центра и должны быть ретрансляторами его политики, с другой, зависят от местной поддержки, так как обязаны выражать и защищать региональные интересы. Следовательно, их роль заключается в соединении регионального интереса с общегосударственным, а также в координации региональных политических программ с общенациональными, с адаптацией последних к региональной специфике [141, с. 27].

Проанализировав позиции ученых по исследуемой проблеме и используя альтиметрический (функциональный) подход, мы разработали авторское определение региональной политической элиты. **Региональная политическая элита** – это социальная группа, состоящая из высших должностных лиц определенной территории, являющаяся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в сфере политики на региональном уровне, обладающая необходимыми для этого экономическими, политическими, административными ресурсами. Поскольку региональные элиты не могут обладать суверенной властью, они соподчинены элитам национальным и согласуют с ними свой курс [229; 230]. В то же время, являясь частью национальной элиты, региональная элита обладает присущими ей характеристиками [260, с. 23]. Региональная элита по своей структуре носит гетерогенный характер, так как состоит из идеологических, политических, экономических, административных сегментов, которые должны способствовать созданию стабильной ситуации в обществе.

Помимо отстаивания интересов региона перед центральной властью и трансляции воли центральной власти на регион, можно выделить также следующие функции региональной элиты: обеспечение единого правового режима и законности; обеспечение социальной стабильности и экономического роста в регионе; подготовка политических лидеров и управленческих кадров для органов власти общенационального уровня.

Ряд исследователей считают, что исходя из специфики определения региона в унитарном государстве как территориальной единицы, не имеющей политико-правовой самостоятельности, в отношении таких региональных элит целесообразнее использовать термин «местные элиты» [141; 178]. К местной элите они предлагают относить местную

администрацию, лидеров этнических организаций регионального и местного уровней [141, с. 28]. Но, на наш взгляд, региональная и местная элита все же различаются, во-первых, по объему территорий, находящихся в управлении элиты, и, во-вторых, по масштабу ее влияния. Рамки и радиус самостоятельного политического действия местной элиты сравнительно узки, в своей деятельности они оперируют категориями местного масштаба, рассчитанными на восприятие территориально небольших групп. По сравнению с местной элитой региональная элита имеет больше возможностей влиять на выработку программ развития государства на общенациональном уровне. В целом можно сказать, что региональная элита занимает транзитивное положение между национальной и местной элитой. Политический опыт, полученный на местном уровне, помогает элитам добиться успеха на региональном уровне. В свою очередь, региональный уровень выступает своеобразной кузницей кадров для национальной политической элиты.

Для детального анализа в рамках диссертационной работы были определены и другие базовые категории, послужившие основанием для анализа политической элиты как актора политического процесса на различных уровнях. Первоначально категория *«актор»* использовалась применительно к сфере международных отношений и обозначала «любой авторитет, любую организацию, любую группу и даже любого индивида, способного играть определенную роль, оказывать влияние». То есть речь идет о таком социальном субъекте, деятельность которого вносит изменения в окружающую среду. Но группа или организация может влиять на окружающую среду не только на международном уровне, но и воздействовать на политические процессы на национальном, региональном и локальном уровнях. Признаками актора являются способность формировать политический процесс, автономность воли при принятии решений и влияние на систему. Кроме того, актор должен обладать независимостью в определении своих целей и интересов и способностью мобилизовать человеческие и материальные ресурсы для достижения своих целей [300, с. 129].

По мнению Б. Рассета и Х. Старра, термин «актор» имеет ряд достоинств. Во-первых, он отражает широкий спектр взаимодействующих общностей и поэтому является достаточно всеобъемлющим. Во-вторых, используя это понятие, акцент ставится на поведении общности, которая предпринимает определенные действия [105, с. 72].

В контексте субъектно-деятельностного подхода «актор политики» рассматривается как субъект политического процесса, действия которого «непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества (независимо от осознания этого самими субъектами)» [200, с. 6]. Для успешного выполнения своей роли акторы

политики располагают весомыми ресурсами, способны формулировать свои интересы и строить на их основе стратегии политического действия [175, с. 19].

Анализ национальной и региональной элит в качестве акторов политического процесса с необходимостью ставит вопрос об определении понятия *«политический процесс»*. Политический процесс можно рассматривать как последовательную, внутренне взаимосвязанную цепь политических событий и явлений, а также совокупность последовательных действий различных акторов политики, направленных на достижение, укрепление и использование политической власти в обществе. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать политический процесс через деятельность и взаимоотношения политической элиты национального и субнационального уровней, направленные на принятие и выполнение политических решений, которые способны интегрировать многообразные интересы и консолидировать молдавское общество.

В представленной работе мы будем анализировать место и роль национальной и региональной политической элиты в демократическом и модернизационном процессах, поэтому следует определить сущность процессов демократизации и модернизации как разновидностей политического процесса. Модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного общества к современному, который охватывает преобразования во всех основных составляющих социальной системы (экономической, правовой, политической сферах, социальных отношениях, культуре, системе образования и т.д.). Политическую модернизацию можно охарактеризовать как процесс трансформации системных качеств политической жизни, функций институтов политической системы в условиях перехода от традиционного общества к современному [38, с. 140]. Этот процесс предполагает использование различных механизмов, включая создание дифференцированной политической структуры, государства, обладающего реальным суверенитетом, верховенство закона; соблюдение прав и свобод граждан, их участие в политической жизни; минимизацию роли традиционной политической элиты и увеличение роли модернизаторской элиты, адекватно подготовленной для проведения последовательной политики трансформации традиционных политических структур [38, с. 141]. Практика стран развитой демократии показывает, что модернизация, включая политическую, - процесс сложный и длительный, который сопровождается конфликтами и кризисами. Его успех зависит от компетентности политической власти, от деятельности политических элит, способных обеспечить эффективное демократическое управление.

Если рассматривать процесс модернизации в переходных государствах, то здесь модернизация выступает как реакция на вызов западной цивилизации модерности, на который каждое общество дает или не дает ответ в соответствии со своими принципами,

структурами и символами, заложенными в результате длительного развития [286, с. 92]. По мнению украинских ученых, «в современном понимании модернизация является комплексным процессом, который сопровождается целенаправленными изменениями в политической, экономической, социальной и культурной сферах общества в направлении их совершенствования. В постсоциалистических странах социокультурные предпосылки недостаточно развиты, а потому определяющей и первоочередной должна быть модернизация политической сферы» [257, с. 11], которая тесно связана с процессами демократизации, основанными на расширении политических прав и свобод граждан, развитии многопартийности и идеологического плюрализма, реализации принципа разделения властей, развитии гражданского общества, рациональном разграничении функций центральной и местной власти, действующей на принципах самоуправления.

Как любой феномен, относящийся к миру политики, политические процессы достаточно многообразны. В контексте данного исследования важным представляется деление политических процессов на базовые и периферийные, которые подразделяются на региональные и локальные процессы. Базовый политический процесс характеризует различные способы включения широких социальных слоев в отношения с государством: государственное управление, принятие государственных решений, политическое участие. В рамках периферийных процессов следует выделить региональный политический процесс, реальный масштаб которого связан с институтами власти соответствующего уровня и выражает характер взаимодействия акторов в их отношении к системе власти в конкретных административно-территориальных границах [208, с. 67].

При написании диссертационной работы важным теоретическим источником стали правовые акты Республики Молдова, которые позволили проанализировать взаимодействие центральных органов власти и органов власти АТО Гагаузии.

Согласно законодательной и нормативно-правовой базе, в Республике Молдова выделяют центральный и местный уровень государственной власти. Как было отмечено ранее, в законодательных актах Республики Молдова отсутствует положение о региональной власти. В Законе о региональном развитии РМ зафиксировано понятие «регион развития», но он представляет собой функционально-территориальную единицу в плане экономического развития, не затрагивая политический аспект [194]. Порядок организации и функционирования центральных органов законодательной и исполнительной власти Республики Молдова регулируется Конституцией РМ [219], Кодексом о выборах РМ [212], Законом о Правительстве [193], Регламентом Парламента [195], Законом о статусе депутата Парламента [196]. Порядок организации и функционирования органов местного публичного управления регулируется Законом

о местном публичном управлении [188], а в Гагаузии как автономно-территориальной единице с особым правовым статусом - на основании положений, закрепленных в Конституции, Законе об административной децентрализации [189], Законе об особом правовом статусе Гагаузии [190] и Законе о местном публичном управлении [188].

Правовыми основами функционирования АТО Гагаузия являются Конституция РМ, Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери), Уложение Гагаузии (Гагауз-Ери) [299], Закон АТО Гагаузия об Исполнительном Комитете Гагаузии [197], Регламент о Народном Собрании Гагаузии [198], Закон АТО Гагаузия о выборах Главы (Башкана) Гагаузии [199], Избирательным Кодексом АТО Гагаузия, принятым в 2015 г. [202]. Имеющаяся правовая база обеспечивает функционирование автономии, не нарушая унитарного характера Республики Молдова.

Также автор опирался на законодательные акты, регулирующие внесение изменений в избирательную систему Республики Молдова [192], которые позволили отразить изменения в реконфигурации партийного и персонального состава парламента Республики Молдова и Народного Собрания АТО Гагаузии. Для анализа функционирования автономии важным источником выступает Уложение Гагаузии (Гагауз-Ери), принятое 14 мая 1998 года Народным Собранием Гагаузии, которое определяет полномочия органов власти автономии.

В работе над диссертацией большую роль сыграли программные документы политических партий, коалиционные соглашения, материалы по предвыборным кампаниям, данные по результатам выборов всех уровней, представленные на сайтах Ассоциации за демократическое участие ADEPT www.e-democracy.md и alegeri.md. В исследовании специфики региональной элиты Гагаузии важное значение имели доклады неправительственных организаций, посвященных различным аспектам деятельности политической элиты региона, проблемам взаимодействия правящей и региональной элиты [241]. Важным источником стали статьи, интервью и выступления экспертов по исследуемой проблеме [203].

Эмпирическую базу составили интервью с представителями национальной и региональной политической элиты Республики Молдова, проведенные автором. Проанализировать отношение жителей Молдовы к государственным и общественным институтам, геополитическому вектору развития страны помогли опросы Института публичной политики, представленные в «Барометре общественного мнения», а также опросы общественного мнения, проведенные в АТО Гагаузия.

Междисциплинарный характер исследования обуславливает применение комплекса подходов и методов, направленных на получение результатов, отражающих

современное состояние проблемы. В изучении элит важное место занимает альтиметрический подход, согласно которому главным элитообразующим признаком являются не выдающиеся индивидуальные качества, а обладание командными позициями, руководящими должностями. В своей работе мы будем опираться на более широкий *структурно-функциональный подход* Дж. Сартори, который позволил рассмотреть социальный состав, механизм воспроизводства элит, связи и модели их взаимодействия. С позиции данного подхода к элите относится правящая группа, которая располагается на вершине общественной пирамиды в силу важности функций управления [273, с. 82]. Применение структурно-функционального подхода в исследовании национальных и региональных политических элит Молдовы помогло определить формализованные правила для каждой из них и модель их взаимодействия друг с другом.

Структурно-функциональный подход дополняется *десизиональным* подходом, согласно которому к политической элите относятся лица, принимающие стратегические решения. При таком подходе учитывается прямое и косвенное влияние акторов на процесс принятия решений (decision-making process). Еще один метод, используемый при изучении элит, - *метод репутационного анализа*, однако он весьма субъективен, так как многое зависит от лиц, дающих экспертную оценку.

Использование *системного подхода* предоставило возможность исследовать политическую элиту как элемент системы, в качестве которой выступает политический процесс государства. На основе данного подхода было проанализировано функционирование политической элиты в рамках различных политических институтов, взаимодействие национальной и региональной правящих элит, сделаны выводы об эффективности политической элиты в политическом процессе Республики Молдова.

В исследовании политических элит большое значение имел *синергетический подход*, который позволил определить элиту как ключевой элемент, структурирующий социальное пространство. Учитывая, что синергетика основана на идеях открытости и равновесия систем, синергетические процессы приводят к увеличению упорядоченности системы, ее качественному преобразованию. Данный подход позволил исследовать национальные и региональные элиты в кризисный период развития молдавского общества, сложности и противоречия в их взаимоотношениях и взаимодействиях.

В контексте нашего исследования национальной и региональной элиты как акторов политического процесса большое значение имеет *теория рационального выбора*, согласно которой сложившаяся ситуация структурирует альтернативы, стоящие перед акторами, и оказывает решающее влияние на принимаемые решения. Понимая рациональность как соотношение поставленных целей и средств с имеющимися ресурсами,

можно сказать, что элита в качестве актора политического процесса стремится максимизировать совокупность удовлетворенностей своих предпочтений, в то же время минимизируя возможные расходы. Но это не означает, что желаемые результаты будут достигнуты в короткие сроки, зачастую происходит наоборот, так как некоторые цели требуют большего времени для поступательных стратегических шагов. В связи с этим необходимо учитывать два возможных варианта развития событий: выбор долговременной линии поведения; выбор стратегии в результате анализа реальных действий оппонента и прогноза возможных [177, с. 37].

С позиций рациональности можно говорить о характере взаимоотношений политических элит, который может быть коалиционным или враждебным. В своей работе «Политические партии» М. Дюверже отмечает, что союзы между партиями делятся на коалиции и альянсы. Разница между ними состоит в том, что коалиция – это эпизодическое соглашение, а альянс более длительный союз партий. Республика Молдова накопила большой опыт создания правящих коалиций. В рассматриваемый период (1991-2020) представителями политических элит было создано 12 правящих коалиций. Но, как показала практика, политические коалиции остаются функциональными до тех пор, пока сохраняются общие интересы партнеров, взаимное уважение и сотрудничество для реализации общих целей.

Методологической базой диссертационного исследования выступает совокупность политологических и общенаучных методов, что позволило осуществить комплексный анализ национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса. Исходя из поставленной цели и основных задач исследования, в работе были использованы институциональный, исторический, сравнительный, социологический методы, а также метод кейс-стади.

Институциональный метод ориентирован на исследование политических институтов и помогает определить роли всех политических акторов, взаимодействующих в рамках одной политической системы и определяющих вектор политического процесса. Данный метод был использован при анализе политических институтов через призму деятельности правящих элит, а также при исследовании взаимоотношений правящих элит в Республике Молдова с региональной элитой АТО Гагаузия.

Исторический и сравнительный методы были использованы при сопоставлении политико-социологического портретов законодательных органов власти национального и регионального уровней через призму изменений их партийной и персональной конфигурации,

В целях изучения процесса формирования и развития национальной и региональной политической элиты автор использовал *исторический метод*, что позволило дополнить исследование анализом конкретных явлений и процессов в их хронологической последовательности. Данный метод был применен при анализе международного опыта взаимодействия национальной и региональной политической элиты в странах развитой демократии и в странах Восточного Партнерства. В сочетании со *сравнительным методом* был использован также при сопоставлении политико-социологических портретов законодательных органов власти национального и регионального уровней через призму изменений их партийной и персональной конфигурации.

Бихевиористский метод позволил изучить и объяснить действия национальной и региональной элит в качестве акторов политического процесса в процессе поиска консенсуса по вопросу разделения полномочий между центральными органами власти и органами власти АТО Гагаузия.

Социологический метод позволил проанализировать общественное мнение населения как всей республики в целом, так и региона Гагаузия по вопросам доверия к важнейшим политическим институтам и политическим лидерам. С помощью этого метода были проведены интервью с представителями политической элиты национального и регионального уровня по вопросу взаимодействия национальной и региональной элиты в Республике Молдова. На основе данного метода были сделаны выводы о степени легитимности национальной и региональной политической элиты, которые представлены в третьей главе данной работы.

Использование метода *кейс-стади* позволило составить политико-социологический портрет Парламента Республики Молдова и Народного Собрания Гагаузии через призму изменений партийной и персональной конфигурации органов законодательной власти, которые происходили в результате смены избирательных циклов.

Помимо вышеперечисленных методов в работе использованы такие общенаучные методы как: обобщение, анализ и синтез, индукция и дедукция, логический. Эти методы сыграли значительную роль в рассмотрении научно-исследовательских положений, выносимых на защиту, способствовали выявлению проблем, существующих в процессе взаимодействия национальной и региональной элиты Республики Молдова и формулированию выводов в конце каждой главы, а также общих выводов и рекомендаций.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Методологической основой диссертационного исследования послужила совокупность научных подходов и методов, которые позволили раскрыть проблему национальной и региональной политической элиты как акторов политического процесса. На основе анализа

многочисленных зарубежных и отечественных научных источников были определены основные категории, используемые в данной работе, выработано авторское определение национальной и региональной элиты.

Междисциплинарный характер диссертационного исследования обусловил использование многообразных источников: научные труды зарубежных и отечественных авторов, национальные нормативно-правовые документы, отчеты неправительственных организаций, результаты социологических исследований. Применение комплекса научных подходов и методов способствовало получению результатов, отражающих современное состояние проблемы взаимодействия национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса.

1.3. Выводы к главе 1.

В современной политической науке тема национальных и региональных элит как актора политического процесса является актуальной, представляющей интерес для концептуального исследования с применением обширной научной методологии. Для Республики Молдова проблема взаимодействия национальной и региональных элит представляет большой интерес, так как проблемы в отношениях центральной власти и АТО Гагаузия являются важными факторами, тормозящими стабилизацию общества. Однако следует отметить, что и в отечественной, и в зарубежной литературе отсутствуют специализированные работы, посвященные данной теме. Вместе с тем необходим комплексный и всесторонний анализ указанной проблемы, с тем, чтобы опираясь на международный опыт, выработать аргументированные рекомендации по повышению эффективности взаимодействия национальных и региональных политических элит в Республике Молдова.

Для реализации заявленной цели и задач исследования были использованы разнообразные источники, которые составили теоретическую основу диссертационной работы, глубокое и всестороннее изучение которых позволяет сделать следующие выводы.

1. Анализ историографии исследования национальной и региональной политических элит как актора политических процессов свидетельствует о существовании устойчивого интереса со стороны научного сообщества к данной проблеме. Многочисленные научные труды зарубежных и отечественных исследователей посвящены историческим, теоретическим и методологическим аспектам проблемы политических элит как высшего слоя в системе социально-политической стратификации, играющий решающую роль в политических процессах.

2. Исходя из цели и задач исследования, были раскрыты категории «политическая элита», «политический процесс», «актор», выработано авторское определение национальной политической элиты и региональной политической элиты. Разделяя политические элиты по объему полномочий на национальные, региональные и местные, мы считаем, что региональные политические элиты занимают транзитивное положение между национальными и местными элитами, выполняя роль связующего звена между ними.

3. Изучение многочисленных библиографических источников свидетельствует о том, что регионализация политических процессов не только в федеративных, но и в унитарных государствах привела к появлению наряду с национальной элитой региональной элиты, обладающей своими особенностями и интересами. Для Республики Молдова контекст регионализма является достаточно новым, хотя в специализированной литературе, посвященной урегулированию конфликтов, создание административно-территориального образования Гагаузия рассматривается как уникальный случай в посткоммунистической Европе. В связи с этим возникла необходимость исследования региональной политической элиты АТО Гагаузия. Однако небольшое число отечественных библиографических источников по исследуемой проблематике обусловили определенные сложности при реализации исследовательской задачи.

4. Проблема исследования находится на стыке различных наук: политологии, элитологии, социологии, правоведение, административных наук. Междисциплинарный характер диссертационного исследования обусловил применение разнообразных научных подходов и методов. Комплексному анализу национальной и региональной политических элит как акторов политического процесса способствовало применение альтиметрического, структурно-функционального, десигнационного, системного, синергетического подходов, а также институционального, исторического, бихевиористского, сравнительного, социологического методов. Сочетание теоретических и эмпирических методов способствовало получению результатов, отражающих современное состояние проблемы взаимодействия национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса.

Исходя из ситуации, сложившейся в политическом пространстве Молдовы, а также для восполнения пробела в исследовании отечественных политических элит мы считаем, что важной научно-исследовательской задачей является изучение национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова как акторов политического процесса, специфики их взаимоотношений на современном этапе развития общества.

ГЛАВА 2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Проблема взаимоотношений национальных и региональных политических элит приобрела особенную актуальность в XX веке. Именно в этот период наметилась тенденция сецессионных процессов, повлекшая за собой проблемы создания эффективно и адекватно действующих институтов, норм, правил и принципов, направленных на оказание положительного воздействия на жизнедеятельность граждан в новом, региональном, статусе. Такие процессы наблюдаются как в странах развитой демократии, так и в государствах, которые только идут по пути демократических и модернизационных преобразований, в частности, страны Восточного партнерства.

В данных условиях роль политической элиты на разных уровнях многократно возрастает, так как разработка и принятие политических решений и их последующая реализация должны основываться на консенсусе национальной и региональной элит. В данной связи целесообразно изучить зарубежные модели, формы, принципы и механизмы взаимодействия национальной и региональной политических элит с целью извлечения положительного опыта, который можно применить в политической практике Республики Молдова.

2.1. Опыт взаимодействия национальной и региональной политической элиты в странах развитой демократии

В процессе своего развития множество европейских государств, столкнувшиеся с проблемой сложного и противоречивого взаимодействия центра и регионов, и, как следствие, национальной и региональной элиты, создали различные формы автономных образований, с различной степенью самоуправления для защиты языковых, этнических и других прав меньшинств. Определяя ключевые моменты данного исследования, стоит отметить, что идея об автономии как попытке обеспечения стабильности и демократии в многосоставных обществах всегда была в фокусе научных интересов. Несмотря на то, что проблематика автономии характеризуется определенной политической остротой, она способна снизить потенциальную напряженность и, в действительности, не оказывает прямого влияния на территориальную целостность государств [32, с. 41].

Понятие автономии не имеет однозначного определения. Р. Лапидо увязывает автономию с территориальным компонентом: «Территориальная политическая автономия - это устройство, имеющее своей целью предоставить группе, отличающейся от большинства в некотором регионе, возможности, с помощью которых группа может

выражать свою особую идентичность» [87, с. 27]. По мнению западного ученого Г. Штайнера, автономия — это «государственная система или подсистема, управляемая или укомплектованная меньшинством или его членами» [110, с. 153]. Рассматривая автономию как «средство для диффузии полномочий, которое нацелено на сохранение целостности государства и уважение многообразия его населения» [256, с. 8], можно сделать вывод, что такая форма государственного устройства характеризует отношения между центральными и периферийными органами власти по поводу распределения компетенций, а также предполагает в процессе принятия политических решений руководствоваться не только мнением большинства, но и учитывать интересы меньшинства.

В международной практике известны различные формы автономии. В зависимости от объема полномочий различают административную и политическую автономию. В административной автономии полномочия автономного образования ограничены сферой языка, культуры и образования (обучение, издание газет, радиовещание, судопроизводство на местном языке и др.). Политическая автономия предоставляет автономным единицам право на самоуправление, издание местных законов по определенным вопросам, зафиксированным в конституциях стран или иных законах. Автономия такого рода существует в Финляндии (Аландские острова, населенные преимущественно шведами), Дании (Гренландия, Фарерские острова), в Нидерландах (Антильские острова), Португалии (Азорские острова и др.), Франции (Корсика с 1990 г.) и т. д. Во многих политических автономиях, которые пользуются законодательными полномочиями по наиболее широкому кругу вопросов (Аландские, Азорские, Антильские, Фарерские острова, имеющие даже свое гражданство), назначается губернатор, комиссар или иной представитель президента (правительства), который контролирует работу местного законодательного собрания.

Условия для развития территориальной автономии возникают, если какая-либо этническая (языковая, религиозная) группа, составляющая в масштабах страны национальное меньшинство, на протяжении длительного исторического периода проживает концентрированно в определенном географическом регионе, рассматривая его как «малую родину» и составляя в нем большую либо существенную часть населения [108, с. 12]. Территориальная автономия представляет собой способ территориальной организации, при котором «территориальная единица государства наделена правами самоуправления в определенных сферах путем издания законов и постановлений, не образуя при этом самостоятельного государства» [55, с. 18]. Мы разделяем точку зрения отечественного исследователя Н. Путинэ, которая определяет «территориальную автономию» как особый статус, предоставленный территориальной зоне, который

предлагает ее жителям возможность самостоятельно решать свои проблемы посредством законодательства, управления, администрации и юрисдикции [32, с. 42].

Еще один вид автономии - национально-культурная автономия - может быть предоставлена национальным меньшинствам, не проживающим компактно, которым гарантируются права и свободы в отношении пользования своей культурой, языком, религией и т.д.

Мы считаем, что в теоретическом и практическом отношении предоставление широкой политической автономии административно-территориальным единицам государства может рассматриваться либо как особая модель перехода от унитаризма к федерализму, либо как попытка совмещения и уравнивания позитивных сторон унитаризма и федерализма. Практическим выражением данных тенденций является регионализм. С целью демонстрации многообразных форм проявления регионализма для дальнейшего концептуального анализа мы определили сложные унитарные государства, в которых существуют автономные образования, взаимодействующие с центральной властью. В данной работе мы рассмотрим различные виды регионов: регионы, обладающие исторической идентичностью (Шотландия, Уэльс в Великобритании); регионы в рамках регионалистских государств (Каталония в Испании, Южный Тироль в Италии); регионы, обладающие политической автономией (Аландские острова в Финляндии).

Одним из ярких примеров процессов регионализации внутри унитарного государства является Соединенное Королевство Великобритании [82, с. 53]. «Вестминстерская модель» представляет собой гибкий порядок, основанный на конвенциях, а не на писаной конституции, в конечном счете опирающийся на принцип парламентского суверенитета. Как считает британский исследователь М. Китинг, если смотреть с периферии, Великобритания – это многонациональный союз, состоящий из Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, каждый из которых имеет свои собственные конституционные традиции и институты [82, с. 5]. Наряду с парламентом Великобритании, сохраняющим абсолютный суверенитет, функционируют шотландский парламент, Ассамблея Северной Ирландии и Национальная ассамблея Уэльса, получившие различные законодательные полномочия в 1999 г. Учреждение этих законодательных органов стало конституционной революцией. Вместе с тем в правительстве Великобритании существуют должности министра по делам Шотландии, министра по делам Уэльса и министра по делам Северной Ирландии.

Модель регионализации в Великобритании представляет собой деволюцию, то есть перераспределение политической власти с созданием в регионах собственной системы политических институтов или расширением компетенций уже существующих. Деволюция

по-британски связана с сильной автономией регионов-наций, однако разделение властных полномочий имело неравномерный характер. В трех британских регионах использовались разные модели деволюции. Шотландская и уэльская реформы носили конституционный характер и основывались на результатах референдума и соответствующих законодательных актах, тогда как североирландская автономия опиралась на международный договор [113, с.125]. Палата общин может лишить автономии Шотландию и Уэльс путем принятия соответствующего акта, одобренного на новом референдуме. Однако с Северной Ирландией это будет невозможно, поскольку автономия этого региона защищена нормами международного права.

Возрастание националистических тенденций в Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии во второй половине XX века позволили исследователям говорить о новой форме территориально-политического устройства – регионалистском государстве [242, с. 171]. Данный термин сразу же подвергся критике со стороны ученых, главным аргументом было то, что этимология понятия является синонимом децентрализации унитарного государства, которое в конечном итоге должно перевоплотиться в федерацию. Но, применительно к британскому вопросу, «регионалистское государство» следует понимать как особую форму территориально-политического устройства сложносоставного государства, которое имеет отличительные характеристики как унитарного государства, так и федерации, конституционно оформлено путем политической автономизации в масштабах всего государства, призвано решить национальный вопрос, предотвратить сепаратизм и сохранить государственное единство.

Характерными признаками такой формы являются:

- отсутствие у регионов учредительной власти, т.е. права последнего решения при принятии акта, определяющего собственный конституционно-правовой статус;
- отсутствие «укрепленных» механизмов участия регионов в принятии решений на общенациональном уровне, в том числе относящихся к изменению общенациональной конституции;
- значительная асимметрия конституционной модели, вытекающая, с одной стороны, из конституционной идентичности каждого из регионов, а с другой - из необеспеченности закрепляемых за региональным уровнем власти предметов ведения соответствующими полномочиями, особенно в области финансов;
- конституционное закрепление весьма гибкой системы разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями государственной власти;
- наличие перманентного конституционного конфликта между центральным и региональным уровнями публичной власти.

В настоящее время можно отметить, что в рамках деволюционного законодательства все регионы Соединенного Королевства наделены правом политической автономии. Но это обстоятельство не свидетельствует о движении к созданию федерации. По мнению исследователей, в Великобритании была осуществлена не федерализация, а федеральная деволюция, где термин «федеральный» следует понимать как «распространенный на все регионы Великобритании», то есть не только на Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, но и на Англию [242, с. 174].

В организации публичной власти в Великобритании мы можем наблюдать некое «правило» взаимодействия национальной и региональной политической элиты. Имеется в виду, что при «достаточно широкой автономии» регионов их участие в управлении на общенациональном уровне «минимально». В стране отсутствует особый орган территориального представительства на общенациональном уровне, а участие в осуществлении общегосударственной власти сводится только к закреплению квоты для депутатов трех кельтских регионов в Палате общин.

Из-за отсутствия Конституции в виде единого кодифицированного акта, перераспределение власти между тремя уровнями (общенациональным, региональным, местным) не требует сложной конституционной процедуры и может осуществляться в рамках обычного законодательного процесса. Такая система характеризуется как гибкая, подразумевающая распределение полномочий за счет заключения между общенациональной и региональной властью межправительственных соглашений по вопросам управления.

С точки зрения регионалистики, формирование и функционирование региональных политических элит представляет собой следствие одного из важнейших кливажей общества - между центром и периферией. В Великобритании наиболее влиятельные региональные политические силы представлены ведущими партиями: Шотландская национальная партия, Демократическая юнионистская партия и «Шинн фейн» в Северной Ирландии, «Плайд Камри» в Уэльсе. Продвигая повестку своего региона, эти силы сумели занять ведущие позиции в субнациональных законодательных органах, а некоторые из них и пробиться в национальный парламент. При этом все они, в разной степени и с разной аргументацией, отрицают Брексит, исходя из собственных региональных интересов.

В артикулировании требований периферийных регионов по отношению к Лондону наиболее важную роль сыграла Шотландия в лице Шотландской национальной партии (ШНП). По результатам общенациональных парламентских выборов 2019 г. партия является третьей по величине в Палате общин, получив 45 депутатских мест.

Для шотландских политиков ключевой вопрос – оставаться ли Шотландии частью Великобритании или становиться независимым государством. В 2011 году ШНП, выступающая за независимость, получила большинство на выборах в шотландский парламент и пообещала провести референдум о независимости. Впоследствии правительства Шотландии и Великобритании в 2012 году заключили двустороннее соглашение, чтобы облегчить такое голосование. Референдум о независимости был проведен в 2014 г., и народ Шотландии высказался за то, чтобы остаться в составе Великобритании [272].

Проведенный референдум о независимости свидетельствует о том, что этот регион стремится к обретению учредительной власти вопреки принципу парламентского верховенства. Но на политическую ситуацию в Шотландии кардинально повлиял Брексит, который существенно осложнил отношения между британской и шотландской элитой. Шотландская элита придерживалась строго европейской риторики, и Шотландия не голосовала за выход из состава ЕС. Примеру Шотландии может последовать и Северная Ирландия для объединения с Республикой Ирландия. Это обстоятельство подтверждает мнение относительно противопоставления конституционной идентичности регионов фундаментальным принципам британской конституции.

Сложившаяся ситуация способствовала тому, что на региональных парламентских выборах 2021 года вопрос о независимости стал центральным. ШНП и шотландские «зеленые» предлагают провести новый референдум о независимости в нынешний парламентский срок (2021-2026 гг.) [155]. Однако противники референдума существуют как на региональном, так и на общенациональном уровне. Внутри шотландского парламента против референдума выступают консерваторы, лейбористы и либерал-демократы. Для того чтобы провести референдум, лидер ШНП Н. Стерджен должна получить согласие Лондона, но правительство категорически против нового референдума. Сторонники независимости Шотландии заявляют, что если согласие в ближайшее время не будет получено, они все равно примут закон о референдуме и потом готовы отстаивать свою правоту в суде [162].

Демократическая юнионистская партия Северной Ирландии входила в парламентскую коалицию 2017 г., заключив соглашение с Консервативной партией. От ее поддержки зависела судьба законопроектов, предлагаемых правительством, что позволило ей стать одной из наиболее влиятельных субнациональных партий Великобритании, несмотря на всего 10 мест в Палате общин.

Будучи региональной партией Северной Ирландии, она в первую очередь затрагивает внутрирегиональные и внутриполитические вопросы, связанные с экономикой,

социальной сферой, органами регионального управления с акцентом на Северную Ирландию. Но в соответствии с соглашением с консерваторами 2017 г., они должны поддерживать правительство в вотумах доверия, принятии бюджета, финансовых законопроектах, голосованиях по Брекситу и национальной безопасности при условии сохранения Северной Ирландией *status quo* в рамках Соединенного Королевства [131, с. 16].

В отличие от Демократической юнионистской партии, вторая влиятельная партия Северной Ирландии - «Шинн фейн» - ориентируется на выход из состава Великобритании и объединение с Ирландской Республикой. Однако ее победа на региональных выборах 2022 г. не означает, что референдум неизбежен. Согласно Акту о Северной Ирландии 1998 г., министр по делам Северной Ирландии в британском правительстве может назначить референдум, только если по опросу общественного мнения окажется вероятным, что большинство людей хотят объединения Ирландий. Последние опросы показывают, что идею объединенной Ирландии поддерживала только треть жителей Северной Ирландии [94].

В Уэльсе идеологическим центром валлийского национализма является партия «Плайд Камри», которая отстаивает интересы валлийцев в британском парламенте. По итогам выборов 2019 г. в Палате общин партия представлена тремя депутатами. На региональных выборах 2021 г. партия впервые включила пункт о проведении референдума о независимости в свою избирательную кампанию. В региональном парламенте по количеству депутатских мест занимает третье место, уступая лейбористам и консерваторам. Разделяя идеи ШНП о независимости, «Плайд Камри» тесно сотрудничает с ней в британском парламенте.

Таким образом, сегодня в Великобритании существует три наиболее значимых пространства борьбы политических элит, многократно пересекающихся как горизонтально, так и вертикально. Первое создают общенациональные политические партии, второе – пространство борьбы сторонников и противников выхода Великобритании из ЕС, в которое включены партии как национального, так и субнационального уровня, третье пространство фрагментировано региональной повесткой. Все три пространства конкурируют друг с другом, что выражается в столкновении национальных и региональных интересов, проблемах дальнейшей деволюции в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе, а также противостоянии по вопросу членства в ЕС на всех уровнях власти [131, с. 17].

Продолжающиеся процессы деволюции в дальнейшем с большой вероятностью приведут к еще большему укреплению влияния субнациональных партий, которые, возможно, будут вступать в коалиции с ведущими политическими силами страны на

национальном уровне. Это актуализирует региональную повестку на национальном политическом поле и со временем либо ускорит деволюционные процессы (например, ШНП в Шотландии или «Шинн Фейн» в Северной Ирландии), либо распространит влияние ряда субнациональных партий, таких как ШНП и ДЮП, на общенациональный электорат с одновременным расширением их повестки [131, с. 21-22].

Несмотря на всю сложность взаимодействия центра и регионов, национальной и региональных элит, форма государственного устройства Великобритании определена в таких рамках, чтобы наиболее эффективно способствовать предотвращению сепаратизма и сохранению государственного единства в условиях полиэтнического общества.

Одним из цементирующих факторов, способных сплотить региональную элиту и спровоцировать процесс регионализации в современной политической практике, выступает этническая идентификация и самоопределение. Как следствие, множество примеров современного регионализма базируется на основании этнического возрождения.

Феномен «этнического возрождения», или «этнический парадокс современности», состоит в значительном повышении роли этничности в общественных процессах; новой волны повышенного интереса к этнической идентичности, языку, культуре, традициям и образу жизни. Идеи мультикультурализма предполагали мирное и уважительное сосуществование культур в среде государства – общежития. Однако происходит обратный процесс – в современном обществе наблюдается нарастание противоречий и конфликтов, обострение отношений между различными этнонациональными группами. Само по себе этническое возрождение, как и предполагалось мультикультуралистами, не представляет угрозы миру и правопорядку, однако обладает немалым конфликтогенным потенциалом, что можно наблюдать на примере современных государств Западной Европы.

В историческом контексте Испания представляет собой многонациональное государство, в котором этнические меньшинства – баски, каталонцы и галисийцы – долгое время, особенно при диктатуре Ф. Франко, боролись против ассимиляции доминирующим этносом и стремились к признанию своей самобытности и политической автономии. Франкистский режим под страхом суровых наказаний запрещал использовать во всех сферах общественной жизни Испании какие-либо языки, кроме официального испанского (кастильского); прочие «языковые формы» допускались только в быту. Власти преследовали те народные традиции, которые носили, с их точки зрения, локальный, а, значит, потенциально сепаратистский характер. Помимо единого государственного языка, жителям Испании навязывались единые стандарты школьного обучения, одни и те же официально-религиозные празднества, и т.д. Через подконтрольные властям средства массовой информации в общественное сознание внедрялись представления о единстве

происхождения всех жителей Испании, общности их исторической судьбы и объединяющей их миссии в мировой истории [157, с. 8].

Необходимость радикальных изменений в области этнической политики назрела настолько, что сразу после смерти диктатора в ноябре 1975 года новые либеральные испанские власти, не дожидаясь принятия демократической конституции, приступили к созданию так называемых «автономных сообществ» на основе временных статutow. В 1978 году временные самоуправляющиеся территориальные единицы были преобразованы в постоянные [213, с. 81].

В результате этого процесса, завершившегося к 1983 году, автономии (Страна Басков, Каталония, Галисия и др.) в Испании приобрели весьма широкие полномочия в местном самоуправлении, а местные языки получили в границах соответствующих сообществ статус официальных [213, с. 82-83], наряду с кастильским (официальным языком Испанского государства) [217]. Однако столь значительные шаги в рамках реализации новой этнической политики Испании, не помогли ликвидировать противостояние по линии этнические меньшинства – вся Испания. С получением широкой автономии противостояние элит перешло из этнокультурной области в социально-политическую и социально-экономическую. При этом показательно, что Каталония дает 20% ВВП Испании, а в Стране Басков показатель ВВП на душу населения в автономии самый высокий по отношению к общеиспанскому.

По мере роста экономического кризиса в Испании обострилась ситуация с межрегиональным урегулированием последствий «этнического возрождения» басков и каталонцев. В 2009-2010 годах прошли неофициальные опросы-референдумы о независимости Каталонии, в ходе которых более 90% респондентов высказались за выход Каталонии из состава Испании. А в сентябре 2012 года в ходе «Марша Независимости» по всей территории Каталонии прошли манифестации с участием более 1,5 млн. каталонцев под лозунгом «Каталония – новое государство Европы» [288].

Анализируя взаимодействие национальных и региональных элит в Испании, можно утверждать, что на протяжении длительного времени наблюдались противоречия между центром и отдельными частями. Формирование автономий шло «снизу». Все пятьдесят провинций воспользовались предоставленным Конституцией правом на создание автономных сообществ, образовав в результате семнадцать сообществ. Главным принципом объединения провинций в сообщества все же является история, политическая и экономическая конъюнктура.

Также как и британский регионализм, испанский характеризуется своей асимметричностью. Корни асимметрии заложены в Конституции 1978 года, которая

предусматривала разные варианты образования автономий. «Быстрый путь» - для тех провинций, которые имели автономию в период Второй Республики, «медленный путь» - для всех остальных. Объем полномочий, которыми располагают автономии, также неодинаков. Поэтому в Испании весьма распространены высказывания о том, что в стране имеются области и народы «первого и второго сорта» [205, с. 62].

Таким образом, можно говорить о том, что взаимоотношения национальной и региональной испанской элиты носят специфичный характер, так как все области обладают статусом «автономии». Разработчики Основного Закона государства изначально предполагали другое развитие событий – предоставление автономии только регионам с традиционно сильно выраженной спецификой и мощными националистическими тенденциями (Каталонии и Стране Басков), но закрепленное равенство и соблюдению прав всех граждан не позволило реализовать идею в полном объеме.

Несмотря на попытку «безболезненно» решить вопрос о присвоении «статуса автономии» всем областям, проблемы все же возникали. Центр, изначально встав на этот путь, не соизмерил степень сложности взаимодействия с регионами. С 1979 года по 1983 год проходил процесс принятия статута автономных сообществ. Первыми из регионов, кто смог принять статуты автономии стали «исторические области»: Каталония (18 декабря 1979) и Страна Басков (18 декабря 1979), Галисия (1 апреля 1981 года). С декабря 1981 года по февраль 1983 года были приняты статуты остальных автономных сообществ [158, с. 67].

Период 1980–1990-х годов характеризуется как адаптивный к новой децентрализованной системе унитарного государства с элементами федеративного устройства, с применением механизмов статутного права. В то же время данная система породила ряд новых противоречий, которые необходимо было своевременно устранить.

Пересмотр законодательных актов в части автономных сообществ, а также принятие новых регламентирующих нормативных документов позволили национальному правительству передать в ведение автономных сообществ расширенные полномочия в административной сфере (возможность создания собственных органов самоуправления), в области инфраструктуры, социальной и культурной сферах [207, с. 17]. Испанский сенат в процессе политической децентрализации стал представлять скорее интересы провинций, а также интересы отдельных партий и блоков, несмотря на то, что по Конституции это орган территориального представительства [153, с. 64].

Проблемы в сфере налогообложения стали основной причиной требования автономных сообществ о проведении реформы. Позже к данной проблеме присоединился ряд доводов, таких как уважение национального многообразия, принятие новых

внешнеполитических реалий (членство Испании в ЕС), расширение прав автономии во внешнеполитической деятельности в рамках европейской политики «Европа регионов».

Государственное устройство во многом определяет характер взаимоотношений национальной и региональных политических элит. В научной среде ведутся дискуссии по поводу определения формы государственного устройства Испании: это государство федеративное или децентрализованное унитарное; либо оно представляет собой особый политический феномен, требующий научного обоснования? В данном контексте Ж. Вернье считает уместным использовать термин «составное государство» как «вмещающий в себя разные формы организации децентрализованного государства, основанного на принципе территориального разделения политической власти» [156, с. 61]. Российский ученый С. М. Хенкин характеризует испанскую форму государственного устройства как гибридную, объясняя это тем, что это унитарное государство с признаками федерации, в переходном процессе [303, с. 29].

В начале XXI века правящая элита Каталонии, осознав, что ни Конституция 1978 г., ни автономный Статут 1979 г. не предусматривают выполнения всего набора их националистических требований, заявили Мадриду о необходимости ревизии основополагающих юридических документов. Переговоры региональной и национальной элит по вопросу изменения Статута Каталонии на протяжении 4 лет (1999–2003) проходили тяжело, и лишь приход к власти в 2004 году социалистической рабочей партии позволил начать процесс реформирования. В 2006 году был принят статут автономии Каталонии, документ, который стал плодом работы каталонских и испанских политиков. В одно время со статутом Каталонии были приняты статут автономии Валенсии, Андалусии и многие другие, но наибольший резонанс вызвал именно каталонский документ. Он затрагивал огромный ряд вопросов (вопрос идентичности, предоставление новых полномочий Женеалитету, принципы финансирования и т. п.) и был результатом больших уступок со стороны Испанского государства. Однако на этом дебаты, касающиеся статута Каталонии, не закончились. В 2006 году Народная Партия подала иск в Конституционный суд против статута автономии Каталонии (а точнее, против 144 положений документа). После рассмотрения в Конституционном суде, которое заняло около четырёх лет, были отвергнуты около 95 % от всех требований Народной партии. Но, тем не менее, по решению Конституционного суда удалялись 14 статей и изменялись формулировки 27 статей, касающихся языка, судебной системы и т. п., которые были очень важны для жителей автономного сообщества.

Решение Конституционного суда, приход к власти в 2011 году Народной партии, угрожающий невозможностью дальнейшего диалога по расширению каталонских

полномочий, создали благоприятную почву для радикализации каталонского общества и политических сил в сторону сепессионистских настроений, а политическая элита региона взяла курс на проведение референдума о независимости. Руководство партии «Демократическая конвергенция Каталонии» в марте 2012 г. объявило целью создание в Каталонии независимого государства.

Неспособность государства автономий и испанских властей сдерживать сепаратистские силы и продвижение их идей, общее разочарование и падение авторитета власти в глазах жителей Каталонии привело к событиям октября-декабря 2017 г. Референдум о независимости Каталонии от Испании, состоялся 1 октября 2017 года. Власти Каталонии заявили, что по его итогам 90% проголосовавших высказались за независимость региона. Центральные власти еще до референдума объявили, что он противоречит Конституции. Силовое вмешательство испанского правительства (полиции) в голосование показало неспособность испанских властей сдерживать конфликт между центром и регионом. Неизбежным и единственным решением был роспуск региональной администрации и перевод Каталонии под прямое управление Мадридом согласно ст. 155 Конституции, что разрушило все ранее достигнутые договоренности Каталонии с испанским правительством. Глава Каталонии К. Пучдемон, являющийся последовательным сторонником независимости Каталонии, с соратниками выехал в Бельгию. В 2019-м он был избран депутатом Европарламента и получил иммунитет от судебного преследования. Несколько расширив в данном случае хронологические рамки исследования, надо отметить, что в марте 2021 года неприкосновенность с Пучдемона и двух его соратников (Т. Комина и К. Понсати) была снята. В 2019 г. центральные власти Испании осудили девять лидеров сепаратистов на срок от 9 до 13 лет за подстрекательство к мятежу и растрату бюджетных средств, в июне 2021 г. они были помилованы [206].

Некоторые противоречия между национальной и региональной элитами наблюдаются в вопросе рекрутирования элит. Например, некоторые автономии имеют ограничения по гендерному признаку, участие женщин и иностранцев не приветствуется. В некоторых автономиях региональные элиты, наоборот, предоставляют женщинам и иностранцам равные избирательные возможности (Кастилия – Ла-Манча). Рабочим и педагогам стать частью политической элиты можно посредством даже косвенного членства в социалистической партии; управленцам, предпринимателям, юристам, экономистам – посредством консервативной партии. Но неизменным условием во всех случаях является условие наличия высшего профессионального образования. Наличие подобных ограничений порождает у некоторых представителей гражданского общества мнение о дискриминации некоторых групп населения [61, с. 22].

Несмотря на перемены, произошедшие в правящей политической элите Испании, она относительно гомогенна и устойчива по своей социальной конфигурации. Это своего рода «микромир», развивающийся по своим законам. На протяжении длительного периода региональную политическую элиту формируют в основном молодые мужчины, которые родились в той же местности, где завоевали депутатский мандат, имеют университетский диплом адвоката или преподавателя [303, с. 146].

После формирования «государства автономий» открылись новые пути рекрутирования правящих элит. Получил распространение приход в правительство высокопоставленных управленцев из регионов, но в то же время участились случаи возвращения бывших министров в руководящие структуры автономий. Властные структуры автономий превратились в один из центров подготовки национальной руководящей элиты: 44 министра (24% от их общего числа) до прихода в правительство занимали какой-либо пост в администрации автономии. Немало будущих министров были до этого членами правительств автономий.

Приоритетную роль Мадрида в процессе формирования элиты не «отменяют» процессы децентрализации, развивающиеся в последние десятилетия в испанском «государстве автономий». Вместе с тем эти процессы расширяют географические возможности формирования элиты. Как отмечает Х. Линц, создается впечатление, что «ни один регион полностью не исключен из представительства в правительствах Испании и ни один из них не способен доминировать над остальными» [125, с. 975].

Таким образом, можно сказать, что реформы, проведенные в Испании, позволили сформировать конституционно-правовые механизмы, которые направлены, с одной стороны, на удовлетворение политических амбиций наиболее активных регионов на получение большей автономии, а, с другой, на сохранение целостности и суверенитета испанского государства. Регионы имеют конституционно гарантированный высокий уровень самоуправления, собственные представительные институты и законодательный потенциал по большинству вопросов. Созданные на региональном уровне новые политические институты, сформировавшиеся региональные политические элиты превращаются в своеобразный стимул формирования региональной идентичности с определенной этнической составляющей, а также способствуют политизации идентичности, что проявляется в поддержке региональных политических партий.

В соответствии с Конституцией 1947 г. Итальянская Республика является унитарным государством, основанным на принципах местной автономии и децентрализации. В состав Италии входят области (регионы), которые являются территориальными автономными образованиями, наделенными широкими

управленческими полномочиями и имеющими собственные статуты. Статус регионов закреплён в Конституции и государственных законах, которые гарантируют его автономию, самобытность и организационное устройство. Органами управления в автономных областях являются региональный совет, который избирается гражданами региона, джунта (исполнительный орган власти) и ее председатель (президент или губернатор региона), который в зависимости от области избирается гражданами или региональным советом.

Итальянская Республика прошла долгий и сложный путь расширения полномочий регионов, в течение которого происходили планомерная децентрализация государственной власти и наделение регионов рядом атрибутов, характерных для субъектов федеративного государства. К ним относятся конституционное закрепление в 2001 г. распределения сфер ведения и принятие регионами собственных статутов - фактических региональных конституций [142, с. 62]. Конституция Италии предусматривает различные формы включения территориальных образований в общенациональную политическую жизнь: участие в избрании Президента страны, предоставление права вносить законодательные предложения в палаты, ставить по инициативе не менее пяти областных советов вопрос о проведении общенационального референдума [216].

В 1990-е гг. существенной проблемой для страны стала угроза единству и территориальной целостности со стороны сепаратистских политических сил, выступивших за федерализацию страны. Немаловажным фактором дестабилизации итальянского общества выступили экономические проблемы, связанные с диспропорциями экономического развития между Севером и Югом. Неспособность национальных властей решить эти проблемы привела к тому, что стали появляться новые политические силы регионалистского толка, выступающие за федеративное переустройство государства. Причиной усиления регионализма стала победа на региональных выборах итальянских лиг - новых политических сил, сыгравших особую роль в поиске новой модели территориальной организации публичной власти [142, с. 63].

После создания в 1991 гг. объединенной партии «Лига Севера», выступившей за отделение промышленно развитых северных регионов от традиционно аграрного Юга, одной из самых острых тем в политической жизни Италии стала проблема децентрализации управления. Руководство Лиги неоднократно заявляло, что данные реформы являются смыслом их деятельности. На начальных этапах Лига Севера придерживалась сепаратистских взглядов, однако, поняв, что для успешного участия в большой политике необходима дерадикализация идеологии, партия фактически отказывается от сепаратистских призывов в пользу идей расширения автономии и более честного распределения бюджета, а этнокультурные лозунги сменились экономическими

аргументами [234, с. 53]. Лидер партии М. Сальвини, избранный в 2013 г., главными врагами Италии называет иммигрантов, ЕС и евро, что позволило ей выдвигать своих кандидатов под лозунгом «Мы с Сальвини» и в южно-итальянских регионах, в которых она ранее вообще не была представлена [152]. На национальных выборах с 1994 по 2013 гг. Лига получала от 4 до 10% голосов, хотя принимала участие в них лишь на Севере. На парламентских выборах 2018 г. в составе правоцентристской коалиции Лига набрала 17,37% голосов, во многом благодаря тому, что партия отказалась от традиционных для нее местнических настроений. Таким образом, Лига Севера может служить примером превращения региональной партии в партию общенациональную.

Еще один регион Италии - Южный Тироль - часто рассматривают как пример сложного, но эффективного поиска консенсуса между национальной и региональной элитами. После первой мировой войны, в соответствии с Сен-Жерменским договором 1919 г., все южные территории Австро-Венгрии перешли во владение Италии. На территории Италии образовались регионы с немецкоговорящим населением, представляющие национальное меньшинство. Из-за несогласия австрийской стороны с положениями договора по вопросам Южного Тироля в отношении германского населения, которому, хоть и предлагалась альтернатива выбора своего определения, но носила практически ультимативный характер: покинуть родину и принять германское гражданство, или, оставшись, подвергнуться ассимиляции со стороны Италии [256, с. 9].

На протяжении более четверти века австрийская и итальянская элиты не могли достигнуть консенсуса по данному вопросу. Движение в сторону урегулирования конфликта началось после окончания Второй мировой войны. Между Австрией и Италией был подписан межгосударственный договор между Австрией и Италией [54], по которому немецкоязычному населению предоставлялись равные права с италияязычным населением. Австрия становилась гарантом автономного проживания немецкого меньшинства на территории Южного Тироля [132, с. 59].

Согласно Конституции Италии от 1947 года Южному Тиролю присваивался статус автономного образования с особыми условиями. Но практика «особых условий» ограничивалась лишь незначительными правами немецкого населения особенно в области культуры, немецкого языка, финансов и сфере занятости. Данный факт породил череду новых конфликтов как внутри самой Италии (конфликтное взаимодействие двух этнических групп), так и во внешней политике (обострение отношений с Австрией) [57, с. 44].

Нежелание присваивать Южному Тиролю статуса политической автономии с широкими полномочиями, а также отказ итальянских властей в 1952 г. придать немецкому

языку статус официального языка региона привели к военным беспорядкам в 1950–1960-е годы [313, с. 67]. После длительных переговоров властей Австрии и Италии в 1961 году были определены новые полномочия властей Южного Тироля, который получил статус «расширенной автономии» (статус немецкого языка был повышен и признавалось официально немецкое название – Южный Тироль) [124]. В 1972 г. вступил в силу второй статут автономии, расширивший права немецкоязычного и ладинского населения на участие в законодательстве и управлении.

Согласно статуту, региональный парламент избирал президента, двух вице-президентов и министров автономии. При этом в течение срока полномочий избранного парламента пост президента области попеременно должны занимать представители немецкой и итальянской общины. Ключевыми характеристиками обновленной системы власти явилась значительная политическая автономия для Южного Тироля: пропорциональное представительство языковых групп в органах законодательной, исполнительной и судебной власти провинции; право вето для языковых групп в вопросах, касающихся их жизненно важных интересов; введение «системы этнических квот» при замещении ключевых должностей и распределении жизненно важных ресурсов. Закон также гарантировал равенство прав граждан, независимо от принадлежности к языковой группе, а также сохранность культурных и языковых различий отдельных этнических групп. Важно отметить, что «расширенная автономия» также гарантировала провинциям значительную финансовую независимость от Рима за счет перераспределения в их пользу налоговых поступлений (до 90%) [53, с. 11].

Смена правящих партий, находящихся у власти, невыполнение в полном объеме принятых обязательств со стороны итальянского правительства привело в начале 2000-х гг. к обострению конфликтной ситуации в вопросе самоопределения Южного Тироля. Обострилась борьба между представителями Южно-тирольской народной партии, придерживающихся умеренных взглядов, и радикальными сепаратистами из партии «Свобода Южного Тироля». В связи с этим «сохраняется вероятность активизации как сепаратистских настроений, так и националистических проявлений на севере Италии, выдвижения все новых претензий Австрии к Италии и ухудшения отношений двух стран» [313, с. 69].

Тем не менее, несмотря на все сложности взаимоотношений национальных элит Италии и Австрии, с одной стороны, и региональной политической элиты автономии Южного Тироля, с другой, можно утверждать, что, положительных сторон больше. Как отмечает отечественный исследователь В. Лисник, на современном этапе Южный Тироль характеризуется как стабильный регион с высоким экономическим потенциалом.

Конфликты на почве мультикультурализма трансформировались в культурную ценность и толерантность, а прецедент Южного Тироля в публичной политике часто используется в качестве прагматичного выхода из подобных государственных проблем [15, с. 100]. Широкая автономия, предоставленная региону, является гарантом хороших взаимоотношений с Римом, благодаря четкому разграничению полномочий между центральной и региональной властями.

Примером политической автономии выступают Аландские острова (Финляндия), которым в соответствии с Законом об автономии (1920 г.) были предоставлены значительные законодательные полномочия. Они обладают ярко выраженной этнической идентичностью [75, с. 473], так как на острове 92% населения составляют этнические шведы.

Законы об автономии Аландских островов (1920, 1951, 1991) гарантируют неиерархическую форму «партнерства» с Финляндией, посредством чего Аландские острова могут наложить вето на любую передачу полномочий от нее. Поскольку Финляндия не имеет децентрализованных полномочий в отношении других регионов, Аландские острова являются уникальной автономией в составе финского унитарного государства. В силу того, что не существует структур совместного управления и возможностей для многосторонних переговоров, отношения Аландских островов с Финляндией строятся на двусторонней основе [75, с. 470].

Особое положение субгосударственного образования, обладающего конституционно-защищенной автономией, но не имеющего гарантии общего управления в центре, позволило известному специалисту в области исследования федерализма Дж. Элейзеру выделить особый тип федеративных отношений – федератизм [315, с. 107]. По мнению А. Степана и Х. Линца, федератизм представляет собой «особый статус политико-административной единицы в независимом унитарном государстве, при котором она обладает исключительной властью в определенных областях, включая некоторую законодательную власть, конституционно или квазиконституционно закрепленную, которая не может быть изменена в одностороннем порядке, а жители этой политико-административной единицы имеют полные гражданские права в унитарном государстве» [111]. Главное здесь заключается в том, что федератизм формируется внутри унитарных государств и не затрагивает конституционную природу остальной части государства, в отличие от федераций. Такая форма встречается преимущественно на островах и архипелагах, и Аландские острова не являются исключением.

Закон об автономии (1991 г.), который регулирует отношения между Аландскими островами и Финляндией, представляет собой соглашение, в котором излагаются

полномочия, относящиеся к исключительной компетенции Аландских островов, и полномочия, которые остаются в ведении Финляндии. Закон конституционно гарантирует автономию Аландских островов, в которую могут быть внесены поправки большинством в две трети голосов как аландского, так и финского парламентов; он не может быть изменен или отозван в одностороннем порядке. Аландские острова обладают правом вносить инициативы в парламент Финляндии.

Аландские острова получили собственное региональное законодательное собрание и региональную исполнительную власть с исключительными полномочиями в области образования, здравоохранения, культуры, промышленности, охраны правопорядка и ограниченных фискальных полномочий. Аландским островам была предоставлена собственная форма регионального гражданства. Граждане пользуются всеми правами гражданства в государстве, могут голосовать на общегосударственных выборах и избирать единственного представителя в финский парламент. Однако требований по расширению представительства Аландских островов в Хельсинки нет. Партии Аландских островов предпочитают еще больше усилить самоуправление Аландских островов, а не добиваться увеличения числа голоса в парламенте Финляндии.

У Финляндии также есть представитель на Аландских островах (губернатор), который назначается Президентом Финляндии по согласованию со спикером Аландского парламента (лагтинга). Губернатор представляет правительство и Президента Финляндии и отвечает за координацию деятельности, относящуюся к компетенции государства. Любые финские законы или политика, которые каким-либо образом относятся к Аландским островам, должны быть прямо одобрены островными властями, и если Финляндия рассмотрит законопроект, который повлияет на Аландские острова (например, членство в ЕС), они имеют право изложить свою точку зрения и могут применить право вето. Другими словами, для подписания международных договоров, затрагивающих интересы Аландских островов, Финляндии необходимо получить их согласие [75, с. 471]. Еще одним механизмом межправительственных отношений является делегация Аландских островов, которая является совместным органом Аландских островов и Финляндии. По законодательным вопросам губернатор использует делегацию Аландских островов для посредничества в спорах.

Партийная система Аландских островов развивалась отдельно от финской партийной системы, что наложило отпечаток на взаимоотношения национальной и региональной политических элит. Партийная система Финляндии имеет более длительную историю по сравнению с партийной системой Аландов, где партии были созданы в 1960-1970 гг. Партии Аландских островов независимы от финских партий, имеют разные

названия, идеологию и социальные базы. Несмотря на это, между партиями Аландских островов и Финляндии существует определенный консенсус в отношении политики государства всеобщего благосостояния. Однако аландская и финская стороны имеют очень разные взгляды на защиту экономической, культурной и территориальной автономии Аландских островов. Важно отметить, что все партии Аландских островов в различной степени поддерживают расширение автономии островов, в частности фискальной и культурной [107]. Эти идеи не находят поддержки у финских партий (за исключением Шведской народной партии), а в некоторых случаях они категорически выступают против них [75, с. 484]. Расхождение во взглядах на расширение автономии Аландских островов приводит к обострению отношений между финской и аландской политическими элитами. Но в целом Финляндия никогда не стремилась «интегрировать» Аландские острова в свои социально-культурные или политические структуры [75, с. 473].

Таким образом, двусторонний характер межправительственных отношений отражает асимметричную форму автономии, предоставленную Аландским островам. Поскольку в Финляндии отсутствуют другие региональные единицы, у Аландских островов нет возможности влиять на формирование политики страны на многосторонней основе через государственно-региональный механизм и институты совместного принятия решений. Ограниченный характер структур совместного правления привел к тому, что Аландские острова в значительной степени оказались изолированы внутри финской политической системы, что создает проблемы для эффективного представительства интересов Аландских островов в центральных органах финского государства, консенсусных взаимоотношений национальной и региональной политических элит.

Проведенный анализ международного опыта взаимодействия национальной и региональной политической элиты в странах развитой демократии позволяет подвести некоторые итоги. Децентрализация полномочий и формирование субнациональной законодательной власти в унитарных государствах (Великобритания, Испания, Италия, Финляндия и др.) привело к тому, что регионы обладают значительными полномочиями в вопросах, возложенных на них государством, и компетенция регионов закрепляется в Конституции и иных законодательных актах. Модели регионализации в разных странах имеют свою специфику, обусловленную историей территориально-политического строительства, конкретной политической практикой и институциональным дизайном. Все модели имеют ту или иную степень ассиметрии, что предполагает гибкость отношений «центр-регион».

Отношения между центром и регионами находят свое выражение во взаимодействии между национальной и региональной элитами. Региональные элиты, являясь важным

актором политики как на региональном, так и на национальном уровнях, влияют на выработку общегосударственной повестки дня и выбор национальной элитой необходимых политических практик. Несмотря на сепаратистские устремления некоторых представителей региональных элит, национальные элиты нацелены на сохранение единого государства, используя механизм распределения полномочий между центральными и региональными органами власти, что свидетельствует о способности политических элит достигать консенсуса по данному вопросу.

2.2. Место и роль национальной и региональной политической элиты в демократическом и модернизационном процессах в странах Восточного партнерства

Социально-политическое развитие конца XX – начала XXI вв. показывает, что крайне важно понимание многообразия и особенностей проявлений механизмов взаимодействия национальной и региональной политической элиты не только в развитых демократических государствах, но и в странах, переживающих процессы модернизации и демократизации. Существенное отличие стран развитой демократии от посткоммунистических стран Восточной Европы и постсоветских государств, включая страны Восточного партнерства, состоит в том, что в первых свобода предшествовала демократизации, а во вторых – наоборот [50, с. 49], что определяет место и роль политической элиты в процессах демократизации, а также формирование специфических механизмов взаимодействия между элитами различных уровней. Именно политическая элита должна стать главным актором этих процессов, поскольку от ее политической компетентности и политической воли зависит эффективность проводимых политических и социально-экономических реформ.

Научный интерес данного параграфа будет концентрироваться вокруг двух основных проблем:

- во-первых, анализ роли политической элиты стран Восточного партнерства в процессе модернизационных и демократических трансформаций;
- во-вторых, выявление специфики взаимодействия между национальной и региональной политическими элитами в тех странах ВП, где существуют субнациональные административно-территориальные единицы, обуславливающие формирование и функционирование региональной элиты.

Программа Европейского Союза «Восточное партнерство», запущенная 7 мая 2009 года, охватывающая шесть восточноевропейских государств (Азербайджан, Армения,

Беларусь, Грузия, Молдова, Украина), направлена на сближение и углубление сотрудничества государств Восточной Европы и Южного Кавказа с ЕС [81].

Все страны Восточного партнерства начали осуществление модернизационных и демократических трансформаций в начале 1990-х годов, главной целью которых являлось создание демократических политических систем. Но в процессе модернизации и демократизации политические элиты государств-участников столкнулись с целым рядом трудноразрешимых проблем, называемых апоретическими трудностями, специфическая особенность которых заключается в том, что логические суждения и эмпирические данные противоречат друг другу [49, с. 47]. В странах ВП это касается проблем, непосредственно связанных с затянувшимся политическим кризисом, торможением демократических реформ, отсутствием демократической политической культуры, наличием нерешенных территориальных конфликтов, расколом политической элиты, неэффективным управлением, неактивным гражданским обществом, бюрократией и коррупцией. В некоторых государствах усугубились внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы, они столкнулись с новыми рисками и вызовами.

Спустя три десятилетия результаты модернизационных и демократических преобразований стран региона ВП существенно отличаются друг от друга. По мнению западных политологов Т. Карла и Ф. Шмиттера, практики политических транзитов на постсоветском пространстве оцениваются в виде «аномальной политики», которую чрезвычайно сложно концептуализировать [109]. Исходя из разработанной ими типологии режимов, Грузию, Молдову и Украину можно определить как гибридные режимы, Азербайджан и Армению как полуконсолидированные авторитарные режимы, а Беларусь как консолидированный авторитарный режим.

Траектории модернизационных и демократических реформ свидетельствуют о различных целях и устремлениях политических элит стран-участниц ВП. Вместе с тем следует отметить, что эти страны обладают общими характерными чертами: во-первых, общее советское прошлое, которое оказало значительное влияние на их политическую культуру; во-вторых, трудный переходный период в 1990-е годы, отмеченный непрозрачной приватизацией и возрождением неформальных институтов; в-третьих, олигархи, в разной степени, являются общей чертой их политики. Пять из шести стран (кроме Азербайджана) пережили цветные революции, которые привели к различным конечным результатам. Революция роз в Грузии, Евромайдан на Украине и Twitter-революция в Молдове привели к власти проевропейские политические элиты, которые породили у граждан и западных партнеров надежду на то, что эти страны смогут демократизироваться и принять европейские ценности и стандарты жизни. Двигаясь по

пути модернизации и демократизации своих политических систем, эти три страны подписали Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом и получили безвизовый режим с ЕС. Армения пыталась балансировать между Европейским Союзом и Евразийским Экономическим Союзом. Являясь членом ЕАЭС, Армения подписала в ноябре 2017 г. Соглашение с ЕС о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, которое вступило в силу 1 марта 2021 года. В Беларуси после президентских выборов 2020 г. оппозиционные выступления были подавлены, и у власти осталась прежняя правящая элита.

Развитие Восточного партнерства условно можно разделить на два периода: до саммита в Вильнюсе 29 ноября 2013 г., который стал поворотным моментом для инициативы Восточного партнерства, и после саммита [143, с.14]. С момента запуска программы и до 2013 г. политические элиты четырех из шести стран (Армения, Грузия, Молдова, Украина) уверенно двигались по пути сближения с Европейским Союзом, осуществляя модернизационные и демократические преобразования. Однако незадолго до саммита обнаружились глубокие различия во взглядах стран-участниц ВП - тех, кто был готов перейти к гораздо более глубокой интеграции с Европейским Союзом и подписать Соглашения об ассоциации, и тех, у кого были более ограниченные амбиции.

Уступив давлению Москвы, политическое руководство Армении и Украины, которое наряду с Молдовой и Грузией намеревалось подписать на саммите Соглашения об ассоциации, отказались от перспективы более глубокой интеграции с ЕС. В сентябре 2013 года, после завершения переговоров с Арменией по Соглашению об ассоциации, в том числе и по углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (УВЗСТ), Президент Армении С. Саргсян решил изменить курс и присоединиться к Евразийскому экономическому союзу, возглавляемому Россией. Свою роль в этом решении сыграла зависимость Армении от России, как в плане поставок энергоносителей, так и в плане безопасности [130, с.82].

В Украине Президент В. Янукович также отказался от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, пока протесты Евромайдана не устранили его от власти в феврале 2014 г. Политические элиты, пришедшие к власти, восстановили проевропейскую ориентацию Украины. Россия ответила аннексией Крыма и военным вмешательством на востоке страны. К концу 2014 года Украина присоединилась к Грузии и Молдове, подписав и ратифицировав Соглашения об ассоциации с ЕС вместе с соглашением об УВЗСТ. Армения присоединилась к ЕАЭС при его запуске в январе 2015 года. Членство Беларуси в ЕАЭС запрещает УВЗСТ с ЕС, а политические элиты Азербайджана не проявляли интереса к интеграции с любым торговым блоком.

Для оценки эффективности деятельности политических элит стран-участниц ВП в процессе модернизационных и демократических трансформаций считаем необходимым обратиться к Индексу Восточного партнерства, который оценивает усилия, предпринятые странами-участницами в направлении устойчивого демократического развития и европейской интеграции. Одним из показателей является «Глубокая и устойчивая демократия», которая охватывает демократические права и выборы, включая политический плюрализм; права человека и защита от пыток; независимость СМИ; свобода слова и собраний; независимое правосудие; равные возможности и недискриминация; борьба с коррупцией, публичное управление (Приложение 1).

Двигаясь по пути модернизационных и демократических трансформаций, политические элиты всех стран ВП столкнулись с системными проблемами, которые оказывают негативное влияние на качество преобразований. Страны в разной степени демонстрировали прогресс в процессе реформ, который оказался ниже высоких ожиданий, связанных с запуском Восточного партнерства. Одним из факторов, препятствующих проведению демократических реформ, стала недостаточная политическая воля правящих элит [65].

Анализ индексов Восточного партнерства по показателю «Глубокая и устойчивая демократия» свидетельствует о том, что после подписания Соглашений об ассоциации с ЕС Грузией, Молдовой и Украиной эти страны демонстрируют наиболее высокие результаты в этой сфере. Добившись существенных улучшений в избирательной сфере, в области прав человека, свободе слова и собраний, они не достигли значительных результатов в борьбе с коррупцией и реформировании судебной системы. В 2014 г. война на востоке Украины затормозила прогресс, достигнутый ранее, что отразилось на ее отставании от Молдовы и Грузии во многих областях. Армения добилась определенного прогресса, но также испытала и неудачи в период, отмеченный интенсивными переговорами по Соглашению об ассоциации, а затем политическим разворотом и присоединением к ЕАЭС. Армения сталкивалась с постоянными проблемами в реализации свободы СМИ и права на собрания. Азербайджан и Беларусь показали наихудшие показатели, хотя Беларусь продемонстрировала наибольший прогресс среди всех шести стран в области качества государственного управления [66].

В дальнейшем сложилось четкое разделение между тремя странами, подписавшими СА, и другими странами ВП – Арменией, Азербайджаном и Беларусью. Индекс 2015-2016 гг. продемонстрировал явный разрыв с одной стороны, между четырьмя странами - тремя подписавшими СА и Арменией, и двумя самыми слабыми исполнителями, Азербайджаном и Беларусью, не в последнюю очередь из-за постоянных недостатков в

области демократии и прав человека [67]. Оценка Армении подтверждает продолжение прогресса, достигнутого до выхода страны из переговоров по Соглашению об ассоциации с ЕС.

Социально-экономические и политические преобразования в Азербайджане проходят под знаком модернизации. Этот процесс управляется «сверху» и идет с привлечением административных, финансовых, информационных и иных ресурсов [224, с. 170]. В этом контексте власти страны начали переговоры с ЕС по вопросу Соглашения о стратегическом партнерстве для модернизации, но сталкивался с большими проблемами в области демократических прав и выборов, включая политический плюрализм, свободу СМИ, нарушения гражданских свобод и прав человека.

После вступления в силу Соглашений об ассоциации с ЕС определилось устойчивое лидерство со стороны Украины, Грузии и Молдовы. Индекс-2017 г. показал, что политические элиты этих трех стран прилагают значительные усилия для осуществления демократических и модернизационных преобразований, но в то же время они сталкиваются со многими вызовами безопасности – на уровне территориальной целостности, экономики, энергозависимости и социальной сплоченности [68].

Страны-лидеры обеспечивают проведение свободных, честных и прозрачных выборов, но подкуп избирателей остается распространенной проблемой во всем регионе Восточного партнерства, что ведет к ухудшению предвыборной среды и снижению общественного доверия к результатам выборов. Почти во всех странах ВП существует законодательная база для предотвращения злоупотребления административным ресурсом, тем не менее, во время избирательных кампаний правящие партии активно его используют.

Украина с небольшим отрывом опередила Молдову и Грузию, получив наивысшие баллы по показателям «свобода слова и собраний» и «равные возможности и недискриминации», а также вместе с Грузией лидировала по показателю «независимое правосудие». Молдова отстала от Украины и Грузии по общему показателю, но лидировала в борьбе с коррупцией, в основном благодаря действующим правовым и институциональным мерам, а не их практической реализации. Как растущая проблема в Молдове было отмечено «селективное правосудие», где уголовное дело в отношении лидера одной из оппозиционных партий и ряд других уголовных преследований вызвал опасения по поводу политического влияния над сектором юстиции [68].

Одной из самых больших проблем для всех стран Восточного партнерства остается отсутствие независимости судебной системы и высокий уровень коррупции. Несмотря на некоторые шаги, предпринятые для реформы судебной системы, результаты не очень эффективны. Согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2021 г.,

воспринимаемый уровень коррупции в государственном секторе значительно различался между странами Восточного партнерства. Как и в предыдущие годы, Грузия показала лучшие результаты с баллом 55 из максимальных 100 баллов за отсутствие коррупции. По мнению экспертов, хотя уровень мелкой коррупции в Грузии был низким, но концентрация власти, неформальное влияние на государственные институты и захват государства, начиная с 2016 года, препятствовали надлежащему расследованию случаев коррупции на высоком уровне с участием должностных или влиятельных лиц, связанных с правящей властью. Медленная реформа антикоррупционного законодательства Грузии помешала осуществлению эффективной антикоррупционной политики [119].

За Грузией следуют Армения (49) и Беларусь (41). У Молдовы 36 баллов, наименьшее количество баллов набрали Украина (32) и Азербайджан (30) [63]. Беларусь считается одним из наименее коррумпированных государств постсоветского пространства, где власти и общественность проявляют высокую степень нетерпимости к чиновничьей коррупции [118]. По сравнению с предыдущим периодом значительный прогресс был отмечен у Армении, где после смены правящей элиты в 2018 г. в результате антикоррупционных расследований в государственный бюджет было возвращено около 42 млн. долларов США [68]. Небольшой прогресс продемонстрировали Молдова и Украина, Грузия сохранила свои показатели, а балл Азербайджана несколько ухудшился.

Отсутствие всеобъемлющей судебной реформы и эффективных антикоррупционных мер подрывает демократическое развитие, укореняет коррумпированные элиты и злоупотребление властью в личных целях, независимо от того, находятся политические лидеры у власти или управляют процессом из-за кулис. Нежелание власти вести диалог с гражданским обществом приводит к разочарованию населения в демократических реформах. Люди теряют веру в политический процесс, в возможность создать честный бизнес, высказывать свое мнение, не опасаясь преследований, а также осуществлять свои гражданские права на участие в общественной жизни.

Создание в 2021 г. «Ассоциированного трио» Грузии, Молдовы и Украины¹ продемонстрировало стремление правящих элит этих государств активизировать процесс европейской интеграции, что позитивно повлияет на внутренние модернизационные и демократические процессы. Индекс ВП 2020-2021 гг. [69] показал, что по общим показателям страны «Ассоциированного трио» занимают первые три места - Украина и Молдова являются лидерами, Грузия занимает третье место. Армения получила хорошие оценки по показателям, связанным с демократией и эффективным управлением, поэтому по

---

¹ Ассоциированное трио – Грузия, Молдова и Украина. Все три имеют соглашения об ассоциации, включая Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли с ЕС.

показателю «Глубокая и устойчивая демократия» она заняла первое место, достигнув наибольшего прогресса по сравнению с 2017 г. Пятое и шестое места занимают Беларусь и Азербайджан. Их оценки выше показателей Индекса-2018-2019, но разрыв между ними и четверкой лидеров остается ощутимым.

«Ассоциированное трио» добилось некоторых улучшений в сферах демократии и управления, но прогресс был неоднородным, с очевидной инерцией и откатом назад. Все страны боролись с коррупцией, но их оценки понизились с 2017 года. Грузия и Украина потеряли значительное количество баллов по показателю независимой юстиции, и все три государства столкнулись со снижением своих оценок в области независимости СМИ. Эти проблемы в некоторой степени объясняются последствиями пандемии COVID-19, однако неравномерность работы в этой области и тенденция к инерции и отступлению были очевидны еще до пандемии.

Смена политической элиты в Армении в 2018 г. и приход к власти сначала в результате массовых протестов, а затем и на парламентских выборах Н. Пашиняна и его блока «Мой шаг», стало четким подтверждением настроений армянского общества на перемены. Действия, предпринятые новой политической элитой, привели к тому, что в Индексе-2020-2021 Армения лидирует в соблюдении демократических прав и выборах, включая политический плюрализм, свободу мнений и их выражения, собраний и ассоциаций, независимую судебную систему, борьбу с коррупцией и независимые СМИ. Кроме того, разрыв между баллами Армении по борьбе с коррупцией (0.88) и свободными СМИ (0.67) и следующей по результативности Грузии весьма значителен (0.79 и 0.59 соответственно).

Учитывая опыт революционных трансформаций в других странах (М. Саакашвили в Грузии), Армении необходима дальнейшая демократизация гражданского общества, взаимодействие с другими политическими силами и поощрение плюрализма как в политике, так и в средствах массовой информации. Учитывая большинство голосов, набранных блоком «Мой шаг», Н. Пашиняну нужна эффективная конструктивная оппозиция, которая будет включать внепарламентские голоса, подтверждая таким образом настроенность новой правящей элиты на дальнейшую демократизацию государства и общества.

Азербайджан и Беларусь находятся в нижней части рейтинга «Глубокой и устойчивой демократии». Результаты Индекса в сочетании с репрессиями властей в отношении белорусских граждан, подтверждают, что по своей сути проблематично оценивать Беларусь в тех же рамках, что и другие пять государств ВП, особенно в сферах, касающихся демократии, прав человека, независимой судебной системы, политического плюрализма и независимых СМИ [69].

Индекс Восточного партнерства подтверждается Индексом трансформации Бертельсмана, который оценивает эффективность развивающихся стран и стран с переходной экономикой в части формирования демократических институтов и рыночной экономики. Индекс трансформации Бертельсмана состоит из двух индексов: индекс статуса (Status Index) и индекс управления (Management Index) [115]. Индекс статуса с его двумя измерениями политических и экономических трансформаций определяет позицию страны в зависимости от демократических изменений в условиях верховенства права и социальной рыночной экономики. Индекс управления оценивает качество политического руководства, которое осуществляет процессы преобразований. В рейтинге 2020 г. было представлено 137 стран мира. Шкала значений индекса – 10 пунктов, где 10 – лучший результат (Приложение 2).

Среди стран Восточного партнерства в 2020 г. самое высокое место в общем рейтинге занимает Украина (30) с индексом 6.81, затем следуют Армения (35) с индексом 6.69, Грузия (43) с индексом 6.39 и со значительным отставанием Молдова (61) с индексом 5.78. Как и в Индексе ВП, в Индексе трансформации Бертельсмана наихудшие показатели у стран с авторитарными политическими режимами - Беларуси (88) с индексом 4.89 и Азербайджана (98) с индексом 4.34.

Рейтинг состояния демократии характеризует государственность, политическое участие, верховенство закона, стабильность институтов, политическую и социальную интеграцию. Во всех государствах провозглашен принцип разделения властей, созданы демократические политические институты, проводятся выборы и функционируют партийные системы. Но во всех странах в различной степени нарушается верховенство закона, разделение властей является формальным, происходит вмешательство одной ветви власти в деятельность другой либо концентрация власти в руках лидера и его окружения. Созданные политические партии представляют собой множество политических проектов, которые появляются и исчезают в зависимости от обстоятельств и служат политическим средством реализации частных интересов ведущих политиков или бизнеса. Определяющей чертой стран ВП остается ярко выраженная зависимость от лидеров и связанных с ними лично-ориентированных сетей.

В рейтинге состояния демократия 2020 г. лидером является Армения, которая занимает 34 место (индекс 7.10). За последнее десятилетие в стране произошла устойчивая смена режима от автократии к демократии [117]. Украина заняла 38 место с индексом 6.90, Грузия расположилась на 46 месте (индекс 6.60). Также как и по общему месту в рейтинге, Молдова существенно отстает от Грузии в рейтинге состояния демократии, занимая 65 место с индексом 5.80. Несмотря на обновление национальных элит Грузии, Молдовы и

Украины, существенных изменений в модернизации и демократизации общества не произошло. Вновь сформированные правительства создали новые институты, содействующие прозрачности и подотчетности, и провели важные преобразующие реформы, однако качественных изменений в продвижении демократических стандартов в целом не произошло.

В Беларуси большинство демократических институтов не функционируют должным образом, власть сконцентрирована в руках администрации президента, значительную роль играют силовые структуры, партийная система имитирует конкуренцию, основные СМИ находятся под контролем государства. Эти характеристики определили Беларусь на 88 место (индекс 4.38) в рейтинге Бертельсмана.

Самый низкий показатель у Азербайджана (113 место с индексом 3.43), учитывая неразвитость демократических институтов, дальнейшую консолидацию авторитарного правления, все большую монополизацию политической и экономической власти в руках правящей семьи Алиевых (И. Алиев – президент страны, его жена М. Алиева – первый вице-президент) [116].

В рейтинге состояния экономики самый высокий результат показала Украина, заняв 31 место (индекс 6.71). Соглашение об ассоциации с ЕС послужило якорем для рыночных реформ и ограничивает пространство для маневра для субъектов, которые препятствуют их проведению (влиятельные бизнес-субъекты) в некоторых ключевых секторах экономики [121].

Остальные страны ВП существенно отстают от нее, занимая места с 43 (Армения) по 76 (Азербайджан). В отличие от индекса состояния демократии, разрыв между странами по этому показателю меньше, что свидетельствует о том, что процесс развития рыночной экономики сталкивается с похожими проблемами во всем регионе ВП.

В индексе управления, основывающемся на показателях эффективности управления, лидером среди стран-участниц ВП является Грузия, занявшая 36 место с индексом 5.83. Довольно высокое место Грузии, в большой мере, связано с успешными реформами в государственном строительстве в период нахождения у власти М. Саакашвили, борьбой с коррупцией, реализацией Соглашения об ассоциации с ЕС. Но, воля политической элиты к разрешению конфликтов на внутривластном уровне остается ограниченной. Поляризация между правящей «Грузинской мечтой» олигарха Б. Иванишвили и оппозиционным «Единым национальным движением» М. Саакашвили усиливается, что подтвердили и парламентские выборы 2020 года: оппозиционные партии отказались пройти в парламент из-за якобы фальсифицированных выборов. С 2016 г. «неформальное

управление» вышло на системный уровень, поскольку на высокие посты во всех трех ветвях власти назначены люди, лояльные миллиардеру Б. Иванишвили.

Украина находится на 44 месте (индекс 5.52), Армения занимает 55 позицию (индекс 5.29). После революции 2014 г. украинские власти значительно продвинулись в реализации реформ в области децентрализации и избирательного законодательства. Развитое гражданское общество выступало активным проводником реформ, его представители занимают места государственных структурах как на национальном, так и на региональном уровне. Вместе с тем на политической арене есть акторы, которые сопротивляются проведению реформ (олигархи, политические партии с популистской повесткой дня, государственные служащие или судьи старой системы, которые не смогут сохранить свои привилегии в реформированной институциональной среде).

Правящей элите Армении не хватает стратегического потенциала для определения приоритетов и организации своих политических мер. Одной из причин является нехватка профессионалов в составе элиты, пришедшей к власти на волне бархатной революции, а также кумовство, коррупция, предпочтение лояльности, а не компетентности при назначении на руководящие должности. Ситуация усугубилась поражением в войне с Азербайджаном, что вынудило правительство переключиться на режим выживания, в котором преобладали краткосрочные тактические маневры.

Молдова находится на 70 месте с индексом 4.87 [120]. Комплексный анализ политической и управленческой трансформации Молдовы будет представлен в третьей главе. Здесь следует отметить, что хотя за последнее десятилетие произошло умеренные позитивные сдвиги в сфере государственного управления, качественных изменений в стиле управления в целом не произошло [72, с. 10].

Государства с авторитарными режимами – Азербайджан и Беларусь заняли соответственно 98 (индекс 4.0) и 105 (индекс 3.71) места. Военный успех в войне с Арменией еще больше укрепил власть Президента Азербайджана. Изменения во властных структурах предоставили правящей семье безальтернативные монопольные полномочия в экономике и политике страны. В стране сложился персоналистский политический режим, в котором существует резкий дисбаланс полномочий в пользу президентской власти, а функции парламента ограничены или сведены лишь к законодательному оформлению решений исполнительной власти [270; с.193]. Это дополняется фальсификацией выборов, репрессиями против независимых СМИ, гражданского общества и активистов-правозащитников, преследованием политического инакомыслия и дальнейшим ограничением гражданских свобод, что выступает показателем недемократичности режима.

Политическая система Беларуси сильно централизована, и президент выступает в роли стратегического арбитра между государственными институтами и неформальными элитными группами. Администрация Президента находится на вершине вертикали власти. Парламентские (2019) и особенно президентские (2020) выборы продемонстрировали несоблюдение демократических стандартов, что привело к массовым протестам гражданского общества, которые были подавлены путем жестких репрессий.

Однако в экономическом плане автократии, богатые природными ресурсами, демонстрируют лучшие показатели в достижении Целей устойчивого развития, связанных с преодолением бедности и развитием системы здравоохранения [117].

Таким образом, в странах Восточного партнерства закрепился политический раскол. Приход к власти проевропейских политических элит в странах «Ассоциированного Трио» и Армении позволил новым лидерам активизировать процессы модернизации и демократизации, необходимые для реформирования общества в духе демократических ценностей и стандартов жизни. Несмотря на это, в этих странах сохраняются проблемы, связанные с процессами демократизации (Армения) и демократической консолидации (Грузия, Молдова, Украина). Процесс государственного строительства остается незавершенным, поскольку не обеспечена территориальная целостность и нерушимость границ этих государств. Отношения между правительством и оппозицией определяются конфликтными терминами, где кажется, что нет места для консенсуса и/или переговоров. Многопартийная система не функционирует должным образом из-за антидемократических практик избирательной политики и отсутствия возможностей для полноценной деятельности политических партий. В двух странах - Беларуси и Азербайджане укрепились политические режимы, основанные на авторитарной власти лидера и его окружения, что привело к откату от демократических реформ.

Эффективность модернизационных и демократических процессов в значительной степени зависит от консенсуса между национальной и региональной политическими элитами. В современных трансформационных государствах региональные политические элиты занимают разные позиции в проектах демократического реформирования. В этатизированных политических системах, каковыми являются постсоветские страны, модернизационные функции региональных элит связаны с разгосударствлением, демократическим принятием политических решений и процессами привлечения общественности к государственно-управленческому процессу [269, с. 74]. Кроме того, для политических элит в странах с переходными политическими системами стремление к регионализму связано с желанием сохранить национальную или религиозную самобытность.

Для успешных модернизационных преобразований необходима консолидация национальной и региональной элиты, но, как показывает практика, их интересы иногда характеризуются разнонаправленностью, что приводит к конфликтам и кризисам. Несмотря на то, что все страны Восточного партнерства являются унитарными государствами, в ряде из них сформировались административно-территориальные единицы, обусловившие формирование и функционирование региональной элиты (Азербайджан, Грузия, Молдова). Далее мы остановимся на специфике взаимодействия между национальной и региональной политическими элитами в названных странах, выявлении общих и особенных черт, а также позитивного опыта, который может быть использован Республикой Молдова.

Азербайджан унаследовал советскую региональную административную систему, которая практически не изменилась с 1991 года. В составе Азербайджана существует одна политическая автономия – Нахичеванская автономная республика. Критерием создания автономии выступает не этнический, а географический фактор, так как в результате военно-политических событий начала XX века эта часть была отрезана от основной территории Азербайджана [181, с. 35].

Нынешний политико-правовой статус Нахичевани как внутренне суверенной автономной республики в составе Азербайджана по своему происхождению существенно отличается от рассмотренных автономий в составе европейских стран, где автономизация административно-территориальных субъектов происходила в результате урегулирования взаимоотношений или устранения коллизий между регионом и государственно-политическим «центром». Нахичевань обрела свой статус в составе Азербайджана в результате международно-правовых договоренностей сразу нескольких стран региона – Московском и Карсском международных договорах 1921 г. Иными словами, автономизация Нахичевани стала не результатом решения «внутреннего дела» Азербайджанской Республики, а следствием консолидированной воли политических элит сразу нескольких стран, видевших в этом шаге действенный инструмент преодоления объективно существовавших в начале 1920-х годов геополитических проблем региона [225, с. 172].

Политическая жизнь современной Нахичеванской автономной республики базируется на Конституции 1998 г., которая признает принцип разделения властей, а также устанавливает законодательные полномочия автономии в следующих сферах: выборы в местный парламент (Али Меджлис), статус депутатов Али Меджлиса, статус местного Уполномоченного (Омбудсмана) по правам человека, налоги в рамках экономической и фискальной политики Азербайджана, направления экономического развития автономии, социальное обеспечение, охрана окружающей среды, туризм, здравоохранение, наука и

культура [218]. В целом Конституция автономной республики обеспечивает функционирование парламентской автономии с широкими полномочиями в составе унитарной президентской республики [181, с. 40].

Интересы автономии в Парламенте (Милли Меджлис) Азербайджана представляют семь депутатов, которые избираются по одномандатным округам в автономии. Формальные связи с центральными властями страны обеспечиваются через представительство автономии в Баку. Неформальные связи оказали определяющее влияние на доминирующее положение нахичеванской региональной группы в стране, поскольку предшествовавший Президент Г. Алиев был выходцем из Нахичевани.

Традиционно в азербайджанской правящей элите доминируют две основные региональные группы, (нахичеванцы и этнические азербайджанцы из Армении), что служит источником потенциальной напряженности в обществе, поскольку представители других регионов недовольны неравным доступом к власти и богатству. Политика, осуществляемая женой Президента М. Алиевой, которая в 2017 г. стала первым вице-президентом, бросила вызов монополии этих двух региональных групп среди высокопоставленных чиновников [116].

В Азербайджане большую роль играли и играют мощные элитные группы, так называемые региональные кланы [73, с. 118]. Поэтому И. Алиев, ставший Президентом страны в 2003 году после смерти своего отца Г. Алиева, занял высшую руководящую должность не только в системе формальной иерархии, но и в неформальной сети конкурирующих элит. Как и в других постсоветских государствах, азербайджанская политическая элита ставила на руководящие посты своих соратников, друзей и родственников в обмен на их лояльность, способствуя формированию патрон-клиентелистских отношений. Национальная элита, обладая политической и экономической властью, отдает свою долю региональным союзникам, а они, в свою очередь, поддерживают политическую власть и обеспечивают ее преемственность. Распределение и разделение ресурсов, как политических, так и экономических, остаются в руках доминирующего клана [70, с. 71].

Как и во всем регионе Южного Кавказа, в Азербайджане связь с семьей, кланом является распространенной и доминирующей культурной моделью. В контексте нашего исследования интересен тот факт, что многолетний глава Нахичеванской автономии В. Талыбов (1995 г. – н.в.) состоит в родственных связях с Президентом Азербайджана [73, с. 125], и фактически контролирует всё в республике. Такое положение во многом обеспечивает стабильность отношений между национальной и региональной элитами,

отсутствие сепаратистских настроений среди населения автономии, которое гордится своим особым статусом в составе Азербайджана.

Существующий баланс в отношениях между центром и регионом устраивает обе стороны [249]. Деятельность региональной элиты направлена на укрепление унитаризма азербайджанского государства, государственными символами автономии являются государственный флаг, герб и гимн Азербайджана, основные институты политической системы автономии адаптированы к общей политической системе страны [181, с. 38]. В целом азербайджанская национальная и региональная элиты демонстрируют согласованность, которая поддерживается огромными возможностями покровительства и мощными финансовыми ресурсами, что в определенной степени объясняет относительную стабильность режима И. Алиева [73, 128].

Ситуация в другой стране южно-кавказского направления Восточного партнерства – Грузии – отличается особой спецификой, так как после обретения независимости в результате этнических конфликтов был утрачен контроль центральной власти Грузии над Южной Осетией и Абхазией. Эти регионы находятся в ведении местной «этнократии», основным гарантом которой является российский миротворческий контингент [59, с. 195]. Переговорный процесс с Тбилиси находится в тупике, что привело к несогласованности отношений с центральной властью Грузии и неопределенный правовой статус этих регионов. В Грузии действует абхазское правительство в изгнании, так называемое «законное правительство Абхазии», структурированное по довоенному образцу [59, с. 195].

Согласно Конституции, Грузия является унитарным государством, в состав которого входят две автономные республики - Абхазия и Аджария. Аджария получила этот статус в результате Карсского договора 1921 г. Так как Аджария, где мусульмане составляли 70%, отличалась от остальной части Грузии по религиозному параметру, гарантом автономии выступила и Турция, которая и сегодня стремится сохранить свое влияние. Таким образом, Аджария была создана как этнорелигиозная автономия, где ключевым маркером выступает религиозный признак [300, с. 11].

Однако, как отмечает исследователь У. О'Брохта, в течение XX века региональная мусульманская идентичность в значительной степени исчезла, и основным отличительным фактором между Аджарией и остальной Грузией является то, что Аджария сохраняет свой статус автономной республики, несмотря на то, что это приносит лишь незначительные конституционные выгоды. У. О'Брохта называет Аджарию загадочным случаем «идентичности без раскола», в том смысле, что фактически нет маркеров, которые позволили бы провести границы между грузинами и аджарцами. [98, с. 10].

С момента обретения Грузией независимости в 1991 г. и до мая 2004 года Аджария находилась вне контроля грузинских центральных властей. Руководитель автономной республики А. Абашидзе управлял Аджарией как своей личной вотчиной. Заключив тайную сделку с Президентом Э. Шеварднадзе, он, в свою очередь, получил полную свободу действий в Аджарии [59, с. 202-203]. Почти все руководители Аджарии, а также половина депутатов местного парламента были его родственниками [59, с. 194]. Экономические условия в Аджарии значительно лучше, чем в остальной части Грузии. Благодаря границе региона с Турцией и наличию российской военной базы в Батуми Аджария могла развивать хорошие отношения с обеими странами. Партия «Возрождение» Абашидзе смогла получить до 98% голосов в Аджарии, а распространившись по всей стране, была представлена в национальном парламенте, став примером трансформации этнорегиональной партии в общенациональную.

Поскольку основное население автономии составляли этнические грузины, власти Аджарии не выражали открыто сепаратистских устремлений. Но в то же время регион сопротивлялся центральным властям по экономическим и политическим вопросам. Не были урегулированы бюджетные обязательства между центральным правительством и Аджарией; кроме того, правительство Грузии не позволило Абашидзе превратить столицу Аджарии Батуми в свободную экономическую зону.

Упразднить такое практически независимое положение Аджарии, и установить там власть официального Тбилиси удалось пришедшему к власти в 2004 г. М. Саакашвили. Стремление региона к автономии, с одной стороны, и стремление Грузии вернуть политическое и экономическое влияние в регионе, с другой стороны, было сопряжено с политическими противоречиями между главой автономной республики А. Абашидзе и новым главой государства М. Саакашвили. Вооруженного конфликта удалось избежать, А. Абашидзе покинул страну. В июле 2004 г. грузинский Парламент принял Закон о статусе Аджарии. Были проведены выборы в региональный парламент, около 70 % набрала президентская партия «Саакашвили – победившая Аджария».

В настоящее время публично-правовой статус Аджарии регулируется законом «О статусе Аджарской автономной республики в связи с изменениями в Конституцию Грузии» (2004 г.) [187] и Органическим законом Грузии «Об утверждении Конституции Аджарской Автономной Республики» (2008 г.) [251]. Новая Конституция Аджарии была приведена в строгое соответствие с национальным законодательством.

Закон о статусе Аджарской автономии дает президенту Грузии широкие полномочия и надзор за структурами Аджарии, включая право выдвигать главу правительства Аджарии. Если Верховный Совет дважды отказывается одобрить эту кандидатуру, президент может

ее отклонить. Президент также может сделать это, если считает, что действия аджарского правительства угрожают «суверенитету, территориальной целостности Грузии или препятствуют конституционной деятельности грузинских государственных органов» [187]. Форм обратного участия при этом не предусмотрено, что позволяет говорить о наличии у центральной власти исключительного инструмента контроля над политической ситуацией в республике. Неслучайно Конституция Аджарии от 2008 г. подчеркивает, что «Правительство Аджарской Автономной Республики подотчетно Президенту Грузии и Верховному Совету Аджарской Автономной Республики» [251].

Законодательная власть национального парламента формально ограничена законодательной властью региональных легислатур автономных республик Абхазии и Аджарии [215]. По Конституции Грузии Парламент Аджарии обладает правом законодательной инициативы. Избирательная система Грузии предусматривает представительство Аджарии в общенациональном парламенте, на территории Аджарии располагается 6 мажоритарных избирательных округов. Налоговая самостоятельность ограничивается территориальными рамками Аджарии, при этом автономия сначала перечисляет налоги в центральный бюджет, а потом получает из него трансферты.

В соответствии с Конституцией Автономной Республики Аджария к особому ведению автономии относятся: принятие Конституции и других нормативных актов Автономной Республики; определение структуры, полномочий и порядка деятельности Правительства автономии; выборы в Верховный Совет автономии; утверждение бюджета автономии и контроль за его исполнением; введение и отмена местных налогов и сборов, определенных законами Грузии; наука и культура, здравоохранение, туризм и т.д.

В целом, унитарная модель организации взаимоотношений по линии центр – регионы выступает единственным возможным вариантом государственного устройства для Грузии, и усилия национальной политической элиты направлены на реализацию данной модели. Однако когда экономические условия в конкретном регионе значительно лучше, чем в остальной части страны, региональные элиты обращаются к региональной идентичности как к механизму, с помощью которого они пытаются убедить центральное правительство поддержать усиление региональной автономии [215]. Так как расширение региональной автономии требует поддержки центрального правительства.

Как показал сравнительный анализ Нахичеванской Автономной Республики в Азербайджане и Аджарской Автономной Республики в Грузии, эти автономии имеют ряд общих черт. Во-первых, этнический и религиозный состав автономии похож на остальную часть страны. Данная ситуация определяет вторую схожую черту: ни в Нахичевани, ни в Аджарии власти и население региона не высказывают сепаратистских устремлений. В-

третьих, длительное время глава автономии обладал практически неограниченной властью. В Аджарии ситуация изменилась в сторону демократизации региона, а в Нахичевани авторитарная власть главы автономии достаточно стабильна. В-четвертых, существующий консенсус между центральной властью и властью автономий по вопросу функционирования автономии в рамках унитаризма способствует стабилизации государства.

В отличие от Нахичеванской автономии, образованной по историческому признаку, и Аджарской автономии, сформированной по религиозному принципу, создание Автономного территориального образования Гагаузия (Гагауз Ери) в Республике Молдова имеет свою специфику, так как было образовано по этническому принципу. В начале 1990 г. на фоне распада СССР и приднестровского конфликта национальное движение «Гагауз Халкы» выдвинуло требование о создании на юге Молдовы собственного независимого государства. Ссылаясь на бескомпромиссность действий властей Кишинева по проведению внутренней политики, 19 августа 1990 г. была провозглашена Гагаузская Советская Социалистическая Республика в составе СССР. В ситуации, сложившейся в южных районах Молдовы, нетитульная гагаузская группа стремилась к созданию автономии, в которой эта нетитульная этническая группа стала большинством.

Для преодоления противоречий в отношениях между центральной властью и южными районами страны, в 1994 году было создано административно-территориальное образование Гагаузия (АТО Гагаузия), что получило законодательное закрепление в Конституции Республики Молдова (статья 111) и Законе № 344-XIII об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери), который регламентировал создание и функционирование гагаузской автономии. Особый правовой статус, полученный гагаузами, дал им не только расширенные права этнического самоутверждения, но и психологический комфорт защищенности и безопасности [33, с.56].

По мнению зарубежных исследователей, создание АТО Гагаузия представляет собой исключительный случай успешной трансформации конфликта в Центральной и Восточной Европе, а также на постсоветском пространстве, когда де-юре территориальная автономия была предоставлена этнической группе [104, с.258]. В специализированной литературе гагаузская автономия часто рассматривается как одна из ключевых проблем в разработке и реализации правовых положений, касающихся автономии, в контексте нефункциональной правовой системы. Однако фактическая реализация положений закона была и остается довольно противоречивым процессом [80, с.324], а позитивные последствия создания этой автономии так и не наступили из-за неэффективной политики по консолидации общества на уровне руководства страны [241, с.7].

Создание Гагаузской Автономии стало проявлением принципов демократии, направленных на прекращение острого конфликта между Кишиневом и Комратом. Гагаузская автономия существует более четверти века, это период, который выявил преимущества автономного строительства, а также функциональные недостатки и пробелы этого статуса как в региональном аспекте, так и в контексте общенационального политического процесса.

Исходя из вышесказанного, можно подвести некоторые итоги. В странах Восточного партнерства национальные и региональные элиты являются определяющим актором демократического и модернизационного процессов. Национальные политические элиты ряда стран-участниц (Грузия, Молдова, Украина), несмотря на имеющиеся риски и вызовы, движутся по пути европейской интеграции, рассматривая приоритеты прав человека, верховенства закона, структурных реформ в качестве главных задач процессов модернизации и демократизации общества. Осуществляя демократические и модернизационные преобразования, политическая элита Армении пытается балансировать между Европейским Союзом и Евразийским Экономическим Союзом. Деятельность правящих политических элиты Азербайджана и Беларуси направлена на усиление президентской власти и консолидацию авторитарного режима.

Формирование автономных образований и функционирование региональных элит в ряде стран Восточного партнерства свидетельствует о наличии эффективных механизмов взаимодействия между национальной и региональной элитами. Проведенный анализ показал, что региональные элиты Нахичеванской автономии в Азербайджане и Аджарской автономии в Грузии не высказывают сепаратистских настроений, их деятельность направлена на укрепление существующего консенсуса между центральной властью и властью автономий в рамках унитарного государства. Специфика Гагаузской автономии, созданной по этническому признаку, представляет собой пример успешной трансформации конфликта, когда де-юре территориальная автономия была предоставлена этнической группе. Но, как показывает практика, реализация правовых положений остается довольно сложным процессом, в немалой степени обусловленным отсутствием консенсуса между национальной и региональной элитой в Республике Молдова.

2.3. Выводы к главе 2

В последние десятилетия в мировой политической практике определилась тенденция сепессионных процессов, что повлекло за собой необходимость создания эффективно действующих механизмов взаимодействия центральных и региональных органов власти и политических элит различных уровней. Такие процессы наблюдаются как

в странах развитой демократии, так и в государствах, которые только идут по пути демократических и модернизационных преобразований, в частности, страны Восточного партнерства.

Проведенный анализ международного опыта взаимодействия национальных и региональных элит в странах развитой демократии и странах, находящихся на пути демократических и модернизационных преобразований, позволяет сделать следующие выводы.

1. Феномен европейского регионализма свидетельствует о его сложности и многообразности. Опыт европейских стран представляет научный и практический интерес прежде всего потому, что в процессе реформ, связанных с регионализацией и децентрализацией, их политико-территориальное устройство приобрело черты, нехарактерные для унитарных государств. Модели регионализации в разных странах не дублируют друг друга; выбор той или иной модели в большой степени обусловлен историей территориально-политического строительства, конкретной политической практикой и институциональным дизайном. Все модели в той или иной степени являются асимметричными, что предполагает гибкость отношений между центром и регионами.

Как показывает международная практика, модель регионализации не может быть линейной и универсальной. Каждая страна, в том числе и Республика Молдова, должна учитывать международный опыт и найти свою модель регионализации, соответствующую ее историческим, географическим, социальным, экономическим и культурным условиям.

2. Отношения между центром и регионами находят свое выражение во взаимодействии между национальной и региональной элитами. И в странах развитой демократии, и в странах, которые находятся в процессе трансформации, в частности страны Восточного партнерства, национальные и региональные элиты являются важным актором политических процессов. Несмотря на то, что региональные элиты некоторых государств (Великобритания, Испания, Италия) проявляют сепаратистские настроения, национальные элиты нацелены на сохранение единого государства, используя механизм распределения полномочий между центральными и региональными органами власти.

3. Траектории модернизационных и демократических реформ в странах Восточного партнерства свидетельствуют о различных целях и устремлениях политических элит этих государств. Обладая общими характерными чертами, на сегодняшний день страны-участницы ВП достигли совершенно разных результатов. Анализ Индексов Восточного партнерства свидетельствует о том, что, несмотря на возникающие вызовы, политические элиты стран Ассоциированного трио (Грузии, Молдовы, Украины) движутся по пути европейской интеграции, модернизации и демократизации общества. Осуществляя

демократические и модернизационные преобразования, политическая элита Армении пытается балансировать между ЕС и ЕАЭС. В Азербайджане и Беларуси деятельность национальной элиты направлена на усиление президентской власти и консолидацию авторитарного режима.

4. Анализ Индекса Бертельсмана и Индекса Восточного партнерства, проведенный в диссертационной работе, свидетельствует о том, что, несмотря на отличие достигнутых результатов, общей чертой, характерной для национальных элит всех стран ВП, является высокий уровень коррупции, широкое распространение патрон-клиентелистских отношений и традиционное сращивание политических и бизнес-интересов.

5. Взаимодействие национальной и региональной политических элит в тех странах ВП, где сложились субнациональные образования, определяется особенностями исторического, политического, социально-экономического и культурного развития. Опыт региональных элит Азербайджана и Грузии представляется важным для Республики Молдова, так как они не высказывают сепаратистских настроений, осуществляя свою деятельность в рамках унитарного государства. Специфика АТО Гагаузия обуславливает необходимость поиска консенсуса между национальной и региональной элитой Республики Молдова, на чем подробно мы остановимся в третьей главе данной работы.

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В условиях развитых демократий отношения национальной и региональной элиты, несмотря на определенные проблемы, носит консенсусный характер. В переходных обществах, к которым относится Республика Молдова, в условиях демократических трансформаций специфика национальной и региональной элит, интересы, ценностные ориентации, стратегические цели, присущие им, являются определяющими факторами в процессе принятия и реализации политических решений на национальном и региональном уровне. В данной главе будут проанализированы проблемы формирования и развития политической элиты в Республике Молдова, взаимоотношения правящей элиты с региональной элитой АТО Гагаузия, а также отражение в общественном мнении деятельности и взаимодействия национальных и региональных политических элит в нашей стране.

3.1. Национальная и региональная политическая элита Республики Молдова: проблемы формирования и развития

Процесс формирования и развития политической элиты Республики Молдова оказался в центре внимания молдавского научного и академического сообщества с середины 90-х годов XX века. Несмотря на различные подходы к анализу данного процесса, все исследователи единодушны в том, что формирование молдавской политической элиты обусловлено тремя взаимосвязанными процессами: горбачевской перестройкой, движением за национальное возрождение, принятием Декларации о суверенитете Республики Молдова (23 июня 1990 г.) и Декларации о независимости Республики Молдова (27 августа 1991 г.) [150; 247; 46; 47].

Так, исследователи П. Варзарь и А. Маргаринт рассматривают процесс формирования и развития молдавской политической элиты через призму становления и консолидации суверенного и независимого государства Республики Молдова [46; 16]. К этому критерию П. Варзарь добавляет и второй - демократический переход к управлению (на основе демократических выборов) и функциональность правящих коалиций, основанных, исходя из политической рациональности и сущностного процессуального консенсуса [46, с. 114]. М. Черненку и И. Боцан анализируют процесс становления многопартийной системы в Республике Молдова, который определил формирование молдавской политической элиты [5].

Процесс становления и развития политической элиты Республики Молдова начинается на рубеже 1980-х - 1990-х годов. Мы разделяем мнение П. Варзаря, что этот процесс можно разделить на четыре этапа, которые связаны с избирательными циклами и ориентациями властных элит в зависимости от вектора стратегического развития Молдовы [46, с. 139]: первый этап - 1990-1994 гг.; второй – 1994-2000 гг.; третий – 2000-2009 гг.; четвертый – 2009 – н.в. В то же время мы считаем необходимым разделить четвертый этап на несколько подэтапов, каждый из которых имеет свою специфику.

Началом первого этапа (1990-1994 гг.) де-факто можно считать парламентские выборы 25 февраля 1990 года, впервые прошедшие в условиях политической конкуренции и политического плюрализма. Но де-юре этот этап начинается 27 августа 1991 года с принятием Декларации о независимости Республики Молдова. Окончанием первого этапа принято считать первые демократические парламентские выборы, прошедшие 27 февраля 1994 года и принятие Конституции Республики Молдова 29 июля 1994 г. Данный период характеризуется как период институционализации государства Республики Молдова, формированием и консолидацией государственных основ, принятием нормативно-правовой базы, введением принципа разделения властей, созданием реально действующего парламента [47, с. 161].

В этот период возникновение первого поколения политической элиты, новых национальных лидеров, многопартийности проявлялось через конкуренцию различных политических групп в рамках общественно-политических движений. Одним из последствий принятия нового языкового законодательства в 1989 году стало создание Народного фронта Молдовы (НФМ), провозгласившего идею национального возрождения, и в противовес ему Интердвижения «Unitate-Единство», которое поддерживало русскоязычное население.

Сложность этого периода заключалась в том, что «с самого начала приобретения независимости существовали три возможности распорядиться ею: вернуться под покровительство России, объединиться с Румынией, и развивать независимое молдавское государство» [150, с. 23]. Данные геополитические ориентиры постепенно трансформировались в разлом «Европейский Союз – восточный вектор», что находит свое отражение в поведении политических субъектов и приоритетах избирателей.

По мнению молдавских исследователей, именно в первый период эволюции государства Республика Молдова в южных районах страны, населенных преимущественно гагаузами, и в восточном регионе республики, где преобладало русскоязычное население, с подачи союзного центра вызревавшие сепаратистские тенденции оформились в неконституционные образования (август-сентябрь 1990) [247, с. 57]. Но если в

Приднестровье сепаратизм носил политический характер, имея в своей основе и национально-языковое измерение, то в Гагаузии он имел национальный характер [46, с. 152]. Урегулирование гагаузского конфликта, принятие Закона об особом статусе АТО Гагаузия привело к формированию органов власти автономии и формированию региональной политической элиты.

Новая политическая элита Молдовы, которая сформировалась и объединилась на основе отрицания прежнего руководства, начинает распадаться с исчезновением причины объединения и возникновения необходимости реальных действий по демократизации государства. В этот период происходит конфликт между законодательной и исполнительной властью. Структуры исполнительной власти, администрация президента, правительство становятся местом консолидации части элиты, а часть парламентской элиты становится центром кристаллизации и организационного формирования оппозиции. Однако в условиях, когда власть продолжает перераспределять собственность, оппозиция часто означает только то, что определенной части элиты или социальным группам либо вообще не была предоставлена возможность участвовать в процессах распределения собственности, либо их интересы не учитывались [16, с. 46]. Стратегия оппозиции основывалась на тенденции трансформировать систему организации государственной власти в Молдове в сторону усиления роли парламента, что вело к ослаблению института президента, установлению парламентского контроля над правительством.

Следует отметить, что на начальном этапе формирования молдавская политическая элита, также как и элиты других постсоветских государств, состояла «из шатких изнутри и враждебных групп, не связанных друг с другом ни коммуникационными сетями, ни механизмами влияния, способными навести мосты между «враждующими лагерями», и не разделяющих единую точку зрения на правила игры на политической сцене и на ценность и достоинства институтов» [305, с. 6]. Она обладала невысоким профессионализмом, была по своему характеру неоднородна, фрагментирована, отличалась низкой степенью интеграции, а также низкой вертикальной и горизонтальной мобильностью [46, с. 131]. Эти характеристики политической элиты сохраняются до сих пор: она остается неоднородной, сегментированной, дезинтегрированной в плане стратегии развития страны.

В наследие от первого этапа Республике Молдова достался нерешенный приднестровский конфликт, а также сложные отношения между центральной властью и АТО Гагаузия. Несмотря на то, что создание автономии Гагаузии в 1994 г. было положительно оценено международным сообществом как средство мирного разрешения межэтнического конфликта, проблемы реализации дают повод для конфронтации между

центральной властью и автономией. Так, в марте 2019 года Народное собрание Гагаузии предложило ввести в Конституцию Республики Молдова пункт, предусматривающий возможность выхода Гагаузии из состава РМ в случае утери страной государственности.

Второй этап развития национальной политической элиты охватывает 1994-2000 гг. Исследователи единодушны в том, что этот период начинается в 1994 г., но за точку отсчета принимают разные события: парламентские (27 февраля 1994 г.) выборы (И. Боцан) или принятие Конституции (29 июля 1994 г.) (П. Варзарь). Завершается этот период 5 июля 2000 г. реформированием полупрезидентской республики в парламентскую [45]. И. Боцан называет этот период «прагматичным» и расширяет его временные рамки до парламентских выборов 2001 года, когда произошла смена всей правящей верхушки [150, с. 26-27]. По его мнению, «прагматичность» данного периода состоит в том, что победа различных политических группировок в борьбе за власть гарантировала преимущества в приватизации государственной собственности и ведении доходного бизнеса [150, с. 181]. А. Маргаринт считает этот период периодом консолидации или институционализации элит, который характеризуется процессами перераспределения и приватизации собственности в условиях отсутствия консенсуса среди политических элит [16, с. 47].

Стратегической целью данного этапа являлась стабилизация политической системы Республики Молдова и консолидация политической элиты. Как отмечает А. Маргаринт, основными тенденциями в процессе консолидации новой правящей элиты в этот период являются: установление бюрократической элитой собственного аппаратного руководства; интеграция элитных и экономических групп; формирование политико-экономических кланов [16, с. 47]. В отличие от элиты начала 90-х годов политическая элита 1994-2001 гг. получила свою легитимность в условиях конкурентных демократических выборов. Внутриэлитные отношения становились все более сложными, элиты стали играть главную роль в процессе распределения ресурсов, собственности и контроля над ними, шел активный процесс концентрации политико-финансовых групп, формирования иерархической системы новых олигархов [16, с. 48]. В то же время новая элита унаследовала такие черты старой элиты как nepoтизм, роль неформальных отношений при назначении на должности, коррупция, злоупотребление властью и т. д.

Мы поддерживаем точку зрения П. Варзарь, что к концу 90-х годов правящие элиты Республики Молдова обладали всеми элементами дезинтегрированной политической элиты, для которой характерно отсутствие взаимного доверия, жесткая борьба за господство, отказ от диалога, переговоров и компромисса как политического инструмента [46, с. 163].

В целом, несмотря на сложности и противоречия, этот период характеризуется дальнейшим созревaniem молдавской политической элиты и стабилизацией политической системы, углублением и реализацией демократических принципов, функционированием государственных институтов, совершенствованием нормативно-правовой базы Республики Молдова в соответствии с политической волей правящей элиты.

Третий этап эволюции политической элиты охватывает период между парламентскими выборами 2001 г. и парламентскими выборами в апреле 2009 г. Этот этап развития молдавского государства и политической элиты часто называют «псевдodemократическим» [46, с. 163], поскольку были предприняты попытки реформировать не только отдельные институты государственной власти и отношения между ними, но и всю политическую систему в целом. Проводимые правящей ПКРМ социально-политические преобразования оказались формой приспособления правящей элиты к условиям капитализма, хотя со значительным социальным уклоном [148, с. 196; 6, с.40-41].

Период после парламентских (2005) выборов молдавские эксперты и политические аналитики называют периодом «национального консенсуса» [148, с. 202] между партией власти и парламентской оппозицией, который нашел свое выражение, во-первых, в консенсусном голосовании всех парламентских фракций о принятии Декларации о политическом партнерстве для достижения целей европейской интеграции, во-вторых, в результатах президентских выборов 2005 года.

Очередные парламентские выборы в апреле 2009 г., события 7 апреля 2009 г., оспаривание результатов выборов политической оппозицией и гражданским обществом, показали, что доминирование узких групповых интересов политических акторов над интересами общества приводит к конфронтации между структурами государственной власти, между различными сегментами политической элиты, между правящим меньшинством и управляемым большинством. Это способствовало радикальным преобразованиям институтов государственной власти, а также существенным изменениям в структуре и деятельности новой правящей элиты [45, с. 137].

Четвертый этап начинается после парламентских выборов 5 апреля 2009 года и продолжается до настоящего времени. Разделяя точку зрения П. Варзаря на временные рамки четвертого этапа, мы считаем, что его необходимо разделить на несколько подэтапов, которые имеют свою специфику. Первый подэтап – 2009-2014 гг., второй подэтап - 2014-2019 гг., третий – 2019-2021 гг., четвертый – начинается после парламентских выборов 2021 г. и продолжается до настоящего времени.

Первый подэтап начинается с парламентских выборов в апреле 2009 года, которые оказали решающее влияние на последующие политические события, произошедшие в Молдове. М. Черненку и И. Боцан называют период в развитии партийной системы Республики Молдова после выборов 2009 г. этапом поляризации политического спектра, когда политическая элита и общество оказалось поляризованным по политическим критериям, по отношению к фундаментальным демократическим ценностям [5, с. 44,47].

П. Варзарь определяет этот период эволюции молдавского государства и национальной политической элиты как прагматический период «реалистов» и «идеалистов» в осуществлении модернизационных реформ. Это период «реалистов», потому что шесть проевропейских правящих альянсов пытались нормализовать функционирование государственных институтов с целью углубления демократических реформ. Это период «идеалистов», потому что «история успеха» Республики Молдова не стала реальностью для населения страны, а распад проевропейской правящей коалиции АЕИ в начале 2013 года из-за взаимных обвинений в коррупции нанес сокрушительный удар по имиджу Республики Молдова как «истории успеха» Восточного партнерства ЕС [47, с. 164].

Поражение ПКРМ на досрочных выборах в июле 2009 г. привело к усилению политического влияния бизнес-групп, стремившихся при помощи парламентских партий получить контроль над органами власти. Впервые за время независимости основные рычаги власти получили не выходцы из советской партийной номенклатуры, а крупные предприниматели – представители нового поколения национальной элиты [259, с. 120]. Ключевое значение имела борьба за власть между главой ЛДПМ В. Филатом и фактическим лидером ДПМ В. Плахотнюком, руководившим ей при формальном сохранении должности председателя за М. Лупу. Но и ЛДПМ, и ДПМ преследовали цель не допустить возвращения ПКРМ к власти, поэтому начиная с августа 2009 г. они начинают создавать парламентские коалиции.

Приход к власти проевропейских сил означал четкую переориентацию вектора развития Республики Молдова с восточной на европейскую модель, что нашло свое выражение в активизации сотрудничества со структурами ЕС и НАТО. В январе 2010 г. начались переговоры о подписании Соглашения об Ассоциации РМ-ЕС, в августе того же года правительство Республики Молдова утвердило Индивидуальный план действий Партнерства Республика Молдова – НАТО.

Сложность данного периода развития молдавского государства и эволюции национальной политической элиты состояла в том, что политический кризис усугублялся конституционным кризисом. В течение двух с половиной лет (с сентября 2009 г. по март

2012 г.) парламент не мог избрать президента. Важнейшей предпосылкой затяжного кризиса были изъяны конституционной реформы 2000 г., которая изменив процедуру избрания президента, окончательно не определила иерархию взаимоотношений президента и премьер-министра [6, с. 117]. В период 2001-2009 гг. реальная роль института президента не уступала по значимости парламенту, что было связано с количеством депутатских мандатов ПКРМ. После 2009 г. центр власти сместился к проевропейским партиям, которые вступили в острую конкурентную борьбу друг с другом и с другими парламентскими партиями за контроль над правительством и ключевыми постами в органах власти. Сложная модель взаимодействия между ведущими политическими силами, подкреплялась особенностью молдавской конституционной системы: наличием у трех высших государственных должностей сопоставимого объема влияния [74, с. 409].

Парламентские выборы 2014 года прошли под влиянием геополитических устремлений и продемонстрировали раскол молдавского общества по вопросу внешнеполитического развития страны и положили начало второму подэтапу. Незначительная разница между проевропейскими партиями (50,2%) и партиями, поддерживающими проевразийский вектор (46,6%), свидетельствовала о наличии раскола «западная модель - восточный вектор» как внутри политической элиты, так и среди молдавского общества.

После выборов в стране разразился политический кризис. Молдавские власти объявили о том, что из банковской системы был выведен 1 млрд. долларов. Утаивание этого факта от молдавских граждан позволило ЛДПМ, ДПМ, ЛП вновь сформировать парламентское большинство [144]. Это произошло благодаря ряду политических комбинаций, проведенных ДПМ, в результате которых ей удалось переманить 2/3 депутатов из ПКРМ и примерно половину депутатов от ЛДПМ, а также независимых депутатов. К концу четырехлетнего мандата в Парламенте насчитывалось 38 депутатов-перебежчиков, что составляет почти 40% депутатского корпуса [301]. К истечению срока полномочий парламента у ДПМ было 42 мандата, у ПСРМ – 24, 15 депутатов объявили себя неприсоединившимися, у ЛП – 9, ПКРМ – 6, ЛДПМ – 5.

Всеобщие президентские (2016) выборы и победа И. Додона, продвигающего идею евразийской интеграции, привели к двойственности государственной власти [47, с. 152-153], когда в противовес президенту парламентское большинство и правительство придерживались проевропейской ориентации. Раскол национальной политической элиты по линии разлома «европейская модель – евразийский вектор» привел к отсутствию эффективного институционального сотрудничества между парламентом, президентом и

правительством. Переход к смешанной избирательной системе и парламентские выборы 2019 г. закрепили этот разлом в рамках политической элиты и всего общества [191; 1].

Этот подэтап во многом связан с фигурой крупного олигарха В. Плахотнюка, который был сначала заместителем председателя, а с 2016 г. председателем Демократической партии Молдовы, бывшей на тот момент крупной политической силой в стране. Он никогда не занимал высших государственных постов, но фактически руководил страной, являясь серым кардиналом молдавской политики. Высокий уровень коррупции, кража миллиарда, недостаточность реформ в области экономики и государственных институтов, низкий уровень жизни населения привели к тому, что из «истории успеха» Молдова стала, по определению генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда, «захваченным государством, управляемым олигархами» [79].

Третий подэтап начинается после парламентских выборов 2019 г. с началом переговоров о создании коалиции. В течение нескольких месяцев партии, прошедшие в парламент, не могли договориться о создании большинства. После встреч с представителями США, ЕС и России 8 июня ПСРМ и ACUM подписали Временное политическое соглашение о деолигархизации и возвращении Республики Молдова в конституционное русло [13]. Плахотнюк был вынужден покинуть страну. Таким образом, переступив через геополитические разногласия, ПСРМ и ACUM пошли на создание коалиционного правительства, чтобы покончить с правлением Демократической партии.

Правительство М. Санду приняло программу действий, предусматривающую освобождение государства от захвата и укрепление независимости учреждений, особенно в области юстиции, вывод страны из изоляции и срочный перезапуск экономики, создание условий для реального обеспечения благосостояния и роста качества жизни [28]. Однако из-за противоречий по вопросу назначения генерального прокурора правительство было отправлено в отставку, и коалиция распалась. За отставку правительства проголосовали депутаты от ПСРМ и ДПМ.

Победа лидера партии «Действие и солидарность» (ПДС) М. Санду на президентских (2020) выборах продемонстрировала изменение предпочтений избирателей. Абсолютная победа ПДС на досрочных парламентских выборах позволила ей сформировать руководящие органы парламента и назначить однопартийное правительство, тем самым положив начало новому подэтапу в рамках четвертого этапа формирования национальной политической элиты Республики Молдова.

Проведенное исследование показало, что за последние три десятилетия в результате функционирования новых каналов и механизмов рекрутирования политической элиты произошла существенная трансформация состава лиц, занимающих ключевые посты в

системе принятия политических решений. Использование метода кейс-стади позволило составить политико-социологический портрет Парламента Республики Молдова через призму изменений партийной и персональной конфигурации органов законодательной власти, которые происходили в результате смены избирательных циклов (Приложение 3).

Происходящие изменения свидетельствовали о постоянной трансформации национальной парламентской элиты. Проведенный анализ персонального состава Парламента РМ различных созывов с использованием социально-демографических и политических переменных (пол, возраст, профессия, преемственность в качестве депутата) позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, почти на всех выборах по спискам политических формирований, преодолевших избирательский барьер, в высший орган законодательной власти проходили беспартийные депутаты. Исключение составляют выборы 1994 года, когда принадлежность к той или иной политической партии, участвующей в выборах, считалась престижной, а также выборы 2019 года, которые проходили по смешанной системе и обеспечили возможность попадания в парламент независимых кандидатов от одномандатных округов. Наибольшее количество беспартийных депутатов были представлены в парламенте XV созыва – 25, большинство из которых прошли в парламент по партийным спискам ПКРМ. На последующих выборах число беспартийных депутатов снижалось, достигнув минимума в 2014 году.

Во-вторых, характеристика гендерного состава молдавских парламентов всех созывов свидетельствует о том, что в первые годы независимости женщины были крайне слабо представлены в законодательном органе Республики Молдова. Среди депутатов парламента, избранного в 1994 г., женщины составляли 3,8 %. В дальнейшем их число постоянно, но медленно, растет. В парламенте XV созыва каждый десятый депутат была женщина, а в парламенте XVIII созыва женщины-депутаты составляли четвертую часть. На досрочных выборах 2010 г. число женщин снизилось по сравнению с предыдущим парламентом на 7%, а пик женщин-депутатов приходится на состав парламента, избранного в 2021 г. – 40 человек. Это связано с тем, что одним из требований к электоральным конкурентам была обязанность соблюдать минимальную квоту представительства женщин в 40% согласно Закону об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин.

В-третьих, средний возраст депутатов колеблется от 46,5 лет в парламенте, избранном на досрочных выборах 2010 года до 52,9 лет в парламенте 2001 г., когда ПКРМ получила 71 мандат в парламенте, что свидетельствует о возрастном сегменте данной партии. Как показывает проведенное исследование, в парламентах пяти созывов средний возраст депутатов составлял около 48 лет.

В-четвертых, 2/3 депутатов и более депутатов представляют муниципий Кишинев, а остальные районы страны слабо представлены в законодательном органе. Эта тенденция характерна для парламентов всех созывов. Минимальное число депутатов, представляющих интересы районов, было в парламенте 2019 г. (15 человек). В парламенте, избранном в 2021 г., их число возросло до 38 человек.

В-пятых, обновляемость законодательного органа. Анализ списков депутатов, прошедших в Парламент, свидетельствует о постоянном обновлении парламентской элиты. На протяжении всего периода независимости наибольшее обновление депутатского корпуса отмечается в 1998 г., что во многом связано с кардинальным изменением партийного состава законодательного органа. Чаще всего количество новоизбранных депутатов составляет 2/3 от общего числа членов Парламента. Исключение составляют досрочные выборы 29 июля 2009 года, когда обновилась только третья часть депутатского корпуса, и досрочные выборы 2010 г., в результате которых в Парламент были избраны 40 новых депутатов.

В-шестых, профессиональный состав избранных депутатов. В Парламенте 1994 г., когда больше половины мандатов было у АДПМ, значительное число депутатов были связаны с сельским хозяйством (агрономы, зоотехники). Среди депутатов было много инженеров, педагогов, представителей научной и творческой интеллигенции. В дальнейшем число агрономов и инженеров постепенно снижается, становится больше юристов, экономистов, менеджеров, политологов, а также увеличивается количество лиц, получивших второе высшее образование или научную степень.

Проведенный анализ показал, что на протяжении трех десятилетий парламентская элита Молдовы проходила сложный путь качественных трансформаций. Изменения партийного состава органа законодательной власти вели к изменениям персональной конфигурации Парламента. Специфика национальной парламентской элиты состоит в высокой доле политических миграций депутатов и преобладании регионального (в пользу столицы) представительства народных избранников.

Как показывает мировой опыт, эффективность демократических преобразований во многом зависит от наличия ценностного консенсуса внутри правящей элиты, отсутствия разногласий между политическими акторами относительно вектора развития страны, формулирования национального интереса и других проблем, связанных с управлением государством [14, с. 186]. Для национальной политической элиты Молдовы важным механизмом сотрудничества является создание правящих коалиций. Необходимыми условиями для формирования коалиций выступают умеренность позиций и готовность к компромиссу [231, с. 66].

Процесс формирования правящих коалиций начинается в начале 1990-х годов [231, с. 66], и всего было создано 12 правящих коалиций (Приложение 4). Две из них были неинституционализированными - коалиция Аграрно-демократической партии Молдовы и Избирательного блока «Социалистическая партия и Движение Unitate-Единство» (1994-1996 гг.) и коалиция Христианско-демократической народной партии и Партии коммунистов Республики Молдова (1999-2005), остальные базировались на соглашениях, которые определяли принципы управления страной.

Формирование первых правящих коалиций совпадает с хронологическими рамками второго этапа эволюции национальной политической элиты. В этот период было сформировано три правящие коалиции. Коалиция «Политическое партнерство для достижения целей европейской интеграции» соответствует третьему этапу эволюции политической элиты Республики Молдова. Остальные правящие коалиции сформировались в рамках четвертого этапа развития национальной политической элиты.

Проведенный анализ правящих коалиций в Республике Молдова позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, период деятельности всех правящих коалиций, существовавших в Молдове с 1994 по 2019 гг., длился не более 2 лет, за исключением коалиции парламентского и правительственного большинства (2016–2019 гг.) [45, с. 378]. Во-вторых, большое число правящих коалиций после 2009 года связано с внутренними разногласиями между составляющими их членами, что приводило к распаду коалиций. В-третьих, подтверждается положение о том, что правящая коалиция, состоящая из двух или более политических формирований, имеет больше преимуществ, чем союз с участием всех партий / парламентских фракций.

Важно отметить, что специфической особенностью Республики Молдова является то, что уже в начале 90-х годов первое поколение политической элиты молодого независимого государства разделяется на центральную и региональную политические элиты, отношения между которыми сразу приобрели конфликтный характер, что нашло свое проявление в политической конфронтации на юге и военном конфликте в восточных районах страны весной-летом 1992 года [46, с. 129].

Вернувшись в правовое поле Республики Молдова в 1994 году в статусе автономии, Гагаузия приступила к созданию органов публичной власти, что обусловило формирование региональной политической элиты. Согласно Уложению Гагаузии, в систему органов публичной власти входят Народное Собрание Гагаузии, Глава Гагаузии (Башкан), Исполнительный Комитет, местные публичные власти [299]. Основываясь на функциональном подходе к определению региональной элиты, в состав гагаузской региональной элиты входят Глава Гагаузии; члены НСГ; руководители органов

исполнительной и судебной власти; крупные предприниматели; руководители СМИ и неправительственных организаций, которые могут влиять на ход политического процесса в регионе.

Процесс формирования и развития политической элиты автономии можно условно разделить на два этапа. Первый этап (1995-2005 гг.), когда у власти в Гагаузии находились политические силы, имевшие поддержку Кишинева. Второй этап (2006 - н. в.) характеризуется противоречивыми тенденциями. Если депутатами Народного Собрания Гагаузии (НСГ) по-прежнему становятся кандидаты, имеющие поддержку в Кишиневе, то на должность Башкана избирались кандидаты, находившиеся в оппозиции центральной власти.

Первый этап формирования органов власти и политической элиты начинается в мае 1995 г., когда были проведены первые выборы Народного Собрания и Башкана Гагаузии. Значение этих выборов заключалось в том, что, во-первых, в гагаузской автономии было создано правомочное руководство и окончательно преодолен конфликт между гагаузским обществом и центральной властью Республики Молдова. Во-вторых, выборы в НСГ продемонстрировали относительно низкую поддержку лидеров национального возрождения гагаузов (партия «Ватан»), напрямую принимавших участие в создании напряженности между регионом и центральным руководством Республики Молдова [147, с. 52-53].

Следует отметить, что выборы в НСГ характеризуются высокой долей независимых депутатов, а количество политических партий, представленных в законодательном органе Гагаузии, постепенно сокращается. Если на первых выборах в 1995 г. в НСГ было всего 5 независимых депутатов, то на последующих выборах они составляют большинство. Количество партий, представленных в Народном Собрании, сократилось с 5 в 1999 г. до 2-3 в дальнейшем.

Результаты выборов в Народное Собрание 16 ноября 2003 г. свидетельствовали об изменении конфигурации региональной элиты. На треть снизилось число независимых кандидатов, в четыре раза увеличилось количество представителей ПКРМ. В целом период 2003-2006 гг. стал периодом бесконфликтного сотрудничества НСГ как с Башканом (представителем ПКРМ), так и с центральными властями, учитывая, что в тот период ПКРМ была правящей партией.

Парламентские (2009) выборы и последовавшие за ними события привели к пересмотру отношений между центральными и региональными элитами. Влиятельные представители региональной элиты начали укреплять сотрудничество с партиями, представленными в правящем АЕИ – М. Формузал с ЛДПМ, а примар Комрата Н. Дудогло

- с ДПМ. Выборы в Народное Собрание в 2012 г. и 2016 г. продемонстрировали значительное влияние центральной политической элиты на решения, принимаемые региональной элитой. Несмотря на то, что в 2012 г. кандидаты от ДПМ не смогли получить ни одного мандата, 18 независимых кандидатов заявили, что являются сторонниками этой партии и сформировали большинство в НСГ [147, с. 64]. В 2016 г. от ДПМ в Народное Собрание был избран только один депутат (В. Кысса), но именно он впоследствии возглавил НСГ, что стало показателем влияния национальной политической элиты на решения, принимаемые региональной элитой. Необходимо подчеркнуть, что выборы в НСГ 2016 г. были первыми выборами, организованными на основании Избирательного кодекса Гагаузии, утвержденного в 2015 году.

В 2021 г. выборы в НСГ прошли после общенациональных парламентских выборов 11 июля 2021 г., на которых партия «Действие и солидарность» одержала убедительную победу. На выборах в НСГ она не регистрировала своих кандидатов. Регистрация только двух политических формирований – Избирательного блока коммунистов и социалистов и партии «Строим Европу дома» показали снижение интереса граждан гагаузской автономии к политическим партиям и, соответственно, общенациональных партий к региональным выборам.

Кроме выборов в НСГ, жители автономии избирают Главу (Башкана) Гагаузии. Значимость выборов Башкана Гагаузии очень велика, так как он является членом Правительства Республики Молдова и имеет эксклюзивную возможность для выражения и защиты интересов жителей автономии. Первым Башканом Гагаузии в 1995 г. был избран Г. Табунщик, продвигавший взвешенные идеи и выступавший за развитие гагаузской автономии и установление отношений сотрудничества между региональными и центральными властями.

Выборы в Народное Собрание Гагаузии и на должность Башкана испытывали влияние общенациональных выборов. Несмотря на то, что большая часть депутатов проходят в НСГ как независимые, ряд депутатов представляют партии, которые были представлены в национальном Парламенте, – АДПМ (1995), ПКРМ (1999-2008), ПСРМ (2016), что свидетельствует о политических предпочтениях избирателей АТО Гагаузия.

В начале 2000-х в автономии сформировались три политические силы, сопоставимые по своему электоральному весу, которые характеризуются одинаковым видением по отношению к внешней политике и политическому центру Республики Молдова - движение «Единая Гагаузия» (М. Формузал), движение «Новая Гагаузия» (Н. Дудогло) и местное отделение ПКРМ. Однако в отношениях между ними существовали серьезные

противоречия и конфликты, которые касаются как развития самой Гагаузии, так и способов выстраивания отношений и взаимодействия с Кишиневом

Победа М. Формузала на выборах Башкана в 2006 г. и 2010 г. положила начало новой тенденции в рамках второго этапа формирования региональной элиты. Во-первых, начиная с выборов 2006 г. и до последних выборов на должность Башкана Гагаузии избирались кандидаты, находившиеся в оппозиции центральной власти [147, с. 60]. Во-вторых, М. Формузал стал первым политиком, который победил на выборах два раза подряд. Вторым политиком, дважды подряд победившим на выборах Главы автономии (2015, 2019 гг.), стала И. Влах, которая позиционировала себя как преемник политики М. Формузала.

Следует отметить, что Гагаузии всегда была свойственна цивилизационная ориентация на Россию, что находило свое выражение в результатах голосования на общенациональных и региональных выборах. Не менее важной является поддержка со стороны российских структур и политических элит лидеров гагаузской автономии. В данном контексте, независимый кандидат И. Влах, победившая на выборах Башкана в 2015 и 2019 гг. [263], соответствовала всем этим критериям. Важным пунктом ее программы было заявлено развитие Гагаузии в рамках Республики Молдова, но рядом с Россией в составе Таможенного союза и Евразийского экономического союза.

В исследовании региональной политической элиты АТО Гагаузия мы хотим проанализировать ее политико-социологический портрет на основе ряда социально-демографических и политических переменных. Следует отметить, что в отличие от Парламента РМ, информации по НСГ в свободном доступе мало, вплоть до отсутствия списков избранных депутатов в 2003 г. и 2008 г. Данное обстоятельство не позволило определить количество новоизбранных депутатов третьего и четвертого созывов, а также гендерный состав НСГ в 2003 г. (Приложение 5).

Имеющиеся данные позволяют сделать определенные выводы о составе Народного Собрания Гагаузии. Являясь частью национальной политической элиты, региональная элита АТО Гагаузия обладает специфическими чертами. Во-первых, на выборах НСГ электоральные конкуренты предпочитают регистрироваться в качестве независимых кандидатов. Во многом это связано с тем, что в 1998 году были внесены изменения в Закон о политических партиях РМ, согласно которому регистрация региональных партий стала невозможной. Но поддержку независимым кандидатам оказывают как общенациональные партии (ПКРМ, ДПМ, ЛДПМ, ПСРМ), так и региональные политические формирования (например, «Единая Гагаузия» и «Новая Гагаузия»).

Во-вторых, анализ партийной и персональной конфигурации Народного собрания показал, что по итогам выборов 1999 г. в НСГ значительно возросло число независимых

депутатов (с 5 до 25), увеличилось количество партий, представленных в НСГ. На выборах 2003 г. количество независимых депутатов снизилось на треть, но на всех последующих выборах постоянно возрастало, составив в 2016 г. 80% депутатского корпуса.

В-третьих, гендерное и возрастное представительство в НСГ. Женщины участвуют в выборах в качестве кандидатов. Так, в 2008 г. для участия в выборах были зарегистрированы 28 женщины и 127 мужчин. В состав Народного Собрания были избраны 5 женщин [264], и его председателем стала А. Харламенко. В 2012 г., несмотря на то, что число женщин-кандидатов возросло до 33, в состав Народного Собрания была избрана только 1 женщина. В 2016 году из 19 женщин-кандидатов 4 получили депутатский мандат, но в 2021 году в НСГ прошли только две женщины, причем для обеих это первый депутатский мандат. Во многом такой уровень представительства женщин в органе власти автономии связан с патриархальностью гагаузского общества и сложившимися в нем стереотипами о роли женщины в политике.

По возрастному показателю наибольшее число депутатов принадлежат к категории 36-50 лет. Наибольшее представительство депутатов до 35 лет было в Народном Собрании 2008-2012 гг., где они составили пятую часть депутатского корпуса. В составе НСГ 2021 г. только три избранных депутата (8,6%) относятся к возрастной категории от 21 года до 35 лет, тогда как возраст большинства депутатов превышает 51 год (51%), что свидетельствует о том, что молодежь недостаточно представлена группа в нынешнем составе законодательного органа Гагаузии.

В-четвертых, территориальный критерий. В 1995 году было избрано 34 депутата - Комратский район – 17; Чадыр-Лунгский район – 11; Вулканештский район – 6, так как выборы в одном из избирательных округов были объявлены недействительными. Начиная с 1999 года, территориальное представительство остается неизменным: Комратский район представляют 17, Чадыр-Лунгский – 12, Вулканештский – 6 депутатов.

В-пятых, отсутствие необходимых данных не позволяет получить полную картину об обновлении гагаузской региональной элиты. Тем не менее, имеющаяся информация позволяет сделать некоторые выводы. Персональный состав НСГ существенно обновился в 1999 г., когда 28 депутатов были избраны впервые. На выборах в НСГ 2012 г. впервые было обновлено почти три четверти депутатского корпуса (71,4%). В дальнейшем этот показатель постоянно снижался: на выборах 2016 г. число впервые избранных депутатов составило 57,1%, а на выборах 2021 г. – 34,3%.

В целом гагаузская политическая элита прошла сложный путь формирования и развития, на который оказывали влияние как внутренние, так и внешние факторы. Однако, несмотря на противостояние различных политических сил в рамках автономии, гагаузскую

политическую элиту можно отнести к консенсусно объединенной элите по вопросу внешнеполитического вектора развития и отношений с центральными властями.

Использование сравнительного метода позволило выявить общие и отличительные черты, присущие политической элите, представленной в Парламенте РМ и Народном Собрании Гагаузии. Во-первых, изменение персонального и партийного состава национального и региональных органов свидетельствует о постоянном обновлении элиты. На некоторых выборах количество новоизбранных депутатов достигает от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ от общего числа народных избранников. Вопрос в том, приводят ли количественные изменения к качественным. Обновление несет в себе не только позитивы, но и негативы – политическую неопытность, незнание механизмов парламентского взаимодействия, разновекторность. Наличие значительного числа независимых депутатов, особенно в региональных органах власти, которые не являются членами парламентских фракций, свидетельствует об их определенной самостоятельности и «неуправляемости».

Во-вторых, что касается гендерных характеристик, можно говорить о четком «мужском» профиле молдавской власти как на национальном, так и региональном уровне. Среди депутатов Парламента РМ, избранного в 1994 г., женщины составляли 3,8 %. В то же время следует отметить, что на протяжении трех десятилетий в национальном парламенте представительство женщин было значительно выше по сравнению с региональным органом власти. Сегодня женщины составляют 25,7% депутатского корпуса Парламента РМ, и почти в пять раз меньше в Народном Собрании Гагаузии-5,7%. Низкий уровень представительства женщин можно объяснить как историческими факторами, так и отсутствием заинтересованности политической элиты, представленной в основном мужчинами, в продвижении женщин в органы власти. В то же время избрание И. Влах главой автономии на второй срок свидетельствует о возрастании роли женщин в политической сфере и об определенном преодолении существующих в гагаузском обществе стереотипов.

В-третьих, средний возраст депутатов на национальном и региональном уровне примерно одинаков: в Парламенте РМ – 48 лет, в НСГ – 50,4 года. Возрастной показатель свидетельствует о наличии у народных избранников жизненного опыта, профессиональных знаний и деловых качеств. Среди депутатов мало молодежи, поэтому следует активнее привлекать молодых людей к работе в органах власти, создавать возможности для карьерного роста, что, в свою очередь, будет способствовать омоложению политической элиты.

В-четвертых, на протяжении всего периода деятельности Парламента РМ наибольшее представительство имеет столица Кишинев. В НСГ наибольшее количество

избранников представляют Комрат и Комратский район. Во многом это связано с тем, что именно в центре концентрируются властные и финансовые ресурсы политической элиты, что обеспечивает вхождение в состав данной социальной группы значительного числа представителей бизнеса.

В-пятых, образовательный и профессиональный профиль избранных депутатов. В начале 1990-х гг. значительное число депутатов обладали инженерным и сельскохозяйственным образованием. В дальнейшем произошло падение престижа рабочих и сельскохозяйственных профессий, возросла доля гуманитариев, а также количество лиц, получивших второе высшее образование. Профиль второго высшего образования связан в основном с управленческим, юридическим, экономическим образованием. Наблюдается заметное увеличение числа народных избранников, имеющих ученую степень, что повышает их авторитет среди коллег и в социуме.

Проведенный анализ процесса формирования центральной и региональной политической элиты позволяет подвести некоторые итоги. Начиная с провозглашения суверенитета и независимости, в Республике Молдова действовали политические акторы, преследующие разнородные интересы, что привело к формированию центральной и региональной политических элит.

Утверждение и формирование национальной политической элиты сопровождалось существенными разногласиями, которые трансформировались в политические и конституционные кризисы и конфликты. Раскол национальной политической элиты по линии геополитического разлома привел к отсутствию эффективного институционального сотрудничества между Парламентом, Президентом и Правительством, что позволяет оценить национальную политическую элиту как фрагментированную и дезинтегрированную.

На формирование региональной политической элиты АТО Гагаузия оказали влияние как внутренние, так и внешние факторы. Являясь частью национальной политической элиты, гагаузская региональная элита, с одной стороны, обладает чертами, которые сближают ее с центральной политической элитой, а с другой стороны, характеризуется наличием специфических черт. По сравнению с национальной элитой региональная элита АТО Гагаузия является более интегрированной, так как придерживается внутреннего консенсуса по вопросу внешнеполитического развития и отношений с центральными органами власти.

3.2. Эффективность взаимодействия правящих элит с региональной элитой АТО Гагаузия

Главным гарантом современных демократий, по мнению американского политолога А. Лейпхарта, выступает сотрудничество элит и их согласие по базовым ценностям (языковым, этническим, религиозным и т.д.). Адаптируя эту идею к сложившимся реалиям в Республике Молдова, следует отметить, что во взаимоотношениях молдавской правящей элиты с региональной элитой АТО Гагаузии поиск согласия идет достаточно сложно.

Прежде чем перейти к анализу эффективности взаимодействия национальной и региональной элит в Республике Молдова, следует остановиться на концепции баланса отношений «центр – регион». Ключевыми характеристиками баланса отношений «центр-регион» выступают:

- соотношение объема компетенций, определенное конституцией и национальными законами;
- возможности и ограничения централизованного контроля на региональном уровне, с одной стороны, и, с другой стороны, регионального участия на центральном уровне.

Есть мнение, что отношения между центром и регионами представляют собой определенную политическую сделку. В частности, регионы, демонстрируя большую политическую лояльность, добиваются большей автономии. Соответственно, центр, предоставляя большую автономию региону (например, передавая часть полномочий по сбору поступлений в бюджет), рассчитывает на поддержку региона при решении вопросов, имеющих значение для государства в целом.

Баланс отношений «центр-регион» предполагает не только баланс отношений и интересов, но и баланс сил. Когда речь идет о балансе интересов, следует определить, насколько эти интересы выражены, в какой степени они увязаны друг с другом и учитываются сторонами, в чем заключаются компромиссы между этими интересами. Баланс сил предполагает акцент на анализе и сопоставимости ресурсной базы центра и региона, выступающей индикатором силы региона и центра.

Следует подчеркнуть, что баланс отношений между центром и регионом можно рассматривать как взаимодействие двух противоположных тенденций: центробежной и центростремительной. Главной центробежной силой считается фактор этнического, конфессионального, социально-экономического разнообразия, который усиливает тенденцию стремления регионов к большей автономии, независимости от центра. В качестве главной центростремительной силы можно рассматривать национальную идею, способную сплотить национальную и региональную элиты для решения стратегических задач развития общества.

Обращаясь к концептуализации понятия региональной автономии, следует обратить внимание на подход западных исследователей, определяющих региональную автономию как «особую территориальную политическую и конституционную организацию, обладающую своими собственными конституирующими характеристиками, основанную посредством особой формулы политических и правовых отношений между центральными органами власти и региональной общностью в рамках своей традиционной территории» [55, с. 9]. Учитывая, что в Европе существуют различные модели автономии, перед Гагаузией встал вопрос, опыт какой из них наиболее приемлем для региона. Эксперты из Гагаузии считают, что необходимо искать свою модель и свое решение, которое будет устойчиво в условиях Республики Молдова, но следует присмотреться к опыту Италии - Южному Тиролю как примеру ассиметричной автономии в рамках унитарного государства [203].

Вариант ассиметричной автономии предполагает, что обе стороны - государство и автономия - мотивированы искренним желанием разрешить свой конфликт в границах существующего государства. Она направлена на удовлетворение потребностей как государства (поддержание суверенитета и территориальной целостности), так и региона (получение большего контроля над судьбой группы, которую оно представляет) [122].

Как считает С. Вольфф, преимущества ассиметричной автономии могут существенно перевесить любые возможные затраты, но только в том случае, если асимметрия одинаково воспринимается всеми сторонами конфликта в качестве решения их спора; если она динамически развивается во времени, а не воспринимается как одноразовое статическое решение; и если она отвечает реальным потребностям на местах и может защитить предыдущие достижения от последующего размывания статуса и полномочий автономных образований [122].

Молдавские исследователи, анализируя отношения, установившиеся между центральными органами власти и органами власти Гагаузии, указывают, что они выходят за строгие рамки административных отношений, и функционируют в более широком контексте внутренней политики государства [20, с. 6-7]. Для характеристики этих отношений необходим как анализ нормативно-институциональной базы, так и анализ поведенческих аспектов взаимоотношений центральной и региональной элиты.

Используя опыт Испании как «государства автономий», П. Онате классифицирует отношения между элитами национального и регионального уровней на иерархические, сбалансированные отношения взаимного обмена или сбалансированные отношения без взаимодействий [97, с. 29]. Анализируя эволюцию отношений между руководством АТО Гагаузия и правящими элитами Республики Молдова, В. Мошняга и С. Миронова

выделяют четыре этапа в их развитии [20, с. 6-7]. Основываясь на классификации испанского ученого, в данном исследовании мы определили тип отношений между национальной и региональной элитой в Республике Молдова, характерный для каждого этапа.

- 1995-1999 гг. - этап апробации институционально-правовых положений особого правового статуса, на котором происходит создание нормативно-правовой базы АТО Гагаузия. Политические отношения между центром и регионом не очень интенсивны, большая часть усилий региональных элит сосредоточена внутри региона, на политико-правовом конструировании автономии. Национальные элиты в основном наблюдали за процессом издали. Учитывая, что это постконфликтный период, который характеризуется определенным эмоциональным подъемом от урегулирования конфликта, этот период отношений между национальной и региональной элитами можно определить как сбалансированные отношения без взаимодействий.

- 1999-2002 гг. - этап напряженности в отношениях в результате практической транспозиции правовых норм и конфликтов компетенций между центральными и региональными властями. Появление определенных разногласий было объективным фактором, поскольку Закон об особом статусе не был идеальным, и необходимо было оптимизировать его содержание. Но позиции руководства не всегда были адекватны процессу оценки правовых положений в духе реализма и конструктивизма, поэтому, несколько выходя за рамки представленной типологии, отношения «центр-регион» можно определить как несбалансированные с частичным взаимодействием.

- 2003-2006 гг. - третий этап характеризуется политическими отношениями сотрудничества между региональной и общенациональной (центральной) политической властью, более того, можно говорить о синхронизации их деятельности. Это период больших возможностей в реализации политики интеграции населения Гагаузии в общественно-политическую систему Республики Молдова, и этот этап можно обозначить как сбалансированные отношения взаимного обмена.

- 2006-2009 гг. - характеризуется как период, когда во взаимодействии элит господствует дух прагматизма, реализма и конструктивизма. Предпринимаются определенные шаги по выводу отношений между центром и регионом на качественно новый уровень, что соответствует типу сбалансированных отношений взаимного обмена [20, с. 6-7]. По нашему мнению, временные рамки этого периода можно продлить до 2013 года, когда правительством РМ была создана рабочая группа для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением конституционных положений о статусе автономно-территориального образования Гагаузия [2, с. 7].

- 2013 г. – н.в., происходит нарушение сбалансированности отношений между правящей и региональной элитами. Не обладая полномочиями на проведение референдумов, власти региона организовали референдум об отложенном статусе Гагаузии и внешнеполитическом курсе страны. Создание новой рабочей группы в составе депутатов Парламента РМ и НСГ продемонстрировало отсутствие конструктивного диалога и принятие решения в одностороннем порядке, что соответствует типу «сбалансированные отношения без взаимодействий».

Итак, исследование эволюции взаимодействий между правящей и региональной элитами свидетельствует о том, что поиск консенсуса происходит достаточно сложно и отношения не всегда развиваются по восходящей линии. Каждая из сторон отстаивает свои интересы и не желает «поступиться принципами», что отражается на эффективности отношений между ними. В то время как деятельность и национальной, и региональной элит должна быть направлена на достижение общей цели - процветание Республики Молдова.

Рассматривая процесс формирования автономии, исследователь Ф. Прина считает, что Гагаузия представляет собой пример гибкой договоренности [104], которая позволила предотвратить конфликт путем предоставления автономии в соответствии с Законом 1994 г. «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» [190]. Закон был принят в сложной политической ситуации, когда Республика Молдова как молодое независимое государство только начинала формирование своей законодательной базы. Это подтверждает и эксперт из Гагаузии М. Сиркели, отмечая, что в 1994 г. «молдавское государство было слабым, и Кишинев относительно легко пошел на предоставление автономии. Но проблема в том, что сначала кишиневские элиты сказали «да», а затем стали сомневаться в том, что поступили правильно» [203]. Отсутствием опыта у молодого государства можно объяснить и тот факт, что Закон об особом статусе Гагаузии не был оформлен в качестве конституционного или специального органического закона.

«Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» № 344-XIII, принятый 23 декабря 1994 г., содержит 27 статей, в которых определяется правовой статус автономии; официальные языки, действующие на территории автономии; порядок формирования, деятельности и компетенции представительного органа Гагаузии – Народного Собрания, Главы Гагаузии (Башкана), постоянно действующего исполнительного органа – Исполнительного Комитета.

Указанный закон также регулирует порядок принятия, вступления в силу и отмены локальных нормативных актов; порядок формирования бюджета Гагаузии; содержит положения об органах юстиции и безопасности автономного территориального образования. Согласно этому нормативному акту, Республика Молдова является гарантом

полной и безоговорочной реализации полномочий Гагаузии, установленных настоящим Законом, и Гагаузия самостоятельно, в пределах своих компетенций, решает проблемы политического, экономического и культурного развития в интересах всего населения.

Для эффективного функционирования автономии очень важным является сбалансированное распределение полномочий между центральным и региональным уровнями власти. Однако этот вопрос вызывает постоянные споры, порождая конфликтные ситуации между центром и регионом. Закон об особом статусе Гагаузии наделяет Народное Собрание Гагаузии правом принимать местные законы в области науки, культуры, образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, местной бюджетно-финансовой и налоговой деятельности и др., а также определяет административные и исполнительные полномочия. Исследователь О. Процик считает, что этот закон не предусматривает разделения законодательной власти между Парламентом РМ и Народным Собранием Гагаузии [102]. Ссылаясь на статус и компетенцию органов автономии, устанавливающих, что Народное Собрание принимает местные законы, следует отметить, что такие положения прямо противоречат положениям ст. 60 Конституции РМ, которая определяет Парламент как высший представительный орган и единственную законодательную власть государства [219].

НСГ приняло ряд местных законов, дублирующих законодательство Республики Молдова, а зачастую и противоречащих Конституции страны: законы о партиях и других общественно-политических движениях; общественных объединениях; административно-территориальном устройстве; местном публичном управлении; функционировании языков; бюджетной системы и др. Некоторые из них полностью или частично противоречат ст. 72 Конституции страны, поскольку сферы, которые они регулируют, относятся исключительно к компетенции Парламента РМ. [32]

В случае АТО Гагаузия широко сформулированные институциональные и правовые рамки дают повод для конфронтации между республиканской властью и автономией при дефиците политической воли элиты проводить реформу законодательства в соответствии с особым правовым статусом региона [222, с. 9]. С одной стороны, действующие нормы закона вызвали критику о его соответствии конституционным рамкам РМ, что создавало благоприятную почву для некоторых политических сил в регионе постоянно требовать изменения Конституции, связанного с формированием самостоятельного государственного образования [221]. При этом экономические, социальные, финансовые проблемы, проблемы инфраструктуры и нужд населения региона отодвигались на второй план.

С другой стороны, Гагаузия столкнулась с постепенным сокращением своей автономии, что во многом связано с преобладающим символическим отношением

к верховенству закона. В защите территориальных механизмов Гагаузии правовые гарантии были недостаточными, оставаясь вторичными по отношению к политическим приоритетам Кишинева [104]. Сокращение автономии и урезание полномочий происходило не через изменение самого закона об особом правовом статусе, а через изменение правовой базы, которая не давала возможности для реализации этого закона [203]. Все принятые после 1994 г. законы и постановления правительства, которые в большинстве своем не имеют прямого отношения к автономии, в результате создали эффект сокращения пространства для самоуправления Гагаузии [101]. Данные условия стали почвой для возникновения противоречий, которые усугубляют отношения между национальной и региональной элитой.

В 2001-2002 гг. Венецианской комиссии были представлены два проекта к положениям Конституции РМ в отношении Гагаузии. Один проект конституционных поправок был подготовлен группой членов Народного Собрания Гагаузии и направлен на превращение Молдовы в федеративное государство с нынешней Республикой Молдова и Гагаузией в качестве ее учредителей и равноправных образований. Этот проект был отклонен, так как, по мнению Венецианской комиссии, развитие федеративных отношений между частями внутри Республики Молдова может иметь разрушительные последствия для всего государства [240].

Второй проект был подготовлен специальной комиссии по конституционным поправкам, созданной Парламентом Республики Молдова из парламентариев, государственных чиновников и представителей Гагаузии. В заключении Венецианской комиссии по этому проекту об изменениях и дополнениях к Конституции Республики Молдова, касающихся статуса Гагаузии, отмечается, что конституционные изменения, должны подчеркнуть скорее политический, чем чисто административный характер автономии. Позитивно оценив цель конституционного закрепления полномочий гагаузской автономии, комиссия обратила внимание на недостатки законопроекта, подготовленного Кишиневом. По мнению комиссии, для эффективной защиты в юридическом смысле статуса Гагаузии необходимо, чтобы основные элементы Закона о статусе Гагаузии были отражены в Конституции Республики Молдова [163]. До тех пор, пока это не будет сделано, закон 1994 г. останется уязвимым для дальнейшего изменения в соответствии с решениями Конституционного суда, а также для изменения или отмены депутатским большинством в три пятых в Парламенте [240].

В результате деятельности комиссии после долгих дискуссий был подготовлен законопроект о внесении изменений и дополнений в Конституцию РМ, который был принят в июле 2003 года. В результате в статьях 110 и 111 Конституции было закреплено

существование и функционирование автономии (право Гагаузии на самостоятельное решение своих политических, экономических и культурных проблем, формирование бюджета, законодательную инициативу). Таким образом, правящая элита стремилась избежать политической конфронтации, и создать модель урегулирования конфликта, которая могла бы послужить примером для разрешения конфликта в восточных районах Республики Молдова [46, с. 152-153].

После внесения изменений в Конституцию, проблемы взаимодействия между центральными и региональными властями обсуждались в двусторонних переговорных процессах в рамках специальных комиссий или рабочих групп, посредством внесения законодательных инициатив либо обращений Народного Собрания Гагаузии в Конституционный суд. В феврале 2013 года правительством РМ была создана рабочая группа, целью которой было разработать и провести изменения в национальное законодательство, регулирующие правовой статус Гагаузии, но власти региона отказались участвовать в работе этой комиссии. Региональная политическая элита отреагировала организацией консультативного референдума об отложенном статусе Гагаузии и внешнеполитическом курсе страны. Результаты референдума свидетельствовали о том, что граждане Гагаузии поддерживают вступление в Таможенный союз России – Беларуси – Казахстана - 98,47% избирателей. Курс, направленный на вступление Молдовы в Европейский Союз, поддержали 2,77 % избирателей, против выступили 97,22 %. За отложенный статус независимости автономии (в случае возможной утраты независимости Республики Молдова) проголосовали 98,09 % участников референдума [265]. Молдавские власти признали референдум незаконным, так как организация референдумов не входит в компетенцию Народного собрания Гагаузии [190], что привело к существенному обострению отношений между элитами центра и региона.

Еще одним шагом в организации диалога между центральной властью и региональными политиками стало создание в марте 2014 года рабочей группы из представителей всех парламентских фракций, а также депутатов Народного Собрания Гагаузии, целью которой был анализ проблем, связанных с реализацией конституционных положений о статусе Гагаузии. Однако представители как правящей, так и региональной элиты изначально продемонстрировали отсутствие конструктивного подхода в ведении переговоров и принятии решений. Диалог внутри рабочей группы не состоялся, и стороны стали принимать решения и действия в одностороннем порядке [26, с. 23].

Депутаты НСГ разработали четыре законодательные инициативы, в которых они представили свое видение урегулирования разногласий между Комратом и Кишиневом: назначение главы департамента внутренних дел Гагаузии по предложению Башкана после

консультации с Народным Собранием; создание Трибунала по Регламенту автономии; выделения квот для Гагаузии в Парламенте; предоставление особого статуса гагаузской автономии [129]. В свою очередь, представители парламента разработали свой законопроект «Об изменении и дополнении в некоторые законодательные акты» [29], предусматривающий изменение ряда законов, которые, в сущности, не влияют на урегулирование основополагающих проблем реализации автономии [222, с. 24]. В июле 2014 г. этот законопроект был принят Парламентом РМ в первом чтении. Его принятие вызвало критику со стороны представителей НСГ на том основании, что «он не учитывает мнения гагаузских депутатов и был разработан в спешке без решения проблем, необходимых для надлежащего функционирования гагаузской автономии» [3, с. 55].

Как считают молдавские исследователи, изменения, внесенные в Закон о местном публичном управлении, Закон о нормативных актах и ряд других законов, соответствуют предложениям представителей Гагаузии об установлении различий между полномочиями органов государственного управления второго уровня и автономной единицы в правовых рамках Республики Молдова, а также о соответствии нормативных актов Гагаузии нормативным актам Республики Молдова [3, с. 55].

Власти Комрата считают, что законы Республики Молдова не проводят четкого разграничения между органами местного публичного управления второй степени и гагаузской автономией, и хотят подчеркнуть это различие во всех существующих правовых нормах. Кишинев не против этого, но не спешит вносить соответствующие изменения, что вызывает недовольство Комрата. Основной аргумент центральной власти касается статьи 111 Конституции Республики Молдова, в которой проводится различие между районами, городами и АТО Гагаузия. Региональные власти хотят, чтобы это дифференцирование продвигалось более последовательно. Таким образом, мнения политиков и экспертов относительно эффективности инициатив по урегулированию разногласий между центром и регионом существенно расходятся.

Еще один спорный вопрос - реализация и перераспределение полномочий между центром и автономией. Комрат считает, что Кишинев несправедливо отобрал у автономии большое количество полномочий, относящихся как к назначению должностных лиц, так и к вопросам финансирования. Кишинев исходит из того, что осуществление контроля деятельности автономий производится органами исполнительной власти национального уровня. Со своей стороны, Комрат хочет контролировать назначения на ключевые посты в регионе (в частности, прокурора, начальника полиции).

Серьезной причиной для разногласий между представителями национальной и региональной элиты является вопрос о предоставлении 5% квоты представительства автономии

в Парламенте РМ. Во-первых, Кишинев ставит под сомнение правильность 5% и считает, что доля гагаузского населения в общей численности населения страны ниже (3-4%). Во-вторых, Кишинев предпочитает формулу продвижения гагаузских политиков на соответствующие должности через национальные политические партии, а не через квоты на представительство. С точки зрения центральных властей, гагаузская автономия уже адекватно представлена в Парламенте Республики Молдова, и любой запрос о квотах будет означать неоправданное чрезмерное представительство гагаузского населения [3, с. 56]. Такой подход категорически не устраивает региональную элиту.

Несмотря на юридическую природу дискуссий, конфронтация носит преимущественно политический характер. Кишинев стремится гармонизировать законодательство путем приведения законов автономии в соответствие с конституционными нормами Республики Молдова. Комрат подразумевает необходимость конституционных изменений в соответствии с Законом об особом правовом статусе Гагаузии, поскольку он представляет собой политический компромисс между центром и автономией, и нарушение этого закона может усилить напряженность в отношениях между центральной и региональной властью.

Так как деятельность предыдущей комиссии не достигла желаемых результатов, в 2015 году Парламент РМ принял решение о создании рабочей группы, в которую вошли по семь депутатов от Парламента РМ и Народного Собрания Гагаузии. После парламентских (2021) выборов рабочую группу от Парламента Республики Молдова возглавляет В. Боля (ПДС), от Народного Собрания Гагаузии – С. Чимпоеш (независимый депутат). Рабочая группа была призвана решать задачи развития законодательства о статусе Гагаузии для обеспечения функциональности автономии.

Учитывая международный опыт (Аландские острова, Южный Тироль и Уэльс) и основываясь на рекомендациях рабочей группы, центральные власти приняли ряд решений в экономической и финансовой сферах, связанных с функционированием и развитием гагаузской автономии. На основе рекомендаций рабочей группы был принят План действий для улучшения социально-экономического положения Гагаузской автономии на 2016-2019 годы, который стал первым документом правительства РМ, посвященным развитию автономии [164].

Важной целью работы группы была гармонизация молдавского и гагаузского законодательства. Группа международных и местных экспертов по правовым вопросам проанализировала более 400 законов и выявила 32 закона, содержащих законодательные пробелы и несоответствия, или которые не учитывают потребности Гагаузии. Были разработаны поправки в 11 национальных законов в области культуры и здравоохранения, четыре из которых были приняты парламентом.

В 2016 году рабочая группа разработала и согласовала три законопроекта, уточняющие статус Гагаузской автономии и дополняющие полномочия ее руководящих органов. Первый законопроект предусматривал внесение поправок в закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова», согласно которым предлагалось ввести для Гагаузии новый, особый уровень. Также предлагалось включить положение о том, что изменение статуса АТО Гагаузия, вход и выход населенных пунктов в/из состава Гагаузии осуществляются в соответствии с нормами закона 1994 года об особом правовом статусе Гагаузии.

Второй проект предполагал поправки в закон «О местном публичном управлении», согласно которым порядок организации и функционирования органов местного публичного управления особого уровня регулируются этим законом в части, которая не противоречит нормам закона «Об особом правовом статусе Гагаузии». Эта поправка означает, что система органов местного публичного управления должна учитывать наличие в составе Молдовы автономии с особым уровнем управления.

Третий проект касался внесения поправок в закон «Об особом правовом статусе Гагаузии» в той части, что любое изменение этого закона возможно только по согласованию с Народным собранием Гагаузии [164].

Однако при рассмотрении законопроектов в комиссиях парламента в них было внесено множество поправок, которые не были согласованы с представителями Гагаузии. Например, парламента отказал Гагаузии в получении «отдельного уровня государственной власти» помимо административно-территориальных единиц первого и второго уровня. Парламентское большинство заменило «отдельный уровень» на «особый статус», что прописано в законе 1994 года. В июле 2017 года парламента принял два закона в отредактированном виде сразу в двух чтениях, а третий проект тоже изменили, но одобрили только в первом чтении. Президент отказался промульгировать принятые законы и вернул их на доработку в парламента. Депутаты предыдущего созыва больше не возвращались к рассмотрению этого пакета законопроектов, а новый парламента, избранный в 2019 году, создал новую рабочую группу, которая занималась подготовкой законопроектов для обсуждения [166].

Важным механизмом освоения статуса автономии является прямое участие Гагаузии в процессе принятия решений на национальном уровне. Согласно Конституции Республики Молдова (ст. 73) и Регламента Народного Собрания Гагаузии (ст. 47) НСГ обладает правом на законодательную инициативу. Однако ни один законопроект НСГ не перешел от стадии экспертизы к обсуждению на заседании Парламента и, в конечном итоге, были аннулированы [223, с. 13].

Базируясь на анализе проектов НСГ, гагаузские эксперты выделяют ряд факторов, влияющих на его участие в законодательном процессе: отсутствие умения определять актуальные проблемы автономии, комплексного подхода к их решению, умения корректно интерпретировать национальное законодательство, разрабатывать качественные проекты, а также низкий потенциал продвижения законопроектов в их принятии. К неэффективности использования права на законодательную инициативу приводит и отсутствие последовательности НСГ в законодательной процедуре, включая отслеживание экспертизы инициатив. С другой стороны, существующая правовая система, которая формировалась без учета особого правового статуса автономии, ограничила ее функционирование и возможности освоения до уровня обычного административно-территориального образования в РМ. Противоречия в законодательстве требуют долгосрочного и комплексного решения проблем, связанных с реализацией закона об особом правовом статусе Гагаузии и развития автономии в целом [223, с. 17]. Поэтому, считают эксперты, необходимо формирование институционального и правового механизма, обеспечивающего постоянный диалог между органами центральной власти и автономией, который позволит НСГ более эффективно реализовать свое конституционное право на законодательную инициативу.

В качестве автономно-территориального образования Гагаузия обеспечивает проведение выборов региональных органов власти – Народного Собрания Гагаузии и Главы (Башкана) Гагаузии, а также органов местной публичной власти. Избирательный процесс в регионе регулируется Конституцией Республики Молдова, Кодексом о выборах [212], Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии (ГагаузЕри)», Уложением Гагаузии (ГагаузЕри), Избирательным Кодексом Гагаузии [202]. Однако в Кодексе о выборах Республики Молдова не упоминается региональный уровень формирования власти. Таким образом, можно отметить еще одну сферу, в которой национальная нормативная база создавалась без гармонизации с законодательством об особом правовом статусе Гагаузии.

Исследование регионального избирательного процесса является актуальным и представляет научный интерес в нескольких аспектах. Являясь частью национальной избирательной системы, в то же время избирательная система автономии имеет свою специфику. Во-первых, Глава (Башкан) Гагаузии избирается прямым голосованием граждан, имеющих право голоса, а в период 2000-2016 гг. Президент Республики Молдова избирался косвенно, депутатами Парламента. Во-вторых, депутаты Народного Собрания избираются по одномандатным округам на основе мажоритарной системы абсолютного большинства, а депутаты Парламента Республики Молдова – по пропорциональной системе в общенациональном округе. В-третьих, кандидатом в депутаты Парламента РМ может

быть лицо, достигшее 18 лет, имеющее гражданство Республики Молдова, а депутатом НСГ может быть избран гражданин Республики Молдова, достигший возраста 21 года и проживающий на момент выборов на территории представляемого им территориального округа.

Ряд выборов в региональные органы власти сопровождался конфликтами между правящей и региональной элитами. Так, в 2002 году центральная власть спровоцировала досрочные выборы Башкана автономии. На выборах Башкана 2006 года центральные власти оказывали давление на основного кандидата оппозиции М. Формузала, против которого было возбуждено восемь уголовных дел. На выборах Народного Собрания Гагаузии в 2008 г. из-за давления со стороны правящей партии формирование руководящих органов НСГ растянулось на несколько месяцев, сопровождалось публичными скандалами и потребовало вмешательства юстиции для их преодоления [262].

Избирательные циклы 2002-2006 и 2006-2010 гг. в Гагаузии продемонстрировали, что когда электоральные конкуренты региона поддерживаются правящей партией, региональные элиты расценивают подобные отношения как создание условий для подчинения автономии интересам центра. В итоге быстро растет влияние местной оппозиции, которая прибегает к политическим инструментам противоборства влиянию центра, ссылаясь на федералистскую модель и подчеркивая особые отношения между гагаузской автономией и приднестровским режимом [262]. Поэтому лучшей стратегией для центральных властей и правящих элит является создание условий для свободного, честного и транспарентного избирательного процесса в АТО Гагаузия.

В связи с выборами и избирательным процессом в целом проявляется такая существенная проблема, которая осложняет отношения между центральной и региональной элитой, как невозможность создания региональных партий. В Гагаузии есть опыт существования и деятельности региональных политических формирований (Гагауз Халкы (1989), Народная партия гагаузов (1993), Народная партия «Ватан» (1995). После принятия закона об особом правовом статусе Гагаузии Народная партия гагаузов и Народная партия «Ватан» приняли участие в первых выборах Башкана и Народного Собрания Гагаузии, получив скромные результаты [261, с. 33].

Изменение законодательства о партиях в 1998 г. привело к фактическому запрещению региональных партий, что вызвало недовольство в административно-территориальной автономии [148, с. 172]. В отсутствие региональных партий представители гагаузской элиты предпочитали участвовать в выборах в качестве независимых кандидатов.

В то же время некоторые гагаузские политики прибегли к регистрации общественных движений, которые по факту играли роль региональных партий [261, с. 37]. В 2004 году примар Чадыр-Лунги М. Формузал зарегистрировал неправительственную организацию «Единая Гагаузия» [252]. Будучи лидером организации, но выступая как независимый кандидат, М. Формузал в 2006 г. победил на выборах Башкана Гагаузии. В 2010 г. примар муниципии Комрат Н. Дудогло создал движение «Новая Гагаузия» и в качестве его лидера участвовал в выборах Башкана 2010 г.

Несмотря на то, что оба общественных движения обладали статусом неправительственных организаций, на выборах Башкана и в Народное Собрание они выступали как конкурирующие региональные политические силы. Однако в период напряженных отношений между центральными и региональными властями эти две организации проявляли солидарность в отношениях с центральной властью [261, с. 39]. В то же время организации установили партнерские отношения с национальными партиями - «Единая Гагаузия» с ЛДПМ, а «Новая Гагаузия» с ДПМ.

Истечение второго срока мандата Башкана М. Формузала привело к упадку политического движения «Единая Гагаузия». «Новая Гагаузия» в 2012 г. объединилась с ДПМ, что должно было способствовать деятельности ее членов на республиканском уровне и поможет им попасть в Парламент РМ [312]. Слияние «Новой Гагаузии» с ДПМ обеспечило ДПМ большинство мест в двух созывах Народного Собрания Гагаузии в 2012 и 2016 годах, при этом в 2012 году не был избран ни один депутат под эгидой ДПМ [161], а в 2016 году был избран всего один депутат от ДПМ [160]. В этих условиях ДПМ выдвинула в Парламент две кандидатуры лидеров «Новой Гагаузии» (Н. Дудогло, Д. Карасени), что свидетельствовало о том, что представители региональной политической элиты пополняют элиту национального уровня.

Однако в апреле 2018 г. руководство ДПМ в своем заявлении призвало Н. Дудогло сделать выбор между статусом члена ДПМ и статусом учредителя общественной организации «Новая Гагаузия», преследующей политические цели, не вписывающиеся в политику, продвигаемую ДПМ [8]. Н. Дудогло отказался от депутатского мандата от ДПМ и принял участие в создании Народно-патриотического союза «Девлет», которое будет защищать устои Гагаузии.

Проведенный анализ деятельности региональных общественных организаций показал, что в законодательство РМ о политических партиях необходимо внести изменения, которые создадут условия для создания и функционирования региональных партий. Как показывает опыт гагаузской автономии, сотрудничество региональных политических формирований с национальными партиями может способствовать активизации

политической жизни в регионе, более эффективному взаимодействию центральной и региональной элиты.

Обращаясь к вопросу автономии в случае нескольких споров о самоопределении в рамках одного государства, С. Вольфф отмечает, что асимметрия способна удовлетворить разные уровни требований, предъявляемых различными субъектами. Но в то же время она является обоюдоострым мечом, и ее применение требует тщательного анализа потенциальных последствий. С одной стороны, проблема не связанных между собой процессов урегулирования выступает как потенциальное преимущество для государства. С другой стороны, она с такой же вероятностью может иметь и неприятные последствия: субъекты с изначально меньшими требованиями могут быть поощрены предварительным урегулированием, чтобы поднять ставки и потребовать одинаково выгодной сделки или последующего урегулирования, которое воспринимается как «лучшее», что может привести к повторному открытию споров, которые уже были урегулированы. Поэтому важно понимать точное влияние асимметрии на характер и функционирование режимов территориальной автономии, если они должны обеспечить долговременное и стабильное урегулирование конфликтов самоопределения [122].

Рассматривая ресурсы воздействия региональной элиты автономии на национальную политическую элиту, исследователи отмечают, что наряду с классическими экономическими, политическими, административными и информационными ресурсами политическая элита АТО Гагаузия использует социокультурные факторы. Среди политических ресурсов в первую очередь следует отметить политическое представительство Главы автономии в качестве члена Правительства Республики Молдова. Еще одним важным политическим ресурсом для элиты автономии являются внешние связи гагаузов с Россией и Турцией, определяющую роль в которых играет политическая поддержка Москвы в продвижении региональных идей и лидеров [32, с. 121].

Проведенный анализ взаимоотношения правящих элит в Республике Молдова с региональной элитой АТО Гагаузия позволяет подвести некоторые итоги. Вызовом для правящей элиты становится приверженность гагаузской элиты идее евразийской интеграции. В то время как для молдавской политической элиты процесс европейской интеграции является абсолютным приоритетом. Расчет центральной власти на то, что Гагаузия позитивно воспримет движение Молдовы по пути евроинтеграции, не оправдался, что подтвердили референдумы, организованные гагаузскими властями в 2014 году.

Сотрудничество между центральными институтами власти и АТО Гагаузия основывается на механизмах, закрепленных в Конституции Республики Молдова и Законе о правовом статусе Гагаузии 1994 г. Современный этап развития молдавского общества

требует дальнейшего совершенствования, утверждения и разграничения реальных полномочий между центром и автономией. Наиболее острыми проблемами взаимоотношений центра и региона являются противоречия в законодательстве; представительство жителей автономии в центральных органах власти; ущемление интересов Гагаузии при формировании бюджета; языковая проблема. Наличие слишком общих правовых рамок способствует конфронтации между центром и автономией по вопросу перераспределения полномочий. Для достижения консенсуса политический диалог между правящей элитой и региональной элитой автономии должен быть направлен на гармонизацию правовой базы, уточнение статуса автономии, конкретизацию и распределение полномочий, а также более широкое вовлечение жителей автономии в политическую и экономическую жизнь Республики Молдова.

3.3. Национальная и региональная политическая элита в зеркале общественного мнения

Реализация цели и задач диссертационного исследования обусловила применение социологического метода, который был применен при проведении интервью с представителями национальной и региональной политической элиты. В ходе проведенных интервью мы выяснили, каковы основные проблемы национальной и региональной элиты, насколько конструктивно взаимодействие правящей политической элиты с политической элитой АТО Гагаузия, каких изменений можно ожидать в конфигурации молдавской элиты в ближайшие годы и что может способствовать повышению эффективности взаимодействия национальной и региональной политической элиты в Республике Молдова.

Необходимо уточнить, что данная анкета предлагалась большому количеству представителей национальной и региональной элит, но согласились ответить только 6 респондентов.

Отвечая на вопрос об основных проблемах национальной элиты Республики Молдова, все респонденты сделали акцент на ее гетерогенном характере. Причем гетерогенность видится, как в процессе самоидентификации, так и в реализации политических направлений. Было высказано мнение о том, что, несмотря на тридцатилетний срок, процесс самоидентификации еще не завершен. Все респонденты определили в качестве базовой проблемы отсутствие национальной идеи, что демонстрирует «разновекторную» ориентированность в реализации внешнеполитических задач и преобладание геополитических интересов над национальными. Помимо основной проблемы, были выдвинуты и другие: слабая профессиональная подготовка; отсутствие конструктивного диалога с оппозицией; взаимодействие национальной элиты с

гражданским обществом не основывается на принципе обратной связи; преследование частью элиты собственных интересов, отличающихся от интересов народа и страны.

В отношении основных проблем региональной (гагаузской) элиты в Республике Молдова было высказано единогласное мнение о том, что проблемы региональной элиты отчасти отображают проблемы национальной элиты: разобщенность, преобладание геополитических интересов над государственными, слабая профессиональная подготовка, непрозрачный характер процессов рекрутирования, коррумпированность. К локальным проблемам респонденты отнесли большой разрыв в кадровом составе: «основатели» характеризуются консервативными взглядами (здесь имеется ввиду «пророссийский» вектор), а молодые представители ориентированы на прозападный вектор во внешнеполитическом курсе. Важной проблемой региональной элиты является отсутствие конструктивного диалога с центром. Одним из респондентов также было высказано мнение о языковой проблеме среди гагаузской элиты – незнание ни молдавского, ни гагаузского языков.

Проблема взаимодействия национальной и региональной элиты является весьма актуальной и в современных реалиях приобретает все большее значение. На вопрос: «С Вашей точки зрения, насколько конструктивно взаимодействие правящей политической элиты с политической элитой АТО Гагаузия?» большинство респондентов ответили, что данные взаимодействия носят деструктивный характер, потому как отсутствуют совместные программы развития, договоренности, а присутствует лишь соперничество. Несмотря на созданную рабочую группу Парламента РМ и Народного Собрания АТО Гагаузии, эффективность взаимодействия сведена до уровня обсуждения «насуточных вопросов» без практического подтверждения.

По мнению одного из респондентов, взаимодействие молдавской и гагаузской элиты есть, но главной проблемой является вопрос о недостаточном наделении полномочий автономии. Респондент оценивает такое взаимодействие как среднее (5 баллов из 10), таким образом, предполагает изменение характера взаимодействия в случае решения, либо нерешения данной проблемы. Только один респондент характеризует данное взаимодействие как конструктивное, объясняя свое мнение тем, что основные противоречия касаются распределения полномочий между центральной властью и АТО, а также идеологической направленности объединения с Румынией. В остальных вопросах наблюдается некоторое «холодное» терпение друг друга, чтобы избежать накопления новых противоречий.

Респондентам был предложен вопрос прогностического характера, а именно: «Как Вы считаете, каких изменений можно ожидать в конфигурации молдавской элиты в

ближайшие годы?» Ответы на данный вопрос весьма различны. Но можно выявить тенденцию или, скорее всего, надежду на молодое поколение, которое получит профильное профессиональное образование, ставящее во главу национальные интересы, нежели геополитические. Но данная перспектива носит среднесрочный характер, по мнению респондентов, примерный обозначенный срок от 10 до 15 лет. Неуверенность в прогнозах также присутствует из-за внешнеполитического фактора, оказывающего влияние на настроения национальной и региональной элит. Присутствует мнение о том, что диалог центра и региона будет конструктивен в случае смены правящей партии, которой, по мнению одного из респондентов, не удержать властвующих позиций в долгосрочной перспективе. Но, анализируя ответы на данный вопрос, можно сделать вывод, что все респонденты с долей неуверенности говорят об изменениях, ссылаясь именно на нестабильную внешнеполитическую ситуацию.

Какие пути решения проблемы взаимодействия центральной и региональной элиты видят респонденты, можно выявить, изучив ответы на вопрос о повышении эффективности взаимодействия национальной и региональной политической элиты. Положительным можно отметить тот факт, что пятеро из шести опрашиваемых видят повышение эффективности во взаимодействии элит в совместном, конструктивном диалоге. Конструктивность видится по-разному: в наделении широким пакетом полномочий региональной элиты; в создании пилотных проектов с привлечением молодежи для совместного поиска решений локальных задач, тем самым усиливая политическую социализацию молодежи; в изменении внешнеполитического вектора региональной элиты; в гармонизации национального и регионального законодательства, консультативных практиках. Только один из респондентов настроен пессимистически, считая, что при нынешней конфигурации элиты конструктивность невозможна.

Респондентам была предложена возможность построить среднесрочный прогноз (5 лет) в отношении взаимодействия национальной и региональной политической элиты. На вопрос: «Каков Ваш прогноз взаимодействия национальной и региональной элиты Республики Молдова на ближайшие 5 лет?» оптимистично ответили двое из шести респондентов, которые предполагают, что представители центра и регионов, несмотря ни на что, найдут точки соприкосновения по ряду решения приоритетных вопросов. Негативно ответили два представителя, полагающие, что в ближайшие 5 лет существенных изменений не произойдет из-за разобщенности в выборе внешнеполитического вектора. Еще два респондента считают, что необходимо экономический фактор сделать приоритетным над политическим, также изменения могут произойти в случае прихода к власти технократов, учитывающих интересы регионов. Также прозвучало мнение о том, что национальная

политическая элита заинтересована в конструктивном диалоге с региональной политической элитой и обязательно найдет практическое решение в достижении поставленной цели.

Можно сделать вывод, что представители национальной и региональной политической элиты считают, что процесс формирования и той и другой элит не завершен. Разногласия в основном состоят из-за отсутствия общих договоренностей в вопросе полномочий, внешнеполитических приоритетов, характера взаимодействия лидеров национальной и региональной элиты, носящий сопернический характер. Будущее пока неопределенно из-за внешнеполитической ситуации, но надежда на конструктивный диалог при этом присутствует.

Важной составной частью изучения проблемы политической элиты является анализ результатов социологических исследований, направленных на выявление отношения жителей страны к национальной и региональной политической элите, уровня доверия граждан к институтам власти, политическим деятелям, их возможности решить существующие экономические, политические, социальные проблемы. В диссертационной работе мы будем опираться на результаты социологических исследований, начиная с 2009 г., когда в Республике Молдова к власти пришла политическая элита, четко обозначившая проевропейский курс государства. Проследить, как изменялось отношение жителей Молдовы к различным государственным и общественным институтам, геополитическому вектору развития страны, помогут опросы Института публичной политики, представленные в «Барометре общественного мнения» [140] в период 2009-2020 гг.

Показателем демократизации общества является уровень доверия граждан к публичным учреждениям. Анализ данных «Барометра общественного мнения» (БОМ) свидетельствует о том, что большинство граждан Республики Молдова не испытывают доверия к государственным институтам. С приходом к власти проевропейских сил были связаны большие ожидания, и в ноябре 2009 г. уровень доверия к основным политическим институтам составил около 40%. Затем пики спада доверия к ним совпадали со скандалами, которые сотрясали молдавскую элиту: [146] рейдерские захваты (2011), события в заповеднике «Pădurea Domnească» (2012), кража миллиарда из банковской системы.

Анализ данных показывает, что на протяжении последнего десятилетия уровень доверия молдавских граждан парламенту РМ не превышал 25%, правительству и президенту – 30% (Приложение 6). В период 2009-2016 гг. уровень доверия правительству был несколько выше, чем двум другим политическим институтам. Самый низкий уровень доверия трем основным государственным институтам - парламенту, правительству и президенту – был зафиксирован в 2015-2016 гг., когда он составил менее 10%, что явилось

реакцией населения на действия властей, которые привели к политическому кризису. Доверие к институту президента резко возросло после победы на выборах 2016 года лидера Партии социалистов И. Додона. На протяжении всего президентского мандата И. Додона (2016-2020) уровень доверия к этому государственному институту был выше, чем к парламенту и правительству. Однако за полгода (декабрь 2019 – июнь 2020) уровень доверия президенту снизился на 10%, что можно связать с неэффективной деятельностью властей в период пандемии. Более высокий уровень доверия Президенту по сравнению с Парламентом и Правительством сохраняется и после президентских выборов 2020 г. с избранием Президентом страны М. Санду.

Как показывают данные БОМ, в течение последних 10 лет наибольшим доверием жителей Молдовы пользуются такие институты как церковь, армия, местная администрация. По данным опроса, проведенного в июне 2021 г., наибольшим доверием пользовалась церковь – ей доверяли почти три четверти респондентов (72,6%), на втором месте – Президент (47%), на третьем - примэрия (45,2%), несколько ниже доверие к средствам массовой информации (44,8%). Армии доверяют 42% респондентов, к полиции испытывают доверие около трети опрошенных граждан (31%), что свидетельствует об их недовольстве работой полиции [129].

Граждане не испытывают доверия к органам законодательной и исполнительной власти, к системе правосудия, а также к политическим партиям. Среди этих институтов на низшей строке рейтинга доверия расположен парламент (15,1%), несколько большее число респондентов доверяют юстиции, правительству и политическим партиям (по 18,5%). Следует отметить, что уровень недоверия к парламенту, правительству, президенту, юстиции и политическим партиям превышает уровень доверия к ним.

Такой уровень доверия к политическим и общественным институтам подтверждается и другими социологическими исследованиями. Результаты исследования «Социальная сплоченность во время пандемии COVID-19», проведенного в июне 2020 г. Ассоциацией социологов и демографов Республики Молдова, свидетельствуют о наибольшем доверии жителей Молдовы к церкви (24,3%), президенту страны (15,3%), примэрии (8,7%). На последних трех местах - правосудие (0,9%), парламент (0,9%) и политические партии (0,6%) [260].

Доверие / недоверие к основным политическим институтам в сознании населения связывается с политическими деятелями, которые эти институты возглавляют, а также с представителями элиты, выступающими активными акторами политических процессов, происходящих в Республике Молдова. Выбор персоналий определяется функциональным подходом к исследованию национальной политической элиты (Приложение 7).

В результате анализа данных БОМ о доверии политическим лидерам следует отметить два важных момента. Во-первых, у всех политических лидеров рейтинг антидоверия превышает рейтинг доверия. Во-вторых, на политической арене Республики Молдова происходит смена персоналий, представляющих национальную политическую элиту. С приходом к власти проевропейских сил в 2009 г. в течение десятилетия только три представителя политической элиты – Д. Киртоакэ (ЛП), В. Воронин (ПКРМ) и И. Додон (ПСРМ) пользовались и продолжают пользоваться определенным доверием молдавских граждан. В. Воронин и И. Додон сегодня являются депутатами Парламента РМ, Д. Киртоакэ принимал участие в президентских выборах 2020 г., но его поддержали чуть более 1% избирателей.

Кража миллиарда, которая, по мнению участников опроса, была осуществлена с участием правящих партий, привела к резкому снижению уровня доверия к В. Филату (ЛДПМ) и М. Лупу (ДПМ) в 2015 г. В том же году снижение рейтинга В. Воронина можно объяснить сменой риторики после парламентских выборов 2014 г. и поддержкой миноритарной коалиции ЛДПМ и ДПМ.

Высокий рейтинг доверия Ю. Лянкэ в 2013-2015 гг., когда он занимал пост премьер-министра РМ, связан с подписанием Соглашения об Ассоциации Республики Молдова с Европейским Союзом и введением безвизового режима с ЕС.

Появление в 2014 г. Р. Усатого как новой фигуры в молдавском политическом пространстве обеспечило ему поддержку значительного числа граждан, а отстранение его партии от участия в парламентских (2014) выборах создало ему имидж «пострадавшего» от несправедливых действий правящей власти. В 2015 г. был избран примаром Бельц. Однако его вскрывшиеся связи с криминалом вынудили его в 2016 г. покинуть страну, что сразу сказалось на его рейтинге. В 2018 г. подал в отставку с поста примара, а в 2019 г. второй раз выиграл местные выборы. Парламентские (2019) и президентские (2020) выборы способствовали повышению интереса к фигуре Усатого и его партии, что отразилось в опросах общественного мнения. После поражения возглавляемой им партии на парламентских (2021) выборах объявил о том, что уходит из политики.

В 2015 г. на местных выборах в Оргееве на пост примара был избран И. Шор, который в первом туре набрал 70% голосов. Его позиционировали как успешного предпринимателя, известного мецената и благотворителя. Еще до своего избрания Шор начал осуществлять деятельность по улучшению инфраструктуры Оргеева, решению наиболее важных социальных проблем для жителей города, что обеспечило ему их поддержку на выборах. И. Шор стал известен и на национальном уровне, открыв во многих населенных пунктах Молдовы социальные магазины.

Но его случай – это «отклонение от нормы». Шор был одним из главных фигурантов кражи миллиарда с объяснением, что «все политики - воры, но есть воры, которые делятся с нами» [149]. Несмотря на участие в краже миллиарда, как видно из рейтинга БОМ, он продолжает пользоваться доверием определенной части населения.

Также в 2015 г. были созданы два политических формирования - «Платформа «Достоинство и правда» (А. Нэстасе) и Партия Действия и Справедливости» (М. Санду). Активные действия этих движений позволили их лидерам в 2016 г. занять места в пятерке политических деятелей, пользующихся доверием граждан. А в 2015 г. по уровню популярности М. Санду опережала как Р. Усатого, так и И. Додона. После проигрыша на президентских (2016) выборах уровень доверия к М. Санду снизился, однако в 2019 г. увеличился почти в два раза.

Наибольшее доверие молдавского населения М. Санду подтвердили и результаты опроса Центра аналитических исследований Международного республиканского института (IRI) в августе 2020 г. Ей выразили доверие 18% респондентов по стране и 23% в Кишиневе. И. Додону доверяли 15% респондентов по стране и 14% в Кишиневе, а А. Нэстасе выразили доверие 9% по стране и 10% - в столице страны [209]. Высокий уровень доверия к М. Санду нашел свое подтверждение в ее победе на президентских выборах в ноябре 2020 г.

Важно отметить следующее: социологические исследования подтверждают, что большинство респондентов не доверяют никому из политических лидеров. В ходе опроса Центра аналитических исследований доля тех, кто не доверяет никому из политиков, составила 24% по стране и 28% в Кишиневе [209]. В исследовании Ассоциации социологов и демографов никому из политиков не доверяли 21,5 % респондентов, а 25,3% респондентов не знали, кому они доверяют или не определились [295] (Приложение 8).

Линией разлома во взаимоотношениях правящей политической элиты и региональной элиты АТО Гагаузия выступает геополитический вектор развития страны. Поэтому представляется важным проследить изменения, происходившие в общественном мнении населения по данному вопросу. В 2009 г. проевропейские устремления политической элиты находили позитивный отклик в обществе – вступление Молдовы в Европейский Союз поддерживали почти две трети граждан страны, «против» высказались 12,4%. Но в последующие годы действия политических элит дискредитировали идею европейской интеграции, что привело к снижению числа ее сторонников, достигнув минимального уровня в 2016 г. (38%).

В этих условиях Европейский Союз, наученный опытом прошлых лет, когда высокий уровень коррумпированности молдавской власти сильно повредил имиджу ЕС,

изменил тактику. Не делая акцент на особых отношениях с конкретными молдавскими политиками, ЕС реализует в стране значительное число проектов разного масштаба (ремонт дорог, школ и больниц, выделение грантов мелким фермерам и т.д.) [276], изменяя тем самым свой имидж в глазах молдавских граждан.

Как показывают опросы общественного мнения, идея вступления Республики Молдова в Евразийский Экономический Союз (Россия-Беларусь-Казахстан), пользовалась наибольшей поддержкой молдавских граждан в 2012 г., когда за это высказались 55,8% участников опроса БОМ. С течением времени число сторонников этой идеи снижалось, но в 2016 г. опять более половины респондентов поддержали вхождение Молдовы в ЕАЭС, существенно превысив число сторонников вступления в ЕС.

Но в 2017 г. ситуация изменилась - число сторонников европейской интеграции (47,2%) превысило количество сторонников евразийского вектора (42,4%). В дальнейшем эта тенденция закрепились, и в 2020 г. за присоединение к ЕАЭС были готовы проголосовать 39,5% опрошенных, в то время как за вступление в ЕС проголосовали бы 58,1% респондентов. А если бы пришлось выбирать между вступлением Молдовы в Европейский Союз или Евразийский экономический Союз, то 48,7% респондентов высказались за вступление в ЕС, а 22,6% - за присоединение к ЕАЭС.

Определенным образом сложившаяся ситуация связана с деятельностью России как центра ЕАЭС, которая с 2006 г. применяет различные отраслевые санкции в отношении Молдовы, вынуждая молдавских экспортеров переориентироваться на другие рынки. Кроме того, Россия не осуществляет финансовых вливаний в Молдову, осуществляя только поддержку Приднестровья. С другой стороны, поддержка Россией президента Додона негативным образом отражалась на ней в связи с коррупционными скандалами, связанными с Партией социалистов и президентом Молдовы.

В контексте диссертационного исследования, важное значение имеет отражение через призму общественного мнения взаимоотношений между национальной элитой Республики Молдова и региональной элитой АТО Гагаузия. Исследования общественных настроений жителей Гагаузии, проведенные в 2012-2015 годах, позволили составить комплексный портрет предпочтений и ожиданий жителей автономии, который по определенным параметрам отличается от общереспубликанского [210, с. 94].

В первую очередь нас интересовало, как жители Гагаузии оценивают отношения между центральными и региональными властями. 27,3% респондентов положительно оценили отношения между центральными и региональными властями. Количество тех, кто оценил эти отношения как негативные, несколько выше – 32,6%. Примерно четвертая часть участников опроса высказались нейтрально, что свидетельствует о достаточно

бесконфликтном восприятии жителями региона отношений между Кишиневом и Комратом [209, с. 52].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что более половины опрошенных считают, что Кишиневу в той или иной степени удастся диктовать Гагаузии свою волю: частично – 36,1% и полностью – 25,6%. Только каждый шестой респондент уверен в эффективности деятельности региональной политической элиты по защите интересов Гагаузии, а каждый седьмой затруднился ответить на этот вопрос. Эти данные говорят о том, что жители региона ожидают более активных действий по отстаиванию интересов автономии в отношениях с центральными властями. В то же время 8,7% опрошенных считают, что у Гагаузии нет каких-то особых интересов, которые требовалось бы защищать [209, с. 53].

Как показывает практика, для проведения взвешенной внешней политики должно учитываться мнение всех регионов страны. Гагаузия пытается оказывать некоторое влияние на выбор внешнеполитического вектора Молдовы, но это влияние гораздо менее существенно, чем могло бы быть. По мнению Н. Цвяткова и А. Горбан, роль Гагаузии только прибавила бы конструктивности внешней политике, исходя из специфичности региона [210, с. 94].

Население региона традиционно демонстрирует склонность к выбору пророссийского вектора развития, что нашло свое отражение и в результатах референдума 2014 года, признанного центральными властями неконституционным. Результаты социологического исследования 2015 г. показали, что почти половина респондентов высказались за необходимость участия властей Гагаузии в формировании внешней политики Молдовы, во избежание нарастания напряженности между Кишиневом и Комратом. Каждый пятый опрошенный отметил, что Молдова должна, по возможности, прислушиваться к пожеланиям Гагаузии, но только в исключительных случаях. 13,8% участников опроса считали, что внешняя политика Молдовы должна определяться исключительно общенациональными интересами, а не пожеланиями отдельных регионов. Только небольшое число опрошенных (4%) указали, что Гагаузии безразлично, какую внешнюю политику проводит Молдова. Практически каждый пятый респондент затруднился ответить на этот вопрос [209, с. 55].

В 2016 году неправительственная организация «Пилигрим-Демо» Гагаузия в преддверии выборов в Народное Собрание Гагаузии провела качественное социологическое исследование, в ходе которого были выявлены удовлетворенность населения региона деятельностью НСГ; оценка деятельности депутатов НСГ; ожидания граждан от НСГ следующего созыва.

Участники фокус-групп отмечали, что положение дел в регионе зависит от Башкана Гагаузии, руководства Молдовы, в частности парламента и правительства, от местных властей и внешнего влияния (России, Турции).

Наверно, примары тоже в ответе за все происходящее, потому что они находятся больше среди народа. (Чадыр-Лунга, Ж, 51, бухгалтер)

От местных властей, от инвесторов зависит экономическое состояние. Если местная власть привлекает инвесторов, то хорошо. Потому что помощь из-за границы тоже влияет. (Этулия, Ж, 20, студентка).

Правительство возможно и не виновато, потому что мы находимся под внешним управлением. Кто бы не был у власти, он сразу подпадает под влияние внешнего управления. Чувствуется, что политики зависимы. На региональном уровне то же самое. Там, где есть финансовые потоки, там все зависят друг от друга. (Чадыр-Лунга, М, 45, педагог) [180, с. 10].

Только некоторые участники отметили, что положение дел в Гагаузии зависит и от Народного Собрания.

И от НСГ зависит. НСГ принимает законы, Исполком старается исполнять эти законы и довести до места. Вот, а на местах уже руководители не всегда выполняют. Каждый по-разному выполняет. Много зависит и от руководителей на местах. Закон хороший, но он не выполняется. (Копчак, М, 58, военный пенсионер) [180, с. 11].

Исследование показало, что большинство участников фокус-групп слышало про данный орган власти, однако лишь немногие дали прямой ответ на вопрос, что он собой представляет. Чаще всего НСГ определяли как: «законодательный орган», «местный парламент», «место, где принимают законы», «избранники народа».

Абсолютное большинство участников не могли конкретно объяснить, как деятельность НСГ может способствовать улучшению жизни граждан. Из-за отсутствия четкого понимания структуры и функций властей местного, регионального и национального уровня люди просто озвучивают наиболее проблемные вопросы при упоминании любого органа власти [180, с. 12].

Почти все участники дискуссий скептически высказались по поводу деятельности НСГ и его представителей, отметив доминирование личных интересов депутатов над интересами граждан, что проявляется в личном обогащении, принятии законов «под себя» и т.д.:

Они занимаются там решением своих личных проблем. Все законы, которые они издают, практически это все только на бумаге. Ничего толкового они за последнее время не сделали. Какой-то серьезный вопрос решить с ними невозможно. (Чадыр-Лунга, М, 52, музыкант)

Многие под видом того, что будут заботиться об общественном интересе, протискиваются в эти ряды. Затем решают свои вопросы, лоббируют чьи-то интересы. (Чадыр-Лунга, М, 45, педагог) [180, с. 14].

Многие участники исследования считают, что на ситуацию в Гагаузии и деятельность НСГ влияют национальные власти, которые намеренно тормозят развитие региона.

Кишинев единственный, кто имеет рычаги власти. Он может повлиять и на Башкана и на местные органы власти. (Конгаз, Ж, 28, преподаватель)

Основное влияние имеет верхушка – Кишинев. Если бы они шли навстречу, то и здесь бы легче бы было. Все подстраиваются, как диктует верхушка. (Комрат, М, 35, рабочий) [180, с. 11].

Инициатив много. Но центральные власти не дают работать. (Томай, М, 37, юрист) [180, с. 14].

Кроме того, по мнению участников дискуссий, на «блокирование» региона и неэффективность деятельности НСГ влияют и противоречия в местном и национальном законодательстве.

Не совпадает то, как должны проводиться выборы в Молдове и в Гагаузии. Одни противоречат другим. Если некоторые законы, которые просто противоречат друг другу. (Конгаз, Ж, 28, преподаватель).

Что хотят депутаты сделать хорошее, оно все будет противоречить центральным законам. (Томай, М, 37, юрист)

Они принимают законы, но потом они вступают в противоречие с Конституцией Республики Молдова и начинаются споры. Опять же, нет нормальных полномочий НСГ. Фактически их работа сводится к нулю. (Чадыр-Лунга, М, 45, педагог)

Абсолютное большинство участников дискуссий охарактеризовало депутатов НСГ как состоятельных людей со связями, которые преследуют свои интересы. В качестве обязанностей депутатов жители автономии выделяют общение с народом и знание существующих проблем; оказание помощи нуждающимся категориям граждан; улучшение инфраструктуры; информирование граждан о своей деятельности и деятельности НСГ; привлечение инвестиций в населенный пункт, который они представляют; общение с местными властями.

Большинство участников фокус-групп отметили несоответствие деятельности депутатов ожиданиям избирателей, заявив, что большая часть предвыборных обещаний так и не была реализована. Участники дискуссий отметили нерешенность проблем на местах. В то же время некоторые депутаты оправдали ожидания избирателей, выполнив предвыборные обещания. На это указали, в частности представители сельской местности

Чадыр-Лунгского района, которые в наибольшей степени удовлетворены деятельностью «своих» депутатов [180, с. 32]. Однако подавляющее большинство граждан недовольны тем, что депутаты практически не общаются с народом и не отчитываются о проделанной работе. Участники фокус-групп считают, что необходимо проводить периодические встречи с народом и, как минимум, ежегодно отчитываться о выполненной работе [180, с. 27].

От следующего состава НСГ участники исследования ожидали решения существующих проблем - создание рабочих мест, увеличение зарплаты, поддержку фермеров и бизнеса, слаженного взаимодействия между местными, региональными и национальными органами власти, решение проблем в области образования и здравоохранения.

Таким образом, как показало проведенное исследование, по мнению участников фокус-групп, ситуация в АТО Гагаузия определяется властями Молдовы, властями Гагаузии, а также внешним влиянием. Большинство участников негативно оценивают работу НСГ, отмечая отсутствие видимых результатов, направленность деятельности депутатов на удовлетворение личных интересов. Большинство участников отметили, что деятельность депутатов не оправдала ожиданий избирателей, многие проблемы на местах так и остаются нерешенными, отсутствует общение народных избранников с гражданами.

По сравнению с национальным уровнем доверие жителей автономии к институтам и политическим деятелям имеет свои особенности. Согласно данным БОМ за июнь 2021 г., если по всей стране церкви доверяет 72% респондентов, то в Гагаузии - 83,4%. Большим доверием жителей автономии пользуются президент РМ (71,4%), Башкан автономии (71,1%) и примэрия (59,2%). Для сравнения, в целом по Молдове президенту доверяют 37,5%, примэрии – 47,1% опрошенных. Жители Гагаузии не очень доверяют парламенту (14,8%), правительству (24,3%) и армии (30,3%). В целом по стране уровень доверия парламенту несколько выше, чем в АТО Гагаузия (26%), правительству почти такой же (20,7%), а армии – значительно выше (47,9%) [165].

Перед парламентскими (2019) выборами из политических лидеров жители Гагаузии больше всего доверяли И. Додону (80%). Далее с большим отрывом следуют Р. Усатый (20%) и В. Воронин (13,6%), но у них и большой антирейтинг, который превышает уровень доверия. Р. Усатому не доверяет 60,7% гагаузских избирателей, а Воронину – 69,2%. А. Нэстасе и М. Санду не приобрели своей электоральной базы в Гагаузии – им доверяли всего 1,8% и 1,6% респондентов соответственно.

Закономерными с этой точки зрения выглядят и позиции политических партий. Партии социалистов доверяли 66,3% жителей автономии, «Нашей партии» – 19,1%, ПКРМ

– 15%, партиям «Действие и солидарность» и «Достоинство и правда» - чуть более 2% каждой. Но необходимо учесть, что ни у «Нашей партии», ни у ПКРМ в автономии нет сильных партийных структур, поэтому влияние ПСРМ является практически монопольным [165].

Одним из характерных штрихов гагаузской политики стало постоянство основного состав политических лидеров региона на протяжении многих лет (И. Влах, М. Формузал, Н. Дудогло). За исключением С. Анастасова, пришедшего в публичное управление из бизнеса в 2015 году, остальная политическая элита автономии не обновлялась уже около 10 лет. Одной из причин, на наш взгляд, является то, что молодые граждане, которые выступают источником пополнения политической элиты, покидают страну в поисках лучшей жизни.

Таким образом, как показывают интервью с представителями национальной и региональной элиты, так и опросы общественного мнения, отсутствие конструктивного диалога между политическими элитами национального и регионального уровней сказывается на уровне доверия граждан к политическим институтам и политическим лидерам. Поэтому важной задачей как национальной, так и региональной политических элит является внедрение в жизнь ценностей консенсуса на уровне элиты, власти, оппозиции, что будет способствовать достижению согласия на уровне общества в целом.

3.4. Выводы к главе 3.

Принятие Декларации о независимости Республики Молдова положило начало процессу формирования новых институтов государственной власти и новой политической элиты. Утверждение национальной политической элиты сопровождалось существенными разногласиями, которые трансформировались в политические и конституционные кризисы и конфликты внутри правящей элиты, между правящей коалицией и оппозицией, парламентской и внепарламентской элитой. Этот процесс осложнялся существованием политических акторов, преследующих разнородные интересы, что привело к созданию административного территориального образования Гагаузия и к формированию, наряду с центральной политической элитой, региональной политической элиты Гагаузии.

Проведенный анализ процесса формирования и взаимоотношений центральной и региональной политических элит позволяет подвести некоторые итоги.

1. Формирование национальной политической элиты было сложным и противоречивым процессом, полным рисков, уязвимостей и вызовов. На первых этапах в правящей элите Молдовы доминировали представители бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры. Основными тенденциями в процессе консолидации национальной элиты

стали: установление собственного аппаратного руководства; интеграция элитных и экономических групп с целью конвертирования власти в собственность и наоборот; формирование политико-экономических кланов. Новая правящая элита характеризовалась невысоким уровнем профессионализма, отсутствием стратегического мышления, низкой эффективностью управленческой деятельности, отчуждением элиты от общества.

2. На протяжении трех десятилетий национальная элита переживает раскол по линии «европейская модель – евразийский вектор», что привело к отсутствию эффективного институционального сотрудничества между политическими субъектами относительно приоритетов и стратегических действий развития общества. Это свидетельствует об отсутствии консенсуса между ее сегментами, что позволяет оценить национальную политическую элиту как фрагментированную и дезинтегрированную.

3. Для национальной политической элиты Молдовы характерно создание правящих коалиций как механизма сотрудничества между политическими акторами. Всего в период 1994-2021 гг. было сформировано 12 коалиций. Опыт демократического управления подтвердил тезис о том, что правящая коалиция, состоящая из двух или более политических формирований, имеет больше преимуществ, чем союз с участием всех партий / парламентских фракций. Специфической чертой Молдовы является то, что все правящие коалиции, за исключением коалиции парламентского и правительственного большинства (2016–2019 гг.), действовали не более двух лет. Частая смена формата коалиций в 2009-2019 гг. была связана с внутренними разногласиями, однако внешнеполитические приоритеты оставались неизменными.

4. Сотрудничество между центральной политической элитой и региональной элитой АТО Гагаузия основывается на механизмах, закрепленных в Конституции Республики Молдова и Законе о правовом статусе Гагаузии 1994 г. Анализ политических отношений, сложившихся между центральными и региональными органами власти, свидетельствует, что институционализация гагаузской автономии была сложным процессом, в том числе с точки зрения налаживания сотрудничества между центральной и региональной властью, национальной и региональной политической элитой.

Предоставление статуса автономии гагаузскому региону стало начальным этапом создания организационно-правовых условий для установления отношений «центр-регион». Хотя отношения между центральной и региональной властью носили непрерывный характер, нельзя сказать, что они развивались исключительно по восходящей линии. Широко сформулированные институциональные и правовые рамки давали и дают повод для конфронтации между центром и автономией по вопросу распределения полномочий. По мнению национальной элиты, предоставление полномочий территориальной автономии несет риск

для молдавского государства, в то время как региональная элита считает, что в основе взаимоотношений центральных властей и автономии должно быть соблюдение Закона об особом правовом статусе Гагаузии. В этом контексте очень важно, чтобы в вопросе о будущем страны позиция региона совпадала с позицией центральной власти.

5. Эффективность и действенность отношений сотрудничества между центральной и региональной властью не должна зависеть от того, к какому политическому лагерю принадлежит правящий политический класс. Естественно, что в условиях совпадения политических позиций шансы на эффективное сотрудничество намного выше. Но несовпадение мировоззренческих взглядов представителей власти никоим образом не должно с необходимостью приводить к напряженности в отношениях, так как общей целью и национальной политической элиты, и политической элиты АТО Гагаузия является процветание Республики Молдова.

6. В общественном мнении населения страны находят свое отражение проблемы, которые существуют во взаимоотношениях национальной и региональной элит, в вопросе геополитического развития страны. Отсутствие конструктивного диалога между политическими элитами сказывается на уровне доверия граждан к политическим институтам и политическим лидерам. Поэтому важно внедрить в жизнь ценности консенсуса на уровне элиты, власти, оппозиции, что будет способствовать достижению консенсуса на уровне общества в целом.

ОБЩИЕ ВЫВОодЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В современном мире важным актором политических процессов выступают политические элиты. Их главенствующая роль в модернизации и демократизации общества обусловлена качественными характеристиками и функциями, которые они выполняют в конкретно-исторический период развития общества. Провозглашение суверенитета и независимости Республики Молдова положило начало формированию национальной политической элиты. Но общественно–политические трансформации 90-х годов XX века привели к разделению политической элиты Молдовы и появлению региональной элиты АТО Гагаузия, которая стремилась к реализации собственных политических проектов, отличных от целей национальной элиты.

В результате проведенного исследования национальной и региональной политической элиты как актора политического процесса можно сформулировать следующие выводы:

1. Исследование политических элит проходило на протяжении длительного времени и получило обоснование в виде классических элитистских теорий, доказывающих, что их роль в политических процессах является первостепенной. Но последующее переосмысление классических теорий показывает, что в современных реалиях ни одна из них не может считаться исчерпывающей. Разработанные теоретические концепты стали основанием для образования нового научного направления в политической науке – элитологии, которая характеризуется междисциплинарным характером. Необходимо отметить, что некоторые научные разработки, в частности, аспект рекрутирования политической элиты, в настоящее время носят преимущественно теоретический характер и имеют значительное расхождение с практикой. Это связано с особенностями политического процесса, государственной политикой, устоявшейся системой традиций.

2. Категория региональных элит с научной точки зрения представлена недостаточно полно, и в целом для политической науки это является пробелом. В Республике Молдова региональная элита АТО Гагаузия участвует в процессе принятия политических решений и оказывает значительное влияние на ход политического процесса. Для Республики Молдова феномен регионализма, который носит сложный и многообразный характер, является достаточно новым явлением. Исследование опыта европейских государств доказывает тот факт, что в процессе реформ, связанных с регионализацией и децентрализацией, их политико-территориальное устройство приобретает черты, нехарактерные для унитарных государств. Модели регионализации в разных странах имеют специфические особенности; выбор той или иной модели в большой

степени обусловлен историей территориально-политического строительства, конкретной политической практикой и институциональным дизайном. Все модели в той или иной степени являются ассиметричными, что предполагает гибкость отношений между центром и регионами. Модель регионализации не может быть линейной и универсальной. Республика Молдова не является здесь исключением, должна учитывать международный опыт регионализации и найти свою модель, которая будет соответствовать ее историческим, географическим, социальным, экономическим и культурным условиям.

3. Цели и направления модернизационных и демократических процессов в странах Восточного партнерства доказывают уникальность выработанных стратегий развития взаимоотношений на основе модели «центр-регионы». Взаимодействие национальной и региональной политических элит в тех странах ВП, где сложились субнациональные образования, определяется особенностями исторического, политического, социально-экономического и культурного развития. Опыт региональных элит Азербайджана и Грузии представляется важным для Республики Молдова, так как они не высказывают сепаратистских настроений, осуществляя свою деятельность в рамках унитарного государства. Специфика создания и функционирования Автономного территориального образования Гагаузия, обуславливает необходимость поиска консенсуса между национальной политической элитой и региональной политической элитой АТО Гагаузия Республики Молдова.

Анализ места и роли национальных и региональных политических элит в модернизационном и демократическом процессах в странах Восточного партнерства свидетельствует о том, что начиная с одинаковых стартовых условий, они достигли различных результатов. Несмотря на возникающие вызовы, политические элиты стран Ассоциированного трио (Грузии, Молдовы, Украины) движутся по пути европейской интеграции, модернизации и демократизации общества. Осуществляя демократические и модернизационные преобразования, политическая элита Армении пытается балансировать между ЕС и ЕАЭС. В Азербайджане и Беларуси деятельность национальной элиты направлена на усиление президентской власти и консолидацию авторитарного режима.

4. Конфликтотенный характер взаимодействия национальной и региональной политических элит характерен не только для государств с развивающейся демократией. Проведенный анализ группы стран с развитой демократией показал, что зачастую взаимоотношения обостряются из-за государственной политики, проводимой национальной элитой, не учитывающей интересы регионов. Регионы в свою очередь, не соглашаясь с существующим положением, претендуют на расширенный круг полномочий. Это приводит к конфликту, как открытого, так и латентного характера, но

ситуация в целом деструктивно влияет на политическую, экономическую, социальную стабильность государств. Как показывает практика, такого рода конфликты могут длиться не одно десятилетие.

5. В результате проведенного анализа было выявлено, что формы взаимодействия национальной и региональной элиты (автономия, самостоятельное государство и ассоциированное государств) также не являются совершенными, потому как достигнутые договоренности не обеспечивают в полной мере конструктивного диалога на длительное время. Опыт стран с развитой демократией показывает, что возможны различные инструменты и механизмы, обеспечивающие поиск и установление консенсуса между национальной и региональной элитой. Из анализа зарубежного опыта можно вынести положительные уроки в сфере выстраивания конструктивного диалога между национальной и региональной элитой с целью их применения во взаимодействии национальной политической элиты и региональной политической элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова.

6. Процесс формирования национальной политической элиты Республики Молдова можно охарактеризовать как сложный и противоречивый, потому как пришлось столкнуться с рядом проблем, как внутривластных характера, так и внешнеполитического. Основными тенденциями в процессе консолидации национальной элиты стали: установление собственного аппаратного руководства; интеграция элитных и экономических групп с целью конвертирования власти в собственность и наоборот; формирование политико-экономических кланов. Новая правящая элита характеризовалась невысоким уровнем профессионализма, отсутствием стратегического мышления, низкой эффективностью управленческой деятельности, отчуждением элиты от общества.

На формирование региональной политической элиты АТО Гагаузия оказали влияние как внутренние, так и внешние факторы. Являясь частью национальной политической элиты, региональная элита, с одной стороны, обладает чертами, которые сближают ее с центральной политической элитой, а с другой стороны, характеризуется наличием специфических черт. По сравнению с национальной элитой региональная элита является более интегрированной, так как придерживается внутреннего консенсуса по вопросу внешнеполитического развития и отношений с центральными органами власти.

7. На протяжении трех десятилетий национальная элита переживает раскол по линии «европейская модель – евразийский вектор», что привело к отсутствию эффективного институционального сотрудничества между политическими субъектами относительно приоритетов и стратегических действий развития общества. Это свидетельствует об отсутствии консенсуса между ее сегментами, что позволяет оценить

национальную политическую элиту как фрагментированную и дезинтегрированную. Особенностью национальной политической элиты Республики Молдова является ее коалиционный характер, выступающий своего рода механизмом взаимодействия с политическими акторами. Всего в период 1994-2021 гг. было сформировано 12 правящих коалиций. Опыт демократического управления подтвердил тезис о том, что правящая коалиция, состоящая из двух или более политических формирований, имеет больше преимуществ, чем союз с участием всех партий / парламентских фракций. Жизненный цикл правящих коалиции, за исключением коалиции парламентского и правительственного большинства (2016–2019 гг.), составлял не более двух лет. Внутренние разногласия зачастую являлись причиной смены конфигурации коалиций в период с 2009 по 2019 гг., однако внешнеполитические приоритеты оставались неизменными.

8. Сотрудничество между центральной политической элитой и региональной элитой АТО Гагаузия основывается на механизмах, закрепленных в Конституции Республики Молдова, Законе о правовом статусе Гагаузии 1994 г. и др. Анализ политических отношений, сложившихся между центральными и региональными органами власти, свидетельствует, что институционализация гагаузской автономии была сложным процессом, в том числе с точки зрения налаживания сотрудничества между центральной и региональной властью, национальной политической элитой и региональной элитой АТО Гагаузия. Предоставление статуса автономии гагаузскому региону стало начальным этапом создания организационно-правовых условий для установления отношений «центр-регион». Несмотря на то, что отношения между центральной и региональной властью носили непрерывный характер, нельзя сказать, что они развивались исключительно в конструктивном ключе. Широко сформулированные институциональные и правовые рамки давали и дают повод для конфронтации между центром и автономией по вопросу распределения полномочий. В этом контексте очень важно, чтобы в вопросе о будущем страны позиция региона совпадала с позицией центральной власти.

9. На основе проведенных интервью с представителями национальной и региональной политической элиты АТО Гагаузия, а также анализе результатов исследования общественного мнения страны можно сделать вывод о том, что отсутствие консенсуса между элитами находит свое отражение в общественном мнении молдавского населения, особенно в вопросе геополитического развития страны. Отсутствие конструктивного диалога между политическими элитами сказывается на уровне доверия граждан к политическим институтам и политическим лидерам. Поэтому важно внедрить в жизнь ценности консенсуса на уровне элиты, власти, оппозиции, что будет способствовать достижению консенсуса на уровне общества в целом.

Важная научная проблема, решенная в диссертационной работе, заключается в развитии концептуальной основы исследования национальной и региональной политической элиты как акторов политического процесса и ее прикладного аспекта, что позволило выявить особенности взаимоотношений национальной и региональной элиты АТО Гагаузия в Республике Молдова. Это способствовало выработке практических рекомендаций по достижению консенсусного взаимодействия между национальной и региональной политической элитой в Республике Молдова, с целью их последующего использования государственными институтами, участвующими в процессе принятия и реализации политических решений на национальном и региональном уровнях.

- Создать экспертную группу из политологов, экономистов, историков, социологов, задачей которых будет проанализировать все прецеденты взаимодействия национальной и региональной элиты на международной арене для разработки новой, уникальной модели, подходящей для Республики Молдова в контексте выстраивания конструктивного диалога с региональными элитами.

- Выработать строгие критерии в процессе рекрутирования элит: во-первых, могут участвовать исключительно кандидаты с профессиональным политологическим, экономическим, социологическим, историческим образованием, а также специалисты в сфере государственного и муниципального управления; во-вторых, исключительно на конкурсной основе, в результате набора наибольшего количества баллов; в-третьих, искоренить принцип «кумовства»; в-четвертых, не сопротивляться здоровой оппозиции; в-пятых, на опыте конструктивного внутринационального взаимодействия представителей политической элиты демонстрировать обществу высокую степень толерантности, консолидированности, объективности в процессе принятия политических решений.

- Для консолидированного решения проблем внутривнутриполитического характера создавать площадки по взаимодействию представителей политической элиты и гражданского общества. Это будет способствовать увеличению легитимности со стороны гражданского общества, расширению круга заинтересованных участников, а также учету общественного мнения и информации о существующих проблемах «из первых уст».

- Взаимоотношения правящей элиты Республики Молдова с представителями региональной элиты АТО Гагаузии должны осуществляться в рамках принятых законодательных актов, которые сегодня требуют уточнения. Разновекторные приоритеты во внешней политике не должны усугублять взаимоотношения между национальной и региональной политической элитой.

- Для более эффективного взаимодействия элит необходимо пересмотреть существующие принятые нормативно – правовые, законодательные акты на предмет соответствия современным внутривнутриполитическим условиям.

- В теоретическом аспекте на основе анализа характеристик национальной и региональной политических элит необходимо разработать новые подходы, соответствующие современной действительности. Это возможно при участии в совместных проектах с исследователями из зарубежных стран, обсуждении данной проблемы в рамках научно–практических конференций, круглых столов. Издание результатов подобных дискуссий будет способствовать информированию заинтересованных представителей как политической элиты, так и гражданского общества.

- Учитывая специфику политического процесса в Республике Молдова, проанализировать и определить сущность понятия «региональная элита», отличительные характеристики, способы рекрутирования, степень участия в политическом процессе. Это возможно сделать с помощью таких методов как SWOT – анализ, метода экспертных оценок, кластерного и факторного анализа, метода анализа иерархий. Среди студентов высших учебных заведений профильного направления для исследования проблем, связанных с национальной и региональной элитой, можно использовать на семинарских занятиях метод «мозгового штурма», включать в список тем дипломных, магистерских и докторских работ.

Таким образом, как показало проведенное исследование, несмотря на достаточный уровень изучения политической элиты Республики Молдова со стороны научного сообщества, необходимо продолжать анализ проблемы взаимодействия национальной политической элиты и региональной элиты АТО Гагаузия как акторов современных политических процессов, используя современную методологию и учитывая сложившиеся реалии. Реализация практических рекомендаций будет способствовать установлению диалога и партнерства между правящей и региональной элитой, гражданскому миру и политической стабильности в Республике Молдова.

БИБЛИОГРАФИЯ

a) на румынском языке

1. Alegerile parlamentare 2019 în Republica Moldova [online] Alegeri.md [citat 12.05.2020]. Disponibil: http://alegeri.md/w/Alegerile_parlamentare_din_2019_%C3%AEn_Republica_Moldova
2. BERBECA, V. Dosarul gagauz: de la confruntare la dialog. În: «Viitorul», *Friedrich-Ebert-Stiftung*, Chișinău, IDIS, 2017. 16 p.
3. BERBECA, V. Importanța detensionării situației din Regiunea Gagauzia pentru securitatea Republicii Moldova. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2015, nr. 2, pp. 53-61. ISSN 1812-2566.
4. BRUCAN, S. *Stâlpii noii puterii în România*. Bucharest: Nemira, 1996. 150 p. ISBN 973-569-168-8.
5. CERNENCU, M., BOȚAN, I. *Evoluția pluripartitismului pe teritoriul Republicii Moldova*. Chișinău: Arc, 2009. 164 p. ISBN 978-9975-61-529-7.
6. COLAȚCHI, A. Cooperarea dintre putere și opoziție – factor de consolidarea a democrației în Moldova. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2012, nr. 2, pp. 82-92. ISSN 1812-2566.
7. COLAȚCHI, A. Criza politică și consolidarea democratică în Republica Moldova. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2002, nr. 1, pp. 109-119. ISSN 1812-2566.
8. Conducerea Partidului Democrat din Moldova a cerut astăzi explicații din partea deputatului Nicolai Dudoglo, privind implicarea acestuia într-o asociație obștească din UTA Găgăuzia [online]. Partidul Democrat din Moldova, 26 April 2018 [citat 09.08.2020]. Disponibil: <http://www.pdm.md/ro/comunicat-de-presa/conducerea-pdm-i-a-cerut-explicatii-lui-nicolae-dudoglo-privind-intentia-acestuia-de-a-infiinta-o-miscare-cu-obiective-politice/>
9. COTOI, C. Regionalism și regionalizare. O perspectivă critică asupra problemei «Transilvane». În: *Geopolitica*. 2004, nr. 1 (3), pp. 79-91.
10. CREANGĂ, I. *Curs de drept administrativ. Administrația publică locală*, vol.II, Chișinău: editura Epigraf, 2005. 352 p.
11. FICEAC, B. Partidele românești, între politicianism și politică. In: *Sfera politicii*. 2011,nr. 162. pp. 23-29. ISSN 1221-6720.
12. GABANYI, A. U. Noua elită a afacerilor: De la nomenclatura la oligarhie. În: *Revista 22* [online]. 2007, nr. 915 [citat 10.08.2020]. Disponibil: <https://revista22.ro/opinii/anneliute-gabanyi/noua-elita-a-afacerilor-de-la-nomenclatura-la-oligarhie-i>

13. *Înțelegere politică temporară în vederea dezoligarhizării și readucerii statului Republica Moldova în albia constituțională* [online]. Agora.md, 2019 [citat 10.10.2020]. Disponibil: <https://agora.md/stiri/57940/prevederile-acordul-temporar-dintre-psrm-si-acum-si-ordinea-de-zi-a-sedintei-parlamentului-doc>
14. JUC, V. *Edificarea relațiilor internaționale postrăzboi rece: aspecte teoretico-metodologice și replieri geostrategice*. Chișinău: Tipogr.-Sirius SRL, 2011. 248 p. ISBN 978-9975-4222-5-3.
15. LISNIC, V. Experiența Italiei în combaterea separatismului teritorial (cazul Tirolului de Sud) În: *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice*. 2018, nr. 1, pp. 99-109. ISSN 1857-2294.
16. MARGARINT, A. Etapele evoluției elitei politice posttotalitare din Republica Moldova. In: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2004, nr. 2, p. 41-49. ISSN 1812-2566.
17. MARGARINT, A., CUJBA, V. Tendințele de dezvoltare a elitei politice a Republicii Moldova și creșterea capacității ei de funcționare. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2001, nr. 2, pp. 50-62. ISSN 1812-2566.
18. MIRONOVA, S. *Relațiile politice ale Unității teritoriale autonome Găgăuzia (Gagauz Yeri) cu autoritățile centrale ale Republicii Moldova*. Autoreferatul tezei de doctor, Chișinău: CEP USM, 2011, 25 p.
19. *Modernizarea social-politică a Republicii Moldova în contextul extinderii procesului integraționist European*. Redactor T. Osmochescu. Part. a II-a. Chișinău: Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice, 2019. 364 p. ISBN 978-9975-3298-6-6.
20. MOȘNEAGA, V., MIRONOVA, S. Instituționalizarea relațiilor politice dintre puterea centrală a Republicii Moldova și cea regională a Unității Teritoriale Autonome Gagauzia: aspecte social-politice. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2009, nr. 3 (XLVI), pp. 6-7.
21. MOSNEAGA, V., NICOLAEV, I., BUCATARU, I. Interacțiunea dintre puterea politică și opoziție în contextul transformărilor democratice: dimensiuni teoretico-metodologice. In: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2013, nr. 2, pp. 139-147. ISSN 1812-2566.
22. MUNGIU, A. *Românii după - 89: istoria unei neînțelegeri*. Bucharest: Humanitas, 1995. 325 p. ISBN 9732805668.
23. MUNTEANU, I. *Dezvoltări regionale în Republica Moldova*. Chișinău: Cartier, 2000. 264 p.
24. OSOIANU, I. *Federalizarea sau regionalizare? Experiența europeană, perspectivele Republicii Moldova*. Chișinău: IPP, 2003. 50 p.

25. PĂL, J., POPOVICI, V. *O perspectivă comparativă asupra cercetării elitelor politice din secolele XIX-XX în Ungaria și România. În: Analele științifice ale Universității Alexandru Ioan Cuza din Iași (Serie nouă)*. Istorie [online]. 2015, Tom LXI, pp. 585-609 [citat 08.10.2020]. ISSN 1221-843X. Disponibil: https://www.academia.edu/31889145/O_perspectivă_comparativă_asupra_cercetării_elitelor_politice_din_secolele_XIX_XX_în_Ungaria_și_România
26. PASTI, V. *România în tranziție. Căderea în viitor*. București: Nemira, 1995. 331 p. ISBN 9735691302, 9789735691301.
27. PETROVICI, N. Relații de putere în cadrul elitei politice românești la sfârșitul anilor '80 și începutul anilor '90. In: *Sociologie românească*. București. 2006, Vol. 4, nr. 1, pp. 119-145. ISSN 1220-5389.
28. Programul de activitate al Guvernului Republicii Moldova [online]. Gov.md [citat 21.05.2020]. Disponibil: https://gov.md/sites/default/files/document/attachments/program_
29. Proiectul legii pentru modificarea și completarea unor acte legislative (Legea privind descentralizarea administrativă – art.4; Legea privind administrația publică locală – art.1, 2, 3, 63¹; ș.a.) [online]. Parlamentul Republicii Moldova, 15 iulie 2014 [citat 05.08.2020]. Disponibil: <http://www.parlament.md/ProcesulLegislativ/Proiectedeactelegislative/tabid/61/LegislativId/2393/language/ro-RO/Default.aspx>
30. PUTINĂ, N. Autonomia găgăuză în structura de stat a Republicii Moldova. În: *Științe Politice, Relații Internaționale și Studii de securitate. Conferință Internațională*. 2012, Vol. I, Sibiu, pp. 73-82. ISBN 078-606-12-03442-0.
31. PUTINĂ, N. On the Regionalization of Moldova - Gagauzia case. În: *Moldoscopie*, nr.4, 2013, p.103-111. ISSN 1812-2566.
32. PUTINĂ, N. *Unitatea Teritorială autonomă Găgăuzia (Gagauz Yeri) în contextul procesului politic din Republica Moldova*: tz. de doct. în št. politice. Chișinău, 2012. 28 p.
33. PUTINĂ, N., BEVZIUC, V. *Gagauzia in the Political Process of the Republic of Moldova*. Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 144 p. ISBN 13978-3659343650.
34. RĂDULESCU, M. S. *Elita liberala românească 1866–1900*. București: Editura All, 1998. 300 p. ISBN 973-9392-93-8.
35. RUSANDU, I., ARSENI, A. Opoziția politică în Republica Moldova: dimensiuni politico-juridice. În: *Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice*. 2018, nr. 3, pp. 139-147. ISSN 1857-2294.
36. SACA, V. Transformări politico-partinice în dimensiuni de sistem: reflecții asupra societății moldovenești. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2004, nr. 2, pp. 95-107. ISSN 1812-2566.

37. SACA, V., Azizov, N. Relațiile politice și relațiile administrative între teorie și practică. Cazul Republicii Moldova. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2015, nr. 2, pp. 43-52. ISSN 1812-2566.
38. SACA, V., Republica Moldova dintre dimensiunile schimbării și modernizării politice. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2016, nr. 2 (LXXIII), pp. 134-153. ISSN 1812-2566.
39. STĂNESCU, I. *Puterea politică în România. De la comunism la noul capitalism (1989-2014)*. București: Editura Pro Universitaria, 2014. 358 p. ISBN: 978-606-26-0083-9.
40. TALMAZAN, L. Particularități de recrutare a elitei politice din Republica Moldova. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2019, nr. 1 (LXXXIV), pp. 95-103. ISSN 1812-2566.
41. TĂNASE, S. *Revoluție ca eșec. Elite și societate*. București: Humanitas, 2006. 234 p. ISBN 973-50-1390-8.
42. TUDOR, M., GAVRILESCU, A. *Democrația la pachet. Elita politică în România post-comunistă*. București: Compania, 2002. 358 p. ISBN 9738119499.
43. VARZARI, P. Considerente privind evoluția statului Republica Moldova. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2018, nr. 1, pp. 150-167. ISSN 1812-2566.
44. VARZARI, P. Construcțiile politice postelectorale de guvernare și conotațiile lor în Republica Moldova. În: *Știința în Nordul Republicii Moldova: realizări, probleme, perspective, conferința națională cu participare internațională: RapoarteEd. 3-a, 21-22 iun. 2019*. Bălți: Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice, 2019, 494 p. ISBN 978-9975-3316-1-6.
45. VARZARI, P. *Elita politică și birocrația în contextul realizării reformelor democratice (cazul Republicii Moldova)*. Chișinău: Pontos, 2013, 366 p. ISBN 978-9975-51-447-7.
46. VARZARI, P. *Elitele politice din Republica Moldova pe calea modernizării: Studiu encyclopedic / resp. de ed.: V. Juc, C. Manolache*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală a AȘM, 2015, 480 p. ISBN 978-9975-3073-0-7.
47. VARZARI, P. *Istoria politică a Republicii Moldova: (Note de curs)*. Chișinău: Pontos, 2019. 201 p. ISBN 978-9975-72-343-5 p.
48. VARZARI, P. Puterea birocratică în contextul modernizării politice a statului Republica Moldova. În: *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice*. 2018, nr. 1, pp. 50-62. ISSN 1857-2294.
49. VARZARI, P. Puterea elitistă și modernizarea politică a Republicii Moldova: repere conceptuale și de conținut». În: *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice*. 2015, nr. 1, pp. 41-52. ISSN 1857-2294.

50. VARZARI, P. Puterea elitistă și puterea birocratică prin prisma modernizării politice a statului Republicii Moldova. În: *Modernizarea social-politică a Republicii Moldova în contextul extinderii procesului integraționist european* / Red. șt. V. Juc. Chișinău: Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice, 2018, 512 p. ISBN 978-9975-3043-8-2.

51. VARZARI, P. Relația dintre guvernanți și guvernați în concepția lui N.Machiavelli. În: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2016, nr. 2, pp. 30-42. ISSN 1812-2566.

б) на английском языке

52. ALBER, E. South Tyrol's Model of Conflict Resolution: Territorial Autonomy and Power-Sharing. In: *Power-Sharing in Europe. Past Practice, Present Cases, and Future Directions*, Cham: Palgrave Macmillan, 2021, 283 p. ISBN 978-3-030-53589-6.

53. ALCOCK, A. *The South Tyrol Autonomy. A Short Introduction*. County Londonderry, Bozen/Bolzano, 2001. 23 p.

54. Austro-Italian Agreement. In: *Foreign Relations of The United States, Paris Peace Conference: Documents*[online].1946, Vol. IV 6 September [citat 13.05.2020] Disponibil: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v04/d297>

55. BENEDICKTER, Th. *The World's Modern Autonomy Systems: Concepts, Experiences of Regional Territorial Autonomy*. Bozen: Bolzano: EURAC Research, 2009. 305 p. ISBN-13: 978 1 84331 730 2.

56. BURNHAM, J. *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*. New York: John Day Co., 1941. 285 p. ISBN 0253200237, 9780253200235.

57. CARLÀ, A. South Tyrolean Solutions to Ethnic Conflicts from a Security Studies Perspective In: *Ethnopolitics Papers* [online]. 2016,nr. 41,pp. 1-19 [citat 25.10.2020]. ISSN 1744-9065.

Disponibil:https://www.researchgate.net/publication/307887351_South_Tyrolean_Solutions_to_Ethnic_Conflicts_from_a_Security_Studies_Perspective

58. CHEDIA, B. The Georgian Political Elite: Main Trends of its Circulation. In: *Central Asia and Caucasus*. 2015, Vol. 16, Issue 3-4, pp. 42-49.

59. CHUABERASHVILI, Z., TEVZADZE, G. Power Elites in Georgia: Old and New, In: *From revolution to reform: Georgia's struggle with democratic institution building and security sector reform*, 2005, p.187-207.

60. COLLIER, X. Fragmented Identities and Political Conflict. Failed Nationalisms in a Multinational State: The Case of Valencia in Spain. In: *Pôle Sud*. 2006, nr. 25, pp. 107-136. ISSN 1960-6656.

61. COLLER, X., FERREIRA, H. do Vale., Meissner, C. Political Elites in Federalized Countries: The Case of Spain (1980-2005). In: *Working Paper Series of Center for European Studies* [online]. 2007, nr. 146. 37 p. [citat 19.10.2020]. Disponibil: <https://aei.pitt.edu/9126/1/CollierEtAl.pdf>
62. Community Charter for regionalization. Resolution on Community regional policy and the role of the regions and Annexed Community Charter for Regionalization. In: *Official Journal of the European Communities*[online]. 1998, nr. 326, 12 p. [citat 15.11.2020]. Disponibil: http://aei.pitt.edu/1758/1/ep_resolution_regional_11_88.pdf
63. Corruption Perceptions Index 2021, <https://www.transparency.org/ru/cpi/2021>
64. DOMHOFF, G.W. *Who rules America? Englewood cliffs*. New York: Prentice-Hall Inc., 1967. 184 p. ISBN 0139583637 9780139583636.
65. European Integration Index 2013 for Eastern Partnership Countries, p.7, [online].https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/European-Integration-Index_2013.pdf[citat 10.05.2020]
66. Eastern Partnership Index 2014, [online]. <https://eap-csf.eu/eastern-partnership-index/> [citat 11.05.2020]
67. Eastern Partnership Index 2015-2016, [online]<https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2015-2016.pdf>[citat 15.05.2020]
68. Eastern Partnership Index 2017, p.18, [online]<https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2017.pdf>; [citat 11.05.2020]
69. Eastern Partnership Index 2020-2021, [online] <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2020-2021.pdf> [citat 11.05.2020]
70. ERGUN, A. Post-Soviet Political Transformation in Azerbaijan: Political Elite, Civil Society and the Trials of Democratization. In: *Uluslararası İlişkiler*. 2010, Vol. 7, nr. 26, pp. 67-85.
71. FENGER, M. The Diffusion of Revolutions: Comparing Recent Regime Turnovers in Five Post-Communist Countries. In: *Demokratizatsiya The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2007, nr. 15, pp. 5-28. ISSN 1351-0347.
72. GHERASIMOV, C. *Political Elite Renewal in Georgia, Moldova and Ukraine*. [online]. 2019, p. 12. [citat 11.03.2010]. Disponibil: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-05-14-Political%20Elite%20Renewal.pdf>
73. GULIYEV, F. Political Elites in Azerbaijan. In Andreas Heinrich and Heiko Pleines (eds.) *Challenges of the Caspian Resource Boom. Domestic Elites and Policy-Making*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2012, pp. 117-130.

74. HALE, H. E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press, 2015. 538 p. ISBN 978-1-107-42313-8.
75. HEPBURN, E. Forging autonomy in a unitary state: The Åland Islands in Finland. In: *Comparative European Politics* [online]. 2014, nr. 12pp. 468-487 [citat 10.08.2020]. ISSN 1740-388X. Disponibil: https://www.researchgate.net/publication/263511707_Forging_autonomy_in_a_unitary_state_The_Åland_Islands_in_Finland; Williams, R. One Hundred Years of Solitude: The Significance of Land
76. HIGLEY, J., BURTON, M. The elite variable in democratic transitions and breakdowns. In: *American Sociological Review*. 1989, nr. 54, pp. 7-32.
77. HOGWOOD, P. Asymmetric Institutions and Politics of Devolution. In: *La Costituzione Britannica* [online]. 2005, pp. 409-426 [citat 10.09.2020]. ISBN 8834846788. Disponibil: <https://westminsterresearch.westminster.ac.uk/item/92ww4/the-asymmetric-institutions-and-politics-of-devolution>
78. HUNTER, F. *Top leadership, U.S.A.: Chapel Hill*. University of North Carolina Press, 1959, 224 p.
79. JAGLAND, T. Bring Moldova Back From the Brink In: *New York Times* [online]. 11 august 2015 [citat 16.11.2020]. Disponibil: https://www.nytimes.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=0
80. JÄRVE, P. Gagauzia and Moldova: experiences in power-Sharing. In: Weller M., Metzger B., eds. *Settling self-determination disputes: complex power-sharing in theory and practice*, Leiden: Brill, 2008, pp. 307-344. ISBN 978-9004164826.
81. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit, Prague, 7 V[online]. Brussels, 7 May, 2009 [citat 16.11.2020]. Disponibil: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf
82. KEATING, M. Brexit and the Territorial Constitution of the United Kingdom. In: *Droit et société*. 2018, nr. 98, pp. 53-69.
83. KELLER, S. Beyond the ruling class. Strategic elites in modern society. NY.: RandomHause, 1963. 327 p.
84. KOLSTØ, P., MALGIN, A. The Transnistrian republic: A case of politicized regionalism, Nationalities Papers. In: *Nationalities Papers* [online]. 1998, Vol. 26, nr. 1, pp. 103-127 [citat 25.12.2019]. ISSN 1465-3923. Disponibil: <http://dx.doi.org/10.1080/00905999808408553>

85. KOSIENKOWSKI, M. The Gagauz Republic: Internal Dynamics of De Facto Statehood. In: *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio K*, VOL. XXIV, Lublin Polonia, 2017. pp. 115-133.
86. KUZIO, T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple?. In: *Politics*. 2001, Vol 21 (3), pp. 168-177.
87. LAPIDOTH, R. *Autonomy: Flexible Solutions to ethnic Conflicts*. Washington: D.C., United States Institute of Peace Press, 1996. 33 p.
88. LASSWELL, H. D. *Power and Personality*. New York: Viking Press, 1962. 250 p. ISBN 978-1-4128-1032-6.
89. LASSWELL, H. D., LERNER, D., ROTHWELL, C. E. *The Elite Concept*. In: Bachrach P. *Political Elites in a Democracy*. New York: Atherton Press, 1971, pp. 13-26. ISBN 9780202363462.
90. MAZEPUS, H., DIMITROVA, A. [FREA](#), M. When Business and Politics Mix: Local Networks and Socio-political Transformations in Ukraine. In: *East European Politics and Societies and Cultures*. 2021, nr. 2, pp. 437-459.
91. MICHELS, R. Political parties: Sociological study of oligarchical tendencies of Modern Democracy. Kitchener: Batoche Books.. [online]. 2001, 266 p. Semantic Scholar. [citat 08.06.2020]. Disponibil: <https://socialsciences.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/michels/polipart.pdf>.
92. MIESEL, J. H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and The Elite. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1958. 432 p.
93. MOORE, S. The structure of a national elite network. In: *American Sociological Review*. 1979, nr. 44, pp 673-691. ISSN 0003-1224.
94. NI election results 2022: Sinn Féin wins most seats in historic election, <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-61355419>
95. NEURKIRCH, C. Coming closer to a solution in Moldova? In: *Helsinki Monitor*. 2003, vol. 14, nr. 4, pp. 333-342.
96. NEURKIRCH, C. Autonomy and Conflict Transformation: The Case of the Gagauz Territorial Autonomy in the Republic of Moldova. In: King G. (ed.) *Minority Governance in Europe*. 2002, Vol I, p. 23-105.
97. ONATE, P. The Members of the Spanish Autonomic Parliaments: Some Features of a Regional Professionalized Elite. In: *Pôle Sud*. 46 [online]. 2010, Vol. 33, Issue 2, pp. 27-46 [citat 08.06.2020].Disponibil: <https://www.cairn.info/revue-pole-sud-2010-2-page-27.htm>
98. O'BROHTA, W. Regional autonomy in rich regions: evidence from Ajara, Georgia. In: *Caucasus Survey*. 2017, nr. 6 (5), pp. 1-24.

99. PALLAVER, G. South Tyrol's Consociational Democracy: between Political Claim and Social Reality In: *Tolerance through Law: Self Governance and Group Rights in South Tyrol*. Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2007. 420 p. ISBN-10: 9004163026.
100. PROTSYK, O. Secession and hybrid regime politics in Transnistria. In: *Communist and Post-Communist Studies* [online]. 2012, nr. 45, pp. 175-182 [citat 23.07.2020]. Disponibil: <https://www.jstor.org/stable/48609671?seq=1>
101. PROTSYK, O. Gagauz autonomy in Moldova: the real and the virtual in post-Soviet state design. In: *Asymmetric Autonomy as a tool of Ethnic Conflict Settlement* [online]. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2010, pp. 231-251 [citat 11.11.2020]. ISBN 978-0-8122-0575-6. Disponibil: <http://www.policy.hu/protsyk/Publications/ProtsykGagAutonomy09fx.pdf>
102. PROTSYK, O., RIGAMONTI, V. Real and 'virtual' elements of power sharing in the post-soviet space: the case of the Gagauzian Autonomy. În: *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*[online]. 2007, Vol. 6 (1), pp. 1-22 [citat 11.11.2020]. Disponibil: www.ecmi.de/jemie/.../1-2007_Protsyk_and_Rigamonti.pdf.
103. PUTNAM, R. *The Comparative Study of Political Elites*. New Jersey: Prentice-Hall Inc, 1976. 260 p. ISBN 0131541951 9780131541955
104. PRINA, F. Shrinking autonomy for Tatarstan and Gagauzia: the perils of flexible institutional design. In: *Nicolini, M., Palermo, F. and Milano, E. eds. Law, Territory, and Conflict Resolution: Law as a Problem and Law as a Solution* [online] Brill: Leiden, 2016, pp. 244-269 [citat 18.06.2020]. ISBN 9789004311282. Disponibil: <http://eprints.gla.ac.uk/108097/>
105. RASSET, B., STARR, H. *World politics. Menu for Choice*. San Francisco: W. H. Freeman, 1981. 576 p. ISBN 10 0495410683.
106. RIESMAN, D. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. USA: Yale University Press, 2001, 364 p. ISBN: 0-300-00193-2
107. Rights for Cultural Protection in the Eland Islands. *Journal of Autonomy and Security Studies* [online]. 2018, nr. 2, pp. 50-81 [citat 11.05.2020]. ISSN 2489-4265. Disponibil: <https://jass.ax/wp-content/uploads/2018/06/JASS-Vol-2-I-Williams.pdf>
108. SAFRAN, W. Spatial and Functional Dimensions of Autonomy: Cross-National and Theoretical Perspectives. In: *Nationalism and Ethnic Politics*. 2000, pp. 11-34.
109. SCHMITTER, P. C., KARL, T. L. Concepts, Assumptions & Hypotheses about Democratization: Reflections on 'Stretching' from South to East [online]. 2002, Institute for International Studies, Stanford University [citat 14.05.2020]. Disponibil: <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/SPS/Profiles/Schmitter/Democratization.pdf>

110. STEINER, H. J. Ideals and Counter-Ideals in the Struggle over Autonomy Regimes for Minorities. In: *Notre Dame Law Review*. 1991, nr. 66, pp. 1539-1560.
111. STEPAN, A., LINZ, J., YADAV, Y. *Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. 336 p. ISBN 13-978-0-8018-9723-8.
112. STOLZ, K. The Political Class and Regional Institution-Building: A Conceptual Framework. In: *Regional & Federal Studies*. 2001, nr. 11 (1), pp. 80-100.
113. TALMAZAN, L. British Experience of Interaction between National and Regional Elites. In: *The International Scientific Conference: Business Management, Economics and Social Sciences*. Nuremberg, Germany. 2021. pp. 123-129.
114. TRONCONI, F. Sub-national political elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*, edited by H. Best and J. Higley [online]. 2017. ISBN 978-1-137-51903-0 [citat 16.05.2020]. Disponibil: https://www.academia.edu/34426106/Sub_national_political_elites
115. *The Bertelsmann Transformation Index*, Disponibil: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation>
116. *The Bertelsmann Transformation Index, Azerbaijan Country Report*, 2021, [online] Disponibil: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation>
117. *The Bertelsmann Transformation Index Armenia Country Report*, 2021, [online] Disponibil: <https://bti-project.org/en/reports/global/democracy-report>
118. *The Bertelsmann Transformation Index, Belarus Country Report*, 2021, [online] Disponibil: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation>
119. *The Bertelsmann Transformation Index, Georgia Country Report*, 2021, [online] Disponibil: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation> [citat 16.05.2022]
120. *The Bertelsmann Transformation Index, Moldova Country Report*, 2021, [online] Disponibil: <https://bti-project.org/en/index/political-transformation> [citat 16.02.2022]
121. *The Bertelsmann Transformation Index. Ukraine Country Report*, 2021, [online], Disponibil: <https://bti-project.org/en/reports/global/democracy-report> [citat 16.02.2022]
122. WOLFF, St. Idiosyncrasy or Foresight? PRE-1990 Cases of Territorial Autonomy in Europe. In: *Asymmetric Autonomy and the Settlement of Ethnic Conflicts* ed. by Marc Weller and Katherine Nobbs [online]. 2010, University of Pennsylvania Press [citat 09.07.2020]. Disponibil: <http://stefanwolff.com/wp-content/uploads/2010/05/Pre-1990-Cases-of-Territorial-Autonomy-in-Europe.pdf>

123. ZWEIGENHAFT, R. L., DOMHOFF, W. Diversity in the Power Elite: How It Happened, Why It Matters. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2006. 272 p. ISBN 978-0-7425-3698-2.

в) на немецком языке

124. PETERLINI, O. Autonomie und Minderheitenschutz in Südtirol und im Trentino, Überblick über Land und Geschichte, Recht und Politik. Bozen, Trien: Neue uberarbeitete Aufgabe, 2000. 391 p. ISBN 88-900077-4-5

г) на испанском языке

125. LINZ, J. J. Obras escogidas. Vol. 6. Partidos y élites políticas en España. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2013. 1185 p.

д) на украинском языке

126. ПРЕСНЯКОВ, І., РОМАНОВА, В. Стратегії регіональних політичних еліт в Україні, [online], Disponibil: <http://www.ji.lviv.ua/n45texts/presnyakov.htm>

127. СОКИРКА, Ю. Регіональний фактор у політичному процесі України, <http://postua.info/news.php?nid=3>

128. ШИРОКОВА, Э. О., ШИРОКОВА, М. С. Політична модернізація: теоретичні моделі та досвід України. В: *Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки*. 2013, Т. 18, Вип. 2, с. 108-118. ISSN 2304-1439.

е) на русском языке

129. 21-е заседание НСГ [online]. Народное собрание Гагаузии [citat 05.08.2020] Disponibil: <https://www.halktoplushu.md/index.php/novosti/957-21-e-zasedanie-nsg>

130. АЙВАЗЯН, Д. С. Россия, ЕС, США и реализация программы «Восточное партнёрство». Пример Армении. В: *Восточное партнёрство до и после Вильнюса: доклады Института Европы РАН*. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы РАН, 2014, № 301, с.79-87. ISBN 978-5-98163-032-3.

131. АЛЕШИН, А. А. Подходы политических элит Великобритании к национальной безопасности и обороне после Брекзита. В: *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019, Т. 20, № 4, с. 8-26.

132. АНДРЕЕВА, Г. Н. Конституционно-правовые основы автономии Южного Тироля (аналитический обзор). В: *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право*. 2017, № 4. с. 56-64. ISSN 2219-861X.

133. Антология мировой политической мысли. Том 2: Зарубежная политическая мысль, XX в. / ред.-сост. Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова. Москва: Мысль, 1997. 830 с. ISBN 5-244-00868-4. с. 59-67.
134. АФАНАСЬЕВ, М. Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. Москва; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 223 с. ISBN 5-89395-005-4.
135. АШИН, Г. К. Элитология в системе общественных наук. В: *Общественные науки и современность*. 2003, № 4, с. 124 -131. ISSN 0869-0499.
136. АШИН, Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. Москва: МГИМО-Университет, 2010. 598 с. ISBN 978-5-9228-0582-7.
137. БАЛУТА, Т. П. Политическая модернизация Украины в процессах современной трансформации. В: *Науковий вісник одеського національного економічного університету*. 2015, № 2, с. 171-179. ISSN 2409-9260.
138. БАРАНОВ, А. В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. Москва: Социально-политическая мысль, 2007. 191 с. ISBN 978-5-902168-94-2.
139. Барометр общественного мнения Республики Молдова [online]. Institutul de Politici Publice. [citat 30.10.2021]. Disponibil: <http://bop.ipp.md/ru>
140. Барометр общественного мнения Республики Молдова – июнь 2021 года [online].Institutul de Politici Publice. 2021 [citat 30.10.2021]. Disponibil: <http://bop.ipp.md/ru>
141. БАХЛОВА, О. В. Региональные политические элиты в системе коммуникаций федеративного государства. В: *Регионоведение*. 2011, № 1, с. 27-36.
142. БОГАТЫРЕВА, Е. Европейские модели регионализма. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. 2018, 171 с. ISBN 978-5-7996-2414-9
143. БОРКО, Ю. А. *Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее*. Москва: Ин-т Европы РАН, 2018. 70 с. ISBN 978-5-98163-113-9.
144. БОЦАН, И. Предвыборный контекст [online] e-Democracy.md, 2 сентября 2016 [citat 08.05.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/contextul-preelectoral/>
145. БОЦАН, И. 2010 политический год [online] e-Democracy.md, 31 декабря 2001 [citat 03.06.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/political-year-2010/>
146. БОЦАН, И. БОМ о социально-политической ситуации в канун местных выборов [online] e-Democracy.md, 25 мая 2015 [citat 26.10.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/bop-alegeri-locale-2015/>

147. БОЦАН, И. Выборы в Автономном территориальном образовании Гагаузии. В: *Молдова между Востоком и Западом: взгляд из Гагаузии и Тараклии: исследование* Института общественных Политик. Кишинев: Институт общественных Политик, 2016. 134 с.
148. БОЦАН, И. Многопартийность в Республике Молдова: энтропия развития. В: *Политическая наука*. 2006. № 1, с. 167-213. ISSN 1998-1775.
149. БОЦАН, И. Политический класс должен преодолеть барьеры, возникшие после президентских выборов [online] Пресс-агентство Ipn, 18 ноября 2020 [citat 08.05.2020]. Disponibil: https://www.ipn.md/ru/igor-botsan-politicheskiy-klass-dolzhen-preodolet-barery-voznikshie-posle-prezid-8004_1077760.html
150. БОЦАН, И. Политическое развитие Республики Молдова за десять лет независимости. В: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2001, Part XVII, с. 21-38. ISSN 1812-2566.
151. БОЦАН, И. Региональные партии и их эволюция в Республики Молдова. Комрат: ОО Пелигрим-Демо, 2018. 61 с.
152. БРАУН, М. Европа: Крайние правые в высшей лиге [online]. 2017 IPG-Journal.io [citat 09.08.2020]. Disponibil: <https://www.ipg-journal.io/regiony/evropa/krainie-pravye-v-vysshei-lige-381/>
153. БУСЫГИНА, И. М. Практика территориально-политического строительства в Испании и России: попытка сравнительного анализа В: *Казанский федералист*. 2003, № 3, с. 61-76. ISSN 2072-3512.
154. БЬЮКЕНЕН, А. Сепессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. Москва: Рудомино, 2001. 239 с. ISBN 5-7380-0145-1.
155. ВЕНДИК, Ю. Выборы парламента Шотландии: сепаратисты готовятся к выборам и новому референдуму о независимости [online] Русская служба Би-би-си, 5 мая 2021 [citat 26.06.2020]. Disponibil: <https://www.bbc.com/russian/features-56982527>
156. ВЕРНЬЕ, Ж. Испания как составное государство. В: *Казанский федералист*. 2003, № 3, с. 61-76. ISSN 2072-3512.
157. ВИСЕНС, Е. От национальности к нации, или уроки национализма. В: *Испания – Каталония: империя и реальность*. Москва: Информационное агентство REGNUM, 2007. 92 с. ISBN 978-5-91150-021-4.
158. ВОЛКОВА, Г. И. Баскский терроризм и политика регионального автономизма в Испании. В: *Мировая экономика и международные отношения*. 2002, № 2, с. 93-97. ISSN 0131-2227.

159. ВОЛКОВА, Г. И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. Москва: «ООО «МАКС Пресс», 2011. 328 с. ISBN 978-5-317-03862-5.
160. Выборы в Народное собрание Гагаузии 20 ноября и 4 декабря 2016 года [online] e-Democracy.md [citat 26.06.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/gagauzia/2016/>
161. Выборы в Народное собрание Гагаузии 9 и 23 сентября 2012 года [online] e-Democracy.md [citat 26.06.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/gagauzia/2012/>
162. Выборы парламента Шотландии: сепаратисты готовятся к выборам и новому референдуму о независимости [online]. BBCNEWS русская служба [citat 26.10.2020]. Disponibil: <https://www.bbc.com/russian/features-56982527>
163. ГАГАУЗ, Ф. Молдавско-гагаузский диалог: бесконечная имитация [online] Информационное агентство REGNUM, 23 ноября 2015 [citat 14.08.2020]. Disponibil: regnum.ru/news/polit/2018760.html
164. Гагаузии затягивают статус. Почему автономия три года ждет обещанных Кишиневом законов [online] Информационное агентство NewsMaker, 29 декабря 2018 [citat 12.08.2020]. Disponibil: <https://newsmaker.md/rus/novosti/gagauzii-zatyagivayut-status-pochemu-avtonomiya-tri-goda-zhdet-obeshchannyh-kishin-40939/>
165. Гагаузия в ожидании выборов: социологический портрет населения [online] Новостной портал Gagauzinfo.md, 15 октября 2018 [citat 15.10.2018]. Disponibil: <https://gagauzinfo.md/top2/43152-gagauziya-v-ozhidanii-vyborov-sociologicheskiy-portret-op-ed.html>
166. Гагаузия хочет, чтобы ей вернули автономию [online] Независимая газета, 21 октября 2019 [citat 12.08.2020]. Disponibil: http://www.ng.ru/cis/2019-10-21/1_7707_return.html
167. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О. В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Часть I. В: *Полис. Политические исследования*. 2008, № 6, с. 67-85. ISSN 1026-9487.
168. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О. Определение основных понятий элитологии. В: *Полис*. 2000, № 3, с. 97-103. ISSN 1026-9487.
169. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О. Современные подходы к пониманию феномена политической профессионализации. В: *Сравнительная политология: трансформации мирового порядка, региональных режимов и государственности*: мат-лы VII Конвента

РАМИ, Москва, 28-29 сентября 2012. Москва: Аспект Пресс, МГИМО-Университет, 2013. 111 с. ISBN 978-5-7567-0708-3.

170. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О. В. Политические элиты в фокусе отечественных исследований. В: *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии*. Москва: Аспект Пресс, 2015. 464 с. ISBN 978-5-7567-0813-4.

171. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. В: *Политическая наука*. 2016, № 2, с. 38-73. ISSN 1998-1775.

172. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, О. В. *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. Москва: РОССПЭН, 2006. 448 с. ISBN 5-8243-0805-5.

173. ГЕГЕЛАШВИЛИ, Н. А. Итоги Вильнюсского саммита: кавказское измерение. В: *Восточное партнёрство до и после Вильнюса*: доклады Института Европы РАН. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук. 2014, № 301. с.73-79. ISBN 978-5-98163-032-3.

174. ГЕЛЬМАН, В. Я., ТАРУСИНА, И. Г. Изучение политических элит России: проблемы и альтернативы. В: *Политическая наука*. 2003, № 1, с. 53-78. ISSN 1998-1775.

175. ГЕЛЬМАН, В. Я. Россия регионов: трансформация политических режимов /под ред. В. Я. Гельман, С. И. Рыженков, М. Бри. Москва: Весь мир, 2000. 376 с.

176. ДАЛЬ, Р. Полиархия, плюрализм и пространство. В: *Вопросы философии*. 1994, № 3, с. 37-48. ISSN 0042-8744.

177. ДАНИЛОВ, В. *Лекции по теории игр*: Конспект лекций. Москва: Российская экономическая школа, 2002. 140 с. ISBN 5-8211-0193-X.

178. ДАЦЮК, С. Центральная, региональная и городская элиты [online] [citat 15.08.2022]. Disponibil: <http://www.ji.lviv.ua/n45texts/daciuk1.htm>

179. Детерминанты и перспективы политики европейской интеграции Республики Молдова / науч. ред. П. Байор. Краков: Ksiegarnia Akademicka, 2014. 199 с. ISBN 978-83-7638-646-1.

180. *Деятельность Народного Собрания Гагаузии с точки зрения жителей региона»: качественное социологическое исследование*, сентябрь 2016 [online]. Пилигрим-Демо, 2016. 37 с. [citat 15.10.2020]. Disponibil: <http://piligrim-demo.org.md/category/cercetare>.

181. ДЖАФАРЛИ, Э. Конституционно-правовые и политические основы Нахчыванской автономии. В: *International and Practical Conference «World Science»*. 2017, Vol. 3, № 8 (24), с. 35-40.

182. ДУКА, А. Исследование элит: поиск теоретических оснований. В: *Власть и элиты*. 2014, Т. 1, с. 399-436. ISSN 2410-9517.

183. ДУКА, А. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит. В: *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008, № 1, с. 50-70. ISSN 1029-8053.
184. ЕРЕМИНА, Н. В. Регионализм и регионализация как основа европейской интеграции. В: *Общественные науки*. 2010, № 3, с. 138-149. ISSN 2079-5505.
185. Есть ли у России национальная элита: материалы круглого стола журнала «Москва». В: *Россия и мусульманский мир*. 2010, № 4, с. 17-35. ISSN 1998-1813.
186. ЖУК, В. Демократизация политической системы в Республике Молдова в контексте оценки европейских перспектив. В: *Процессы демократизации Республики Молдова: реалии, тенденции, перспективы*: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Кишинев, 20 мая 2014. Кишинев, 2014, с. 26-30 [online] Электронная библиотека Docplayer [citat 28.07.2020]. Disponibil: <https://docplayer.com/43425168-Processy-demokratizacii-v-respublike-moldova-realii-tendencii-perspektivy.html>
187. Закон Грузии «О статусе Аджарской автономной Республики»: № 305 от 12.10.2017 [online]. Законодательный Вестник Грузии [citat 28.09.2020]. Disponibil: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/3811829?publication=0>
188. Закон о местном публичном управлении: № 436 от 28.12.2006. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2007, nr. 32-35.
189. Закон об административной децентрализации: № 435 от 28.12.2006. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2007, nr. 29-31.
190. Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери): № 344 от 23.12.1994. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 1995, nr. 3-4.
191. Закон о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты: № 154 от 20.07.2021. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2017, nr. 253-264, 422.
192. Закон о внесении изменений в некоторые законодательные акты: № 113 от 15.08.2019. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2019, nr. 260.
193. Закон о Правительстве: № 136 от 07.07.2017. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2017, nr. 252.
194. Закон о региональном развитии в Республике Молдова: № 438 от 28.12.2006. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2007, nr. 21-24, 68.
195. Закон о принятии Регламента Парламента: № 797 от 02.04.1996. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2007, nr. 50.
196. Закон о статусе депутата Парламента: № 39 от 07.04.1994. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 1994, nr. 4.
197. Закон «Об Исполнительном Комитете Гагаузии»: № 31-XXXII/I от 09.07.1998 [online]. Народное Собрание Гагаузии [citat 28.10.2020].

Disponibil:<https://www.halktoplushu.md/index.php/zakonodatelstvo-ato/zakony-ato-gagauziya/214-2011-04-11-08-18-52>

198. Закон АТО Гагаузия «О Регламенте Народного Собрания Гагаузии»: № 2-I/V от 12.12.2012 [online]. Народное Собрание Гагаузии [citat 15.05.2020]. Disponibil:<https://www.halktoplushu.md/index.php/reglament-narodnogo-sobraniya-gagauzii>

199. Закон АТО Гагаузия «О выборах главы (Башкана) Гагаузии (Гагауз-Ери)»: № 32-XXXIII/I от 11.09.1998[online]. Народное Собрание Гагаузии [citat 03.12.2020]. Disponibil:<https://halktoplushu.md/index.php/zakony-ato-gagauziya/193-2011-03-01-07-27-20>

200. ЗАСЛАВСКАЯ, Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса. В: *Кто и куда стремится вести Россию?...*: Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Междунар. симп., 19-20 янв. 2001. Москва: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. 383 с. ISBN 5-93725-004-4.

201. ЗАСЛАВСКАЯ, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Москва: Дело, 2004. 400 с. ISBN 5-7749-0366-4.

202. Избирательный Кодекс Автономного территориального образования Гагаузия (Гагауз Ери): №60-XXVII/V от 31.07.2015[online]. Народное Собрание Гагаузии [citat 15.09.2020]. Disponibil:<https://halktoplushu.md/index.php/zakony-ato-gagauziya/1174-izbiratelnyj-kodeks>

203. Интервью Михаила Сиркели для Newsmaker.md [online] Newsmaker.md [citat 30.07.2020]. Disponibil: Pilgrim-dem.org/publicatii/interview-mihail-sircheli-for-newsmaker/

204. ИРХИН, Ю. В. Политические элиты: вчера, сегодня, завтра. В: *Социально-гуманитарные знания*, 2008, № 2, с. 112-141.

205. Испания: траектория модернизации на исходе XX в. Москва: Ин-т Лат. Америки, 2006, 496 с. ISBN 5-201-05417-X.

206. Итальянский суд приостановил выдачу Испании экс-главы Каталонии Пучдемона [online]. Медиакомпания WD [citat 23.08.2020]. Disponibil: <https://www.dw.com/ru/italjanskij-sud-priostanovil-vydachu-ispanii-jeks-glavy-katalonii-puchdemon/a-59403715>

207. КАБИЦКИЙ, М. Е., РУДНИК. С. М. Современный испанский автономизм: достижения, проблемы, перспективы. В: *Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им М. В. Ломоносова*. 2019, № 1, с. 14-29. ISSN 2410-4671.

208. КАЗАКОВ, М. А., ЛЫСЦЕВ, М. С. Особенности регионального политического процесса и стратегии элит территорий на современном этапе. В: *Социально-политические ресурсы устойчивого развития в ситуации экономического спада*.

Региональные аспекты в сравнительной перспективе. Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2010. 248 с. ISBN 978-5-85152-862-0.

209. Какой политик пользуется наибольшим доверием населения Молдовы? Опрос IRI [online]. Nokta.md [citat 12.11.2020]. Disponibil: <https://nokta.md/kakoj-politik-polzuetsya-naibolshim-doveriem-naseleniya-moldovy-opros-iri/>

210. КЕРНЕС, Г. А. Потенциал региональной элиты в Украине: модернизация организационно-правовых основ. В: *Современные проблемы науки и образования*. 2013, № 4. 404 с.

211. КОВАЛЕНКО, Д. А. Территориально-политическая специфика формирования региональных элит Украины. В: *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017, № 4-4, с. 45-48.

212. Кодекс о выборах: №1381 от 21.11.1997. В *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, nr. 81.

213. КОЖАНОВСКИЙ, А. Н. Испания: этнический фактор и административные границы. В: *Общественные науки и современность*. 2002, № 6, с. 78-89. ISSN 0869-0499.

214. КОЛЕСНИК, Н. В. Исследование региональной элиты в России: история вопроса и эмпирические опыты. В: *Управленческое консультирование*. 2012, №3, с. 56-70. ISSN 1726-1139.

215. Конституция Грузии: № 786 от 24.08.1995 [online] Законодательный Вестник Грузии [citat 15.08.2020] Disponibil: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>

216. Конституция Итальянской Республики: от 22.12.1947 [online]. Конституция Италии [citat 13.10.2020]. Disponibil: <https://www.russia-italia.com/documenti/costituzioneitalianarusso.pdf>

217. Конституция Королевства Испании: от 27.12.1978 [online]. Юридическое агенство Legal. NS [citat 15.11.2020]. Disponibil: <https://legalns.com/>

218. Конституция Нахчыванской Автономной Республики: от 29.12.1998 [online]. Disponibil: <https://worldconstitutions.ru/?p=178>

219. Конституция Республики Молдова: от 29.07.1994. В: *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, 2016, nr. 78.

220. КРЫШТАНОВСКАЯ, О. *Анатомия российской элиты*. Москва: Захаров, 2005. 384 с. ISBN 5-8159-0457-0.

221. КРЯНГЭ, И. Совершенствование законодательства АТО Гагаузия – ключ к успеху в развитии региона: выступление на Международной конференции «SHIFT: функциональные решения для территориальной автономии Гагауз Ери», Авдарма,

16 февраля 2016 [online] Pilgrim-demo [citat 15.08.2020] Disponibil: <https://pilgrim-demo.org.md/noutati/shift/>

222. КУЙЖУКЛУ, Е. Автономия Гагауз-Ери: функционирование в контексте реализации статуса. В: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2015, № 2, с. 7-33. ISSN 1812-2566.

223. КУЙЖУКЛУ, Е., СИРКЕЛИ, М. Освоение статуса автономии Гагауз Ери: вызовы и перспективы[online].Pilgrim-demo [citat 14.09.2020]. Disponibil: <https://pilgrim-demo.org.md/wp-content/uploads/2015/07/>

224. КУЛИЕВ, Э. К вопросу о модернизации в Азербайджане: светское и религиозное в современном обществе. В: *Кавказ и глобализация*. 2010, Т. 4, № 1-2, с. 170-193. ISSN 1817-7100.

225. КУЗНЕЦОВ, О. Значение международно-правовых договоров в институционализации политико-правового статуса Нахичеванской автономии в составе Азербайджана (К 90-летию провозглашения Нахичеванской Автономной Советской Социалистической Республики). В: *Кавказ и глобализация*. 2014, Т. 8, Вып. 1-2, с. 171-184.

226. КУХИАНИДЗЕ, А. Демократия и политическая трансформация в Грузии (1991-2018). В: *Восток Европы*. 2018, Т. 4, № 2, с. 137-155. ISSN 2450-4866.

227. КЫРНАЦ, Т. *Конституционное право*. Кишинэу, 2005. 271 с.

228. ЛАПИНА, Н. Ю. *Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе*: автореф. дис. д-ра полит.наук. Москва, 2004. 39 с.

229. ЛАПИНА, Н. Ю., ЧИРИКОВА, А. Е. *Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1999. 192 с. ISBN 5-248-00236-2.

230. ЛАПИНА, Н. Ю., ЧИРИКОВА, А. Е. *Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор*. Москва: РАН ИНИОН, 2000. 198 с. ISBN 5-248-00235-4.

231. ЛЕЙПХАРТ, А. *Демократия в многосоставных обществах*. Москва: Аспект-Пресс, 1997. 287 с. ISBN 5-7567-0208-3.

232. МАКИАВЕЛЛИ, Н. *Государь*. Москва: Эксмо, 2008. 512 с. ISBN 978-5-699-24958-9.

233. МАГОМЕДОВ, А. *Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания снизу*. Москва: Московский общественный научный фонд Москва, 2000. 240 с. ISBN 9-7859-3101-067-0.

234. МАХОВА, А. В. Итальянский регионализм: Лига Севера (история и специфика партии). В: *Клио*. 2013, № 11 (83), с. 51-58.
235. МЕКВАБИШВИЛИ, Э. Г. «Блеск и нищета» авторитарного модернизма: опыт Грузии. В: *Universum: общественные науки: электрон. научн. журн.* [online]. 2017, № 3, с. 43-47. [citat 18.08.2020]. Disponibil: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4516>. ISSN 2311-5327.
236. МЕЛЕШКИНА, Е. Социальная стратификация и политическая элита. В: *Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. уч. материалов / под ред. Е. Ю. Мелешкиной*. Москва: ИНФРА-М; Весь Мир, 2001, с. 67-84. ISBN 5-16-000671-0.
237. МИЛЛС, Ч. *Властвующая элита*. Москва: Директмедиа Паблишинг, 2007. 845 с. ISBN. 978-5-94865-923-7.
238. МИРОНОВА, С. *Политические отношения Автономного территориального образования Гагаузия (Гагауз-Ери) с органами центрального управления Республики Молдова: отношения и перспективы: дис. д-ра полит. наук*. К., 2011. 183 с.
239. МИХЕЛЬС, Р. Демократия и железный закон олигархии: глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии». В: *Диалог*. 1991, № 3, с. 42-46. ISSN 2073-7564.
240. *Мнение по праву «Об изменениях и дополнениях к Конституции Республики Молдова, в частности касающихся статуса Гагаузии»*: Принято Венецианской комиссией на ее 50-ом Пленуме, Венеция, 8-9 марта 2002 [online]. Народное собрание Гагаузии, 21.05.2014 [citat 05.06.2020]. Disponibil: <https://halktoplushu.md/index.php/mnenie-venitsianskoj-komissii-venice-8-9-march-2002/952-mnenie-venitsianskoj-komissii-na-russkom-yazyke>
241. *Молдова между Востоком и Западом: взгляд из Гагаузии и Тараклии: исследование Института Общественных Политик*. Кишинев: Институт Общественных Политик, 2016. 134 с.
242. МОЛЧАКОВ, Н. Ю. Британский регионализм: особенности конституционной модели территориальной организации публичной власти. В: *Евразийский юридический журнал*. 2018, № 3, с. 170-174. ISSN 2073-4506.
243. МОСКА, Г. Правящий класс В: *Социс*. 1994, № 10, с. 187-197. ISSN 0132-1625.
244. МОХОВ, В. П. *Введение в элитологию российского общества*. Пермь: Западно-Уральский ин-т экономики и права, 2007. 230 с. ISBN 5-7944-0296-2.

245. МОХОВ, В. П. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции. В: *На путях политической трансформации*. Москва: МОНФ, 1997, Вып. 8, Ч. 2, с. 85-96.
246. МОШНЯГА, В. Партийно-политическое развитие Молдовы за 10 лет независимости. В: *Moldoscopia (Probleme de analiză politică)*. 2002, № 2, с. 23-82. ISSN 1812-2566.
247. МОШНЯГА, В. Политические партии и партийная система Республики Молдовы: трансформационный контекст. В: *Moldoscopia (Probleme de analiză politică)*. 2003, № 3, с. 3-66. ISSN 1812-2566.
248. МОШНЯГА, В., РУСНАК, Г., ТУРКО, Т., ЗАВТУР, К. Власть и оппозиция в контексте политической системы. В: *Moldoscopia (Probleme de analiză politică)*. 2007, № 1, с. 48-63. ISSN 1812-2566.
249. *Нахичевань в контексте реконструкции власти в Азербайджане* [online]. Независимое издание NEWCAUCASUS.COM [citat 27.05.2020]. Disponibil: <https://newcaucasus.com/politics/18989-nahichevan-v-kontekste-rekonstruktsii-vlasti-v-azerbaydzane.html>
250. НИКОВСКАЯ, Л. И., МОЛОКОВА, М. А. Элиты в России: обновление и возможности конкуренции. В: *Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете*: материалы Международного конгресса, Астрахань, 19-22 апреля 2017. Астрахань, 2017. 364 с. ISBN 978-5-9926-0993-6.
251. *Органический закон Грузии «Об утверждении Конституции Аджарской Автономной Республики»*: № 232 от 15.07.2008 [online]. Законодательный Вестник Грузии [citat 07.09.2020]. Disponibil: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/18940>
252. *Общественное движение «Единая Гагаузия»* [online]. Газета Русское слово, 2013 [citat 07.08.2020]. Disponibil: <https://russkie.md/obshestvennoe-dvijenie-edinaia-gagauzia/>
253. ОРТЕГА-И-ГАССЕТ, Х. Восстание масс. В: *Вопросы философии*. 1989, № 3, с. 119-154. ISSN 0042-8744.
254. ПАРЕТО, В. *Социалистические системы*. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 715 с. ISBN 978-5-369-01774-6.
255. ПАРЕТО, В. Трактат по общей социологии. В: *Антология мировой политической мысли*. Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в. / ред.-сост. Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова. Москва: Мысль, 1997. 830 с. ISBN 5-244-00868-4.
256. ПАШАЕВА, Г. Модели автономий в Европе и перспективы урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе. В: *Кавказ и глобализация*. 2012, Т. 6, № 4, с. 7-17.

257. ПИРЕН, М. Украинская элита и проблемы модернизации общества. В: *Универсум*. 2000, № 3-4, с. 11-16.
258. ПЛЯЙС, Я. А. *Политическая элита России: тенденции развития и современные особенности: Аналитический обзор*. Ростов на Дону: СКАГС, 2004. 52 с.
259. ПУТИНЦЕВ, И. С. *Особенности внутривластного политического развития Молдавии в постсоветский период*: дисс. канд. ист. наук. Москва, 2018. 325 с.
260. *Региональные элиты в процессе современной российской федерализации: доклады и сообщения на международной конференции*. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2001. 256 с. ISBN 5895461492 9785895461495
261. *Региональные партии и их эволюция в Республике Молдова*. Комрат, 2018. 61 с.
262. Результаты выборов в Гагаузии и постэлекторальная ситуация[online]. Democracy. Md, 20 января 2011 [цитат 30.07.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/results-elections-gagauzia-2010/>
263. Результаты выборов в Гагаузии: За Ирину Влах проголосовали почти 92 % избирателей [online] Новостной портал Point.md, 1 июля 2019 [цитат 23.06.2020]. Disponibil: <https://point.md/ru/novosti/politika/rezultaty-vyborov-v-gagauzii-za-irinu-vlakh-progolosovali-pochti-92-izbiratelei>
264. Результаты выборов в Народное собрание Гагаузии 16 и 30 марта 2008 года [online].Democracy. Md, [цитат 18.06.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/gagauzia/2008/results/>
265. Референдум в Гагаузии: за отложенный статус и ТС проголосовало почти 100% населения [online]. Новостной портал Gagauzinfo.md, 3 февраля 2014 [цитат 31.07.2020]. Disponibil: <https://gagauzinfo.md/index.php?newsid=11007>
266. РОМАНОВА, В., УМЛАНД, А. Реформа децентрализации в Украине в 2014–2019 гг.: первые достижения и будущие вызовы. В: *Ідеологія і політика*. 2019, № 3 (14), с. 148-169.
267. РУДНИЦКАЯ, А. П., ГЛИННИК, Ю. А. Процессы регионализации в странах Европейского Союза: вызовы и тенденции. В: *PolitBook*. 2016, № 1, с. 92-107.
268. РЫБАЛКА, С. В. Региональные политические элиты в процессах политической модернизации: структурные предпосылки и проблемы трансформации. В: *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015, № 7-8, с. 73-77. ISSN 2310-5593.
269. РЫБАЛКА, С. В. Особенности формирования и функционирования региональных политических элит в современной Украине. В: *Грани*. 2015, № 8, с. 47-52.

270. РЯБОВ, А. Демократизация и модернизация в контексте трансформаций постсоветских стран. В: *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века* / ред. В. Л. Иноземцев. Москва: Европа, 2010, с.183-200 318 с.
271. САКА, В. Посткоммунистическая системная трансформация между властными и оппозиционными интересами: молдавский вариант. В: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2005, № 1, с. 109-129. ISSN 1812-2566.
272. САЛАМОН, Э. Выборы о независимости Шотландии. В: *IPG - Международная политика и общество* [online] 5 мая 2021 [citat 23.10.2021]. Disponibil: <https://www.ipg-journal.io/regiony/evropa/vybory-o-nezavisimosti-shotlandii-1291>
273. САРТОРИ, Дж. Вертикальная демократия. В: *Полис*. 1993, № 2, с. 80-89. ISSN 1026-9487.
274. СИРКЕЛИ, М. Власть не хочет делиться властью [online]. Новостной портал Newsmaker.md, 16 февраля 2016 [citat 30.07.2020]. Disponibil: <https://newsmaker.md/rus/novosti/mihail-sirkeli-vlast-ne-hochet-delitsya-vlastyu-22489/>
275. СМИЩЕНКО, Р. Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе. В: *Известия Алтайского государственного университета*, 2011, № 4-2 (72), с. 34-38.
276. СОЛОВЬЕВ, В. Политик вместо политики. Почему Россия проигрывает выборы в Молдавии [online]. Московский центр Карнеги, 13 ноября 2020 [citat 17.11.2020]. Disponibil: <https://carnegie.ru/commentary/83216>
277. Список депутатов, избранных 22 марта 1998 года в Парламент Республики Молдова [online].E-democracy [citat 08.05.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1998/members-parliament/>
278. Список депутатов, избранных 25 февраля 2001 года в Парламент Республики Молдова [online].E-democracy [citat 08.05.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2001/members-parliament/>
279. Список депутатов, избранных 27 февраля 1994 года в Парламент Республики Молдова [online].E-democracy [citat 08.05.2020]. Disponibil: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1994/members-parliament/>
280. Список депутатов, избранных 6 марта 2005 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2005/>
281. Список депутатов, избранных 29 июля 2009 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/20092/members-parliament/>

282. Список депутатов, избранных 28 ноября 2010 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2010/members-parliament/>
283. Список депутатов, избранных 30 ноября 2014 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2014/members-parliament/>
284. Alegerile parlamentare din 2019 în Republica Moldova, http://alegeri.md/w/Alegerile_parlamentare_din_2019_%C3%AEn_Republica_Moldova (дата обращения 8.05.2020);
285. Alegerile parlamentare din 2021 în Republica Moldova, https://alegeri.md/w/Alegerile_parlamentare_din_2021_%C3%AEn_Republica_Moldova (дата обращения 8.09.2021);
286. СТЕРКУЛ, Н. Об историческом опыте модернизационных процессов в мировой социально-политической практике. В: *Moldoscopie (Publicație periodică științifico-practică)*. 2020, № 2 (89), с. 89-98. ISSN 1812-2566.
287. СТЕРКУЛ, Н. Об особенностях европейской политики в странах Восточного партнерства: процессы модернизации и реформ. В: *Moldospopie (Probleme de analiză politică)*. 2018, № 4 (LXXXIII), с. 199-209. ISSN 1812-2566.
288. Страна басков и Каталония начинают год с усиленными требованиями о суверенитете 1 января 2013 года. [online]. Way-Tospain. Ru, 14 января 2013 [цитат 12.10.2020]. Disponibil: <http://way-tospain.ru/strana-baskov-i-kataloniya-nachinayut-god-s-usilennymi-trebovaniyami-o-suverenitete-1-yanvary-2013-goda.html>.
289. ТАЛМАЗАН, Л. Теоретические подходы к исследованию моделей поведения политической элиты. В: *Moldospopie (Probleme de analiză politică)*. 2020, № 4 (91), с. 104-112. ISSN 1812-2566.
290. ТАЛМАЗАН, Л. Этапы формирования национальной политической элиты Республики Молдова в период с 1990–2020 гг. В: *Studia Universitatis Moldaviae. Seria «Științe sociale»*. 2022, № 3 (153), с. 221-229. ISSN 1814-3199.
291. ТАЛМАЗАН, Л. Роль политической элиты в управлении социальными проектами. În: *Intergrare prin ceretare și inovare*. 9-10 noiembrie 2017. Conferința științifică națională cu *participare internațională*. 9-10 noiembrie 2017. Chisinau, 2017, с. 336-339. ISBN 978-9975-71-701-4.
292. ТАЛМАЗАН, Л. Взаимодействие региональных и национальных политических элит: европейский опыт. В: *Провинциальное в современном социокультурном пространстве*: сб. статей по материалам Международной научно-практич. конференции. Орловский государственный университет. Орел, 2019, с. 53-73. ISBN 978-5-9929-0680-6

293. ТАЛМАЗАН, Л., ТУРКО, Т. Специфика формирования региональной политической элиты в Республике Молдова. În: Conferința Științifică Internațională «Știința politică și administrativă: provocări globale, soluții locale» Manifestare dedicată celei de-a 25-a aniversări a Facultății Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Chișinău, 13 noiembrie 2020, p.101-108. ISBN: 978-9975-3459-7-2
294. ТАЛМАЗАН, Л. Место и роль национальной и региональной политической элиты в демократическом и модернизационном процессах в странах Восточного Партнерства. В: *Studia Universitatis Moldaviae. Seria «Științe sociale»*. 2022, № 8 (158), с. 258-269. ISSN 1814-3199.
295. Топ политиков, которым молдаване больше всего доверяют (опрос) [online]. 29 июня 2020 [citat 23.07.2020]. Disponibil: <https://ru.diez.md/2020/06/29/opros-top-politikov-kotorym-moldavane-bolyshe-vsego-doverayut/>
296. ТУРКО, Т., ЗАВТУР, К. Власть и оппозиция в контексте политической системы. В: *Puterea și opoziția în contextul managementului politic*. Iași: Pan Europe, 2005, p.193-205.
297. ТУРОВСКИЙ, Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований. В: *Полис*. 2001, № 1, с. 138-156.
298. УБИЛАВА, И. Д. Политическая элита Грузии и механизмы ее формирования. В: *PolitBook*. 2018, № 1, с. 128-149.
299. Уложение Гагаузии (Гагауз Ери): от 14.05.1998[online]. Народное собрание Гагаузии [citat 11.08.2020]. Disponibil: <https://www.halktoplushu.md/index.php/ulozhenie-gagauzii>
300. ФИЛИППОВА, Е. Ю. Аджария (Грузия). Москва: Проект Российского научного фонда, 2017. 21 с.
301. ФЛОРЯ, К. Парламент с истекшим «сроком полномочий» [online]. Информационный портал Noi.md, 3 декабря 2018 [citat 11.05.2020]. Disponibil: <https://noi.md/ru/analitika/parlament-s-istyokshim-srokom-polnomochij>
302. ХЕНКИН, С. М. Государство автономий: проблемы и перспективы. В: *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: мат-лы 4-го Конвента РАМИ в 10 т. Т. 7. Испания и Латинская Америка в мировой политике*. Москва: МГИМО, 2007. 148 с. ISBN 978-5-9228-0308-3.
303. ХЕНКИН, С. М. Правящая элита Испании: политические практики и социальный облик. В: *Актуальные проблемы Европы*. 2017, № 2, с. 127-148.
304. ХИГЛИ, Дж. Демократия и элиты. В: *Полития*. 2006, № 2, с. 22-31. ISSN 2078-5089.

305. ХИГЛИ, Дж. Революционные элиты. В: *Сравнительная политика*. 2012, № 2, с. 2-29. ISSN 2221-3279.
306. ХОЛДОРОВ, О. Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории. В: *Вестник Поволжского института управления*. 2016, № 4, с. 128-133. ISSN 1682-2358.
307. ХОФФМАН-ЛАНГЕ, У. Элиты и демократизация: германский опыт. В: *Социологические исследования*. 1996, № 4, с. 50-57. ISSN 0132-1625.
308. ЦВЯТКОВ, Н. «Восточное партнерство» Между идеальным и реальным в практической политике ЕС и Республики Молдова». В: *Восточное партнерство: цели – опыты – вызовы*. Краков: Księgarnia akademicka, 2013. 441 с. ISBN 978-83-7638-419-1.
309. ЦВЯТКОВ, Н. Голос Гагаузии. Гагаузская автономия глазами её жителей. Кишинев: IntellectGroup, 2015. 102 с. ISBN 978-9975-3071-0-9.
310. ЦВЯТКОВ, Н., ГОРБАН, А. Внешнеполитические ориентиры гагаузского региона Республики Молдова: анализ и перспективы. В: *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. 2015, № 2, с. 92-103. ISSN 1812-2566.
311. ЧЕДИЯ, Б. Основные тенденции циркуляции политической элиты Грузии. В: *Центральная Азия и Кавказ*. 2015, № 3-4, с. 48-57. ISSN 1403-7068.
312. Члены движения «Новая Гагаузия» вступили в Демпартию [online]. Комсомольская правда, 24 ноября 2012 [citat 07.08.2020]. Disponibil: <https://www.kp.md/daily/25990/2920691/>
313. ШУМИЛОВ, М. М., ШМИДТ, О. И. Южнотирольский вопрос как фактор межгосударственных отношений Италии и Австрии. В: *Управленческое консультирование*. 2020, № 6, с. 64–81. ISSN 1726-1139.
314. ШУМПЕТЕР, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: ЭКСМО, 2007. 861 с. ISBN 978-5-699-19290-8.
315. ЭЛЕЙЗЕР, Д. Дж. Сравнительный федерализм. В: *Полис*. 1995, № 5, с. 106-115.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица 2.1. Индекс стран Восточного партнерства по показателю «Глубокая и устойчивая демократия»

Страна	Index-2014	Index-2015-2016	Index-2017	Index-2020-2021
Азербайджан	0.30	0.32	0.32	0.35
Армения	0.60	0.58	0.60	0.73
Беларусь	0.27	0.28	0.27	0.31
Грузия	0.73	0.71	0.70	0.70
Молдова	0.77	0.71	0.69	0.71
Украина	0.61	0.70	0.71	0.69

Источник: Eastern Partnership Index 2014, <https://eap-csf.eu/eastern-partnership-index/>; Eastern Partnership Index 2015-2016, <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2015-2016.pdf>; Eastern Partnership Index 2017, <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2017.pdf>; Eastern Partnership Index 2020-2021, <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/EaP-Index-2020-2021.pdf>

Таблица 2.2. Индекс трансформации Бертельсманна стран-участниц Восточного партнерства, 2020 г.

<i>Страна</i>	<i>Место в рейтинге / значение индекса</i>	<i>Рейтинг состояния демократии</i>	<i>Рейтинг состояния экономики</i>	<i>Индекс управления</i>
Армения	35	34	43	55
	6.69	7.10	6.29	5.29
Азербайджан	98	113	76	98
	4.34	3.43	5.25	4.0
Беларусь	88	88	74	105
	4.89	4.38	5.39	3.71
Грузия	43	46	47	36
	6.39	6.60	6.18	5.83
Молдова	61	65	60	70
	5.78	5.80	5.75	4.87
Украина	30	38	31	44
	6.81	6.90	6.71	5.52

Источник: The Bertelsmann Transformation Index 2020; <https://bti-project.org/en/index/political-transformation>

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Таблица 3.1. Политико-социологический портрет Парламента Республики Молдова

Год выборов	Кол-во депутатов	Беспартийные	Женщины	Средний возраст	Кишинев	Районы	Новоизбранные
1994	104	-	4	48,0	65	39	-
1998	101	14	8	48,2	74	27	79
2001	101	25	10	52,9	69	32	66
2005	101	18	21	50,4	67	34	70
5.04. 2009	101	14	24	48,2	67	34	72
29.07. 2009	101	14	25	47,1	74	27	34
2010	101	11	19	46,5	70	31	40
2014	101	6	22	48,0	78	23	61
2019	101	-	26	48,1	86	15	71
2021	101	4	40		63	38	

Подсчитано автором по: Список депутатов, избранных 27 февраля 1994 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1994/members-parliament/>;

Список депутатов, избранных 22 марта 1998 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1998/members-parliament/>;

Список депутатов, избранных 25 февраля 2001 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2001/members-parliament/>;

Список депутатов, избранных 6 марта 2005 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2005/>

Список депутатов, избранных 29 июля 2009 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/20092/members-parliament/>

Список депутатов, избранных 28 ноября 2010 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2010/members-parliament/>

Список депутатов, избранных 30 ноября 2014 года в Парламент Республики Молдова, <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2014/members-parliament/>

Alegerile parlamentare din 2019 în Republica Moldova, [http://alegeri.md/w/Alegerile parlamentare din 2019 %C3%AEn Republica Moldova](http://alegeri.md/w/Alegerile_parlamentare_din_2019_%C3%AEn_Republica_Moldova) (дата обращения 8.05.2020);

Alegerile parlamentare din 2021 în Republica Moldova, [https://alegeri.md/w/Alegerile parlamentare din 2021 %C3%AEn Republica Moldova](https://alegeri.md/w/Alegerile_parlamentare_din_2021_%C3%AEn_Republica_Moldova) (дата обращения 8.09.2021);

Таблица 3.2. Правящие коалиции в Республике Молдова

	<i>Электоральный цикл</i>	<i>Партии, представленные в парламенте</i>	<i>Состав правящих коалиций</i>	<i>Период деятельности коалиций</i>
1.	1994-1998 гг.	АДПМ; Избирательный блок «Социалистическая партия и Движение Unitate-Единство»; Избирательный блок «Блок крестьян и интеллектуалов»; Избирательный блок «Альянс христианско-демократического народного фронта»	АДПМ; Избирательный блок «Социалистическая партия и Движение Unitate-Единство».	1994-1996 гг.
2.	1998-2001 гг.	ПКРМ; Избирательный блок «Демократическая конвенция Молдовы»; Избирательный блок «За демократическую и процветающую Молдову»; Партия демократических сил	<i>Альянс за демократию и реформы (АДР):</i> Избирательный блок «Демократическая конвенция Молдовы»; Избирательный блок «За демократическую и процветающую Молдову»; Партия демократических сил	апрель 1998 г. – ноябрь 1999 г.
3.		ПКРМ; ХДНП; Альянс «Наша Молдова»	ПКРМ; ХДНП	1999-2005 гг.
4.	2005 - 5 апреля 2009 гг.	ПКРМ; Избирательный блок «Демократическая Молдова»; ХДНП	<i>«Политическое партнерство для достижения целей европейской интеграции»:</i> ПКРМ; ДПМ; СЛП; ХДНП	24 марта 2005 г. - 2007 г.
5.	29 июля 2009 – 2010 г.	ПКРМ; ЛДПМ; ЛП; ДПМ; АНМ	<i>Альянс за европейскую интеграцию (АЕИ-1):</i> ЛДПМ; ЛП; ДПМ; АНМ	8 августа 2009 г. - 28 сентября 2010 г.
6.	2010-2014 гг.	ПКРМ; ЛДПМ; ДПМ; ЛП	<i>Альянс за европейскую интеграцию (АЕИ-2):</i> ЛДПМ; ДПМ; ЛП	30 декабря 2010 г. – 13 февраля 2013 г.
7.			<i>Коалиция проевропейского правления:</i>	30 мая 2013 г. – 30 ноября 2014 г.

			ЛДПМ; ДПМ; Либерал-реформаторская партия (ЛРП)	
8.	2014-2019 гг.	ПСРМ; ЛДПМ; ПКРМ; ДПМ; ЛП	<i>Политический Альянс за Европейскую Молдову:</i> ЛДПМ; ДПМ	23 января – 12 июня 2015 г.
9.			<i>АЕИ-3:</i> ЛДПМ; ДПМ; ЛП	23 июля – 29 октября 2015 г.
10.			<i>Коалиция парламентского большинства:</i> ДПМ; ЛП; 14 депутатов, вышедших из ПКРМ; 7 депутатов ЛДПМ; 2 независимых депутата	20 января 2016 г. – 9 марта 2019 г.
11.	2019– 2021 гг.	ПСРМ; блок ACUM; ДПМ; партия «Шор»	<i>Коалиция ПСРМ - ACUM</i>	8 июня – 12 ноября 2019 г.
12.			<i>Коалиция ПСРМ – ДПМ «Социал-демократическая платформа за Молдову»</i>	16 марта 2020 – 28.04.2021

Составлено автором по: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/>; <https://alegeri.md/> (дата обращения 18.08.2021)

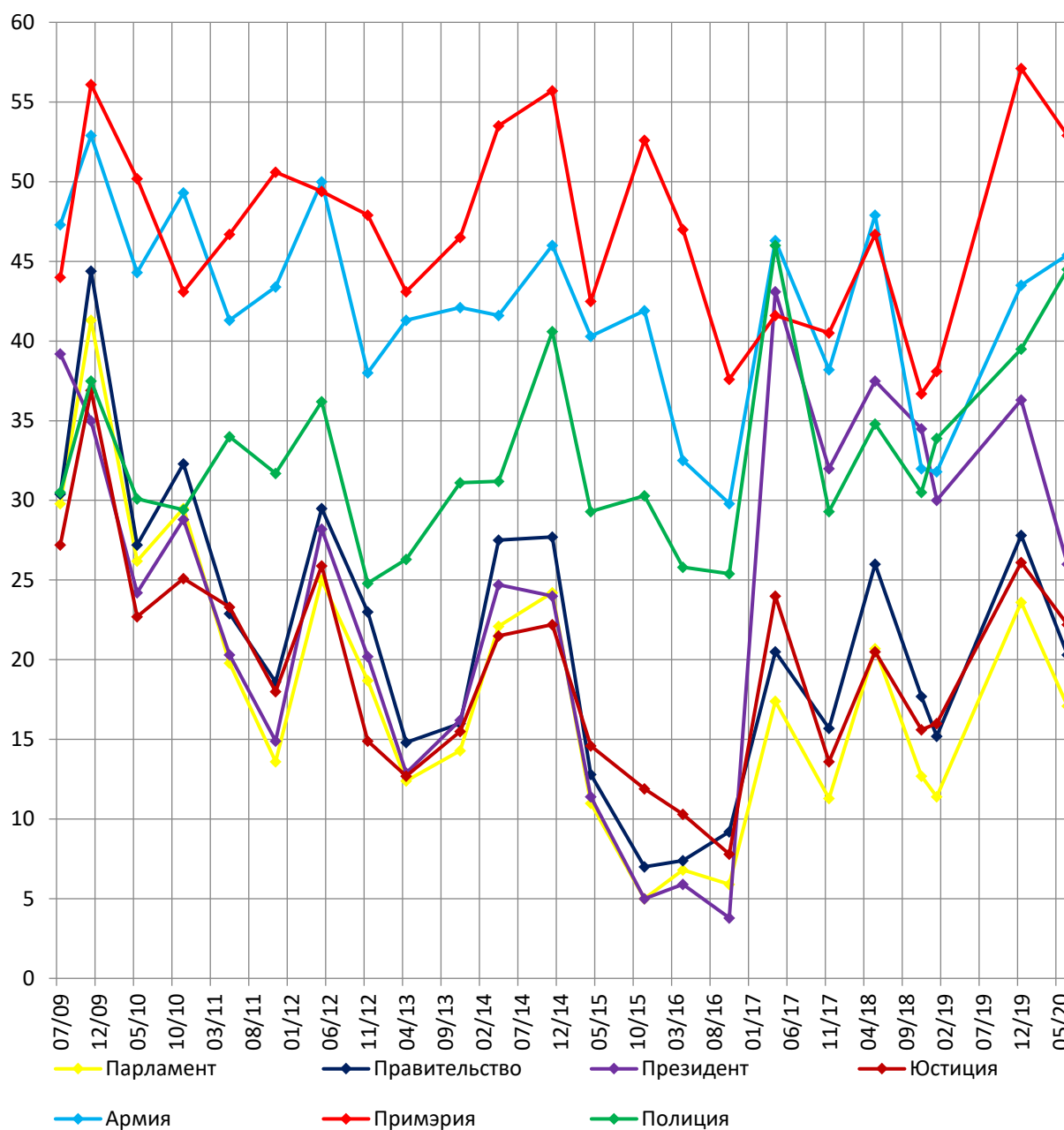
Таблица 3.3. Политико-социологический портрет Народного Собрания Гагаузии

Год выборов	Кол-во депутатов	Партийная принадлежность	Женщины	Возраст	Ново-избранные
1995	34	Трудовые коллективы – 11; ПКРМ -8; Независимые – 5; Народная партия «Ватан» - 5; АДПМ – 4; Народная гагаузская партия - 1	1	Нет данных	-
1999	35	Независимые – 25; ПКРМ - 4; Партия социальной демократии «Furnica» - 2; Социалистическая партия -2; Народно-демократическая партия Молдовы -1; Движение «За демократическую и процветающую Молдову» -1.	2	Нет данных	28
2003	35	Независимые – 17; ПКРМ -16; ПСРМ -1; «Равноправие» -1.	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2008	35	Независимые – 21; ПКРМ -10; ДПМ -2; «Равноправие» -2.	5	Средний возраст- 43,2; до 35 лет – 7; 36-50 лет – 21; старше 51 года- 7	Нет данных
2012	35	Независимые – 25; ПКРМ -7; ЛДПМ -2; ПСРМ- 1.	1	Средний возраст - 45,8; до 35 лет – 5; 36-50 лет – 20; старше 51 года- 10	25
2016	35	Независимые – 28; ПСРМ- 6; ДПМ -1.	4	Средний возраст - 46,4; до 35 лет – 5; 36-50 лет – 19; старше 51 года- 11	20
2021	35	Независимые – 25; Избирательный блок коммунистов и социалистов - 9;	2	Средний возраст - 50,4; до 35 лет – 3; 36-50 лет – 14;	12

		Партия «Строим Европу дома» -1.		старше 51 года- 18	

Подсчитано автором по: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/gagauzia/>;
https://alegeri.md/w/Alegeri_%C3%AEn_Adunarea_Populară_a_Găgăuziei (дата обращения
18.02.2022)

Рисунок. Уровень доверия политическим институтам

Источник: Составлено автором по результатам социологических исследований «Барометр общественного мнения», 2009-2020 гг.

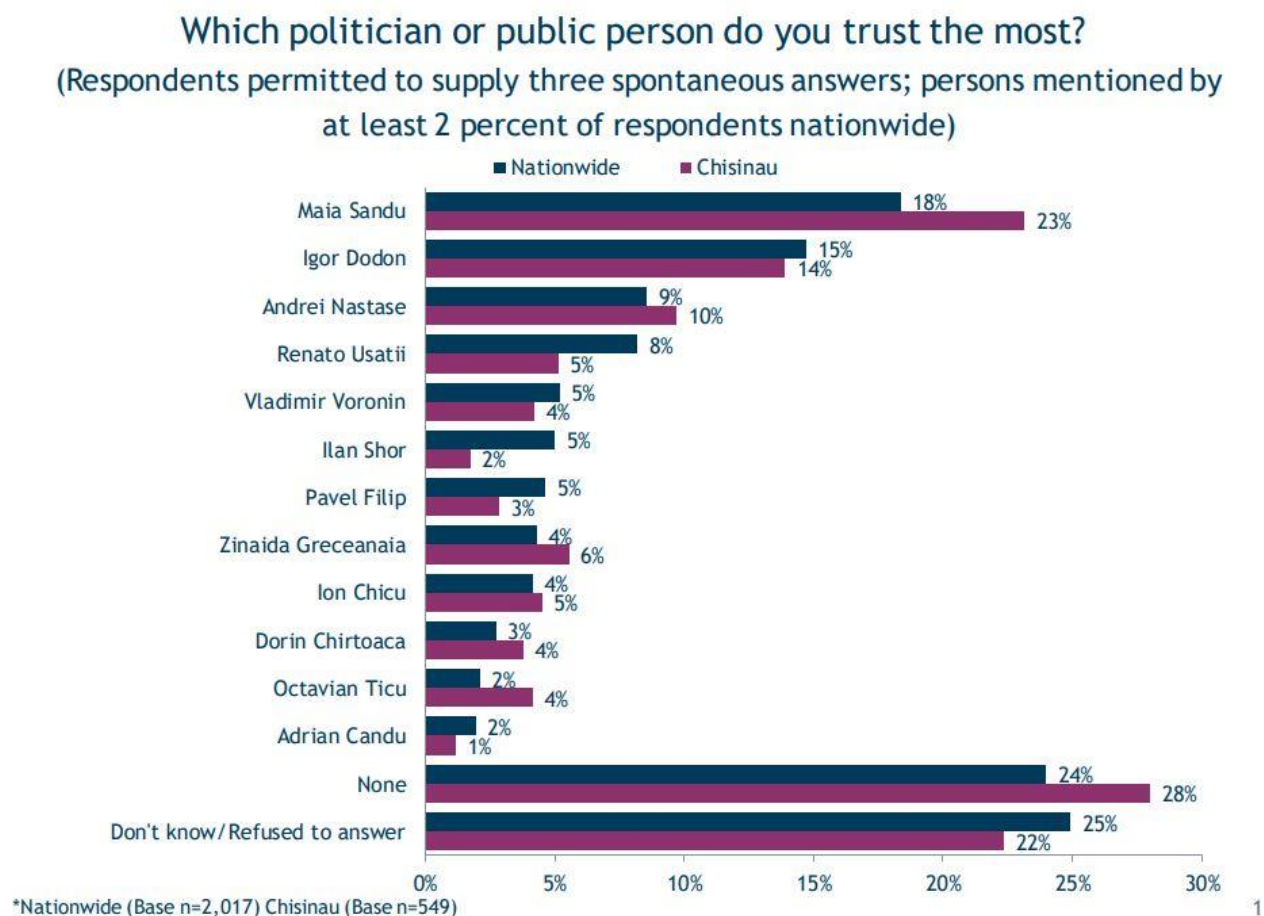
ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Таблица 3.4. Уровень доверия политическим лидерам (доверяю / скорее доверяю)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Лупу М.	25,7	27,5	22,8	32,5	18,2	12,9					
Гимпу М.	18,2	19,5	15,1	20,4	13,2	3,4	3,5	4,1			
Филат В.	40,9	35,0	22,8	26,5	3,1						
Воронин В.	37,4	32,7	33,3	31,7	20,9	9,6	10,1	16,1	20,6	15,2	28,8
Киртоакэ Д.	30,5	35,3	32,8	35,1	30,0	9,3	9,8	7,5	11,9	8,0	
Плахотнюк В.	26,2	9,8	8,5		2,3	3,6	5,8	12,2			
Додон И.	24,3	34,3	33,0	21,9	32,6	25,8	33,1	25,2	37,3	31,0	33,2
Тимофти Н.		23,6	23,1	24,7	5,9	1,7					
Лянкэ Ю.			32,8	42,2	30,0	9,8	5,6	4,9			
Усатый Р.				30,8	36,7	22,8	4,2	9,1	20,2	27,6	25,4
Канду А.					11,6	6,1	5,4	8,3		3,5	
Санду М.					39,3	22,4	18,5	16,2	30,2	28,4	56,3
Нэстасэ А.					28,9	18,9	12,5	14,3	19,5	12,0	24,8
Филип П.						8,3	9,9	17,2	17,6	8,5	13,4
Гречаный З.							15,8	19,9	25,1	13,7	
Шор И.								12,8	13,8	17,3	20,8

Источник: Барометр общественного мнения Республики Молдова, <http://www.bop.ipp.md/ru/resul>

Рисунок. Уровень доверия политическим и общественным деятелям

Источник: Какой политик пользуется наибольшим доверием населения Молдовы? Опрос IRI, <https://nokta.md/kakoj-politik-polzuetsya-naibolshim-doveriem-naseleniya-moldovy-opros-iri/>

Декларация об ответственности

Нижеподписавшаяся, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Фамилия, имя

Талмазан Лариса

Подпись

Число

20.01.2023

PERSONAL INFORMATION

Larisa Talmazan

📍 str. Krasnodonskaia 72, ap.65 , Moldova

☎ - 📠 +37362166445

✉ talmazanlarisa4@gmail.com

🔒 =

💬 Instagram lorik2334

Sex feminin | Date of birth 10.01.1984 | Nationality Republica Moldova

WORK EXPERIENCE

From 2008   lector al Departamentului de Administrație Publică
Universitatea De Stat Din Tiraspol «T. G. Shevchenko»
▪ Lector

EDUCATION AND TRAINING

1. 2002-2007   1. Licențiat-Relații Internaționale, Universitatea De Stat Din Moldova
2. 2008-2010   2. Master-științe filosofice moderne, Universitatea de Stat din Moldova
3. 2016-2023   doctorandă în cadrul Școlii Doctorale Științe Sociale și ale Educației a Universității de Stat din Moldova

PERSONAL SKILLS

Mother tongue(s)   Rusă

Other language(s)

	UNDERSTANDING		SPEAKING		WRITING
	Listening	Reading	Spoken interaction	Spoken production	
Romanian	B2	B2	B1	B1	B2

English	A2	A2	A1	A1	A2

Levels: A1/A2: Basic user - B1/B2: Independent user - C1/C2 Proficient user
[Common European Framework of Reference for Languages](#)

Communication skills   ▪ Și-a dobândit abilitățile de comunicare prin munca la universitate. Calități personale: sociabil, responsabil, receptiv.